

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

Ефим Соломонович Роговер 2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Е. С. Роговер. «Ревизор» – новаторская комедия Н. В. Гоголя..... 3

А. Н. Миронов. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» как прирожденное непонимание русским писателем существа государства российского 13

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

Наталья Ульянова. Мифы и легенды о сотворении мира 21

Александр Прилучный. Мифы и легенды народов Дальнего Востока о сотворении мира, а именно, о вороне Кутхе 25

Евгений Мюллер. Единственный снимок 30

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Стихи Владимира Архипова, Наталии Рябухиной, Олега Капанина, Нины Белановой, Майи Шеремет, Валерия Орлова 80

ПРОЗА XXI

Наталья Менендес. Разведенные мосты (повесть)..... 100

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

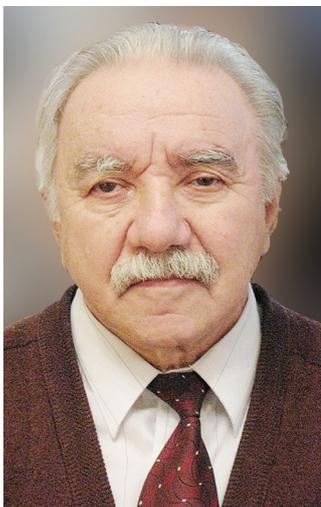
Вадим Петров. Почему распался СССР?..... 136

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Константин Симонов (литературный портрет) 161

УДЕРЖИВАЯСЬ НА КРАЮ...

Андрей Каратыгин. Несостоявшийся фильм о нас..... 170

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век» от всей души поздравляет Ефима Соломоновича Роговера с восьмидесятилетием и желает нашему дорогому юбиляру, новых литературных открытий и замечательных свершений в области искусствоведения, прозы и поэзии.

Ефим Соломонович проявляет себя с редкостной многогранностью: он — видный ученый-методист, литературовед, журналист, путешественник, прозаик и поэт. Он может гордиться своей уникальной библиотекой и коллекциями грамзаписей, художественных открыток и кукол разных народов и стран. Им выпущены 53 книги и написано более шестисот статей. В течение последних лет он является автором многих статей в журнале «Писатель. XXI век».

Богатый 50-летний опыт преподавания в школе, 30-летний опыт педагогической деятельности в вузе, незаурядные личностные качества позволили Роговеру проявить свои способности в разнообразных аспектах методики преподавания литературы как науки и учебного предмета.

Также очень широк диапазон научных интересов Ефима Соломоновича — литература от её истоков до нашей современности, методика школьного и вузовского преподавания, работа с абитуриентами.

Огромный вклад в развитие и изучение литературы народов Крайнего Севера, который сделал Роговер, показал увеличение внимания к прозаическим произведениям малочисленных народов: долганов, эвенков, коряков и чукчей.

В последние годы Ефим Соломонович очень активно и успешно работает в жанре рецензий, «литературных портретов», аналитических статей и обзоров. Он всегда подчеркивает и иллюстративно показывает «неповторимость и самобытность» творческого наследия национальных авторов.

Центральное место среди всех научных и методических трудов юбиляра занимают работы о А.С. Пушкине. Его анализ «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Полтавы» и лирики выше всяческих похвал.

Поэтические строки нашего уважаемого юбиляра поражают своей ясностью и простотой.

Стихи должны быть ясны и сердечны.
Доступность их — критерий их цены,
Они тогда по форме безупречны,
Когда прозрачным смыслом спасены.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК»

Е. С. Rogover

«РЕВИЗОР» – НОВАТОРСКАЯ КОМЕДИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Хотя в основу пьесы её автор положил анекдотическую ситуацию (в цензорском разрешении она рассматривалась как «забавное происшествие» и анекдот), он глубоко обобщает её, показав широкую картину современной действительности.

Сюжет пьесы приобрел под пером Гоголя социальный характер: автор порывает и с традиционной занимательной интригой, и с обычными любовными перипетиями, которые приобрели здесь второстепенное и даже пародийное звучание. Явления быта, выявляющие главные стороны жизни современной России, вышли на первый план; не личные столкновения и «частные интересы», а общий «страх возмездия», поразивший город, стали пружиной комедийного действия.

Если в ряде догоголевских произведений о мнимом ревизоре в центре оказывался авантюрист, плут и мошенник и, обманывая, добивался своей корыстной цели, то Гоголь, лишив героя качеств ловкого проходимца, перенёс акцент на тех, кто принял от страха частное лицо за ревизора, обнажив типичные для провинциальной николаевской России нравы. Прежний сюжетный ход пьес о мнимом ловкаче был разрушен. Ещё одной особенностью сюжета является то, что автор представил группу правителей города в момент «чрезвычайный», когда резко обострились события, подтверждённые и слухами, и письмом, и сном, и приметам. Сюжет при этом сразу обрёл непривычную внутрен-

нюю динамику и стремительность, в нём есть некая цепная реакция и резкие сюжетные сдвиги. Наконец, отметим типичность сюжетной ситуации, вскрытой Гоголем, свойственное ей обобщающее значение, что и определило тот широкий и острый резонанс, который вызвала премьера.

Яркое новаторство сказалось и в *композиции* сценического действия. Главный герой «Ревизора» не присутствует ни в первом, ни в последнем действии (вначале он проживает в гостинице и неведом чиновникам; в конце он благополучно исчезает из уездного городка, оставив растерявшихся и ошеломленных его правителей). Тем самым внимание читателя переносится на нравы и порядки, господствующие в городе, а также на то саморазоблачение, которое делают чиновники, переживая публичное наказание. Композиционное мастерство сказалось в симметрии, использованной драматургом. Поскольку городничий из осторожности, нарушая установления, предлагает почтмейстеру распечатывать письма посторонних, тот с явной охотой и рвением делает это, что производит потрясающий эффект в конце комедии. Известия о появлении ревизора в первых явлениях и его истинный приезд в конце комедии создают новое кольцо и новое проявление симметрической замкнутости – пример классического единства действия. При этом мы догадываемся, что страж порядка поведёт себя привычным образом и непредвиденных

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

неожиданностей со встречей ревизора не произойдёт. Всё обретёт заведенную десятилетиями повторяемость. На вопль городничего об «известии» ответит в финале пьесы громкое «эхо», и всё вернётся на «круги своя».

Гоголь решительно пересмотрел характер, роль и функции известных элементов сюжета и композиции. Прежде всего это относится к *завязке*. Именно с неё энергично и решительно начинается свою пьесу драматург. Первая реплика Городничего, по существу, играет роль активной завязки: «Я пригласил вас, господа...». Это приглашение и сообщаемое чиновникам «пренеприятное известие» производит эффект разорвавшейся бомбы и приводит всё в движение. В. И. Немирович-Данченко восторженно писал об этой первой фразе: «С какой силой, с какой простотой, с какой гениальной экономией происходит завязка пьесы!» Одна только фраза — и пьеса уже начата. «Дана фабула и дан главный её импульс — страх» [1]. При этом сама эта фраза предельно сжимается до 15 слов и выглядит сжатой пружиной. А суть её — общественная (но отнюдь не частная) значимость того, что должно в ближайшие часы произойти. Судьбы всех персонажей комедии входят в эту стремительную завязку, образуя мощный сюжетный узел. Если мы привлечем гоголевский «Театральный разъезд», то обратим внимание на слова Второго любителя искусств: «...комедия должна вязаться сама собой, всей своей массой, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два...» [2]. Это положение Второго любителя прекрасно осуществлено в гоголевской пьесе. Среди нескольких слов этой завязки есть и словечко «шась». Сколько силы, дара необходимо автору, чтобы одним таким словом передать мгновенность действия хищника и цепкость его хватки!

Однако существует и другое мнение — профессора Н. Л. Степанова, — согласно которому завязкой следует считать не первую фразу, а шестое явление (прибытие Бобчинского и Добчинского). Нельзя отказать в наблюдательности исследователю, поскольку известие «сорок короткохвостых» связывает чиновников с реальным лицом и подготавливает «основную коллизию второго действия». Другой исследователь — Е. Холодов — видит комедийный узел лишь во втором акте, когда происходит встреча городничего с Хлестаковым и он поверил в ревизора «подлинного». Такого же мнения придерживается и В. Кулешов. Возможно — и это в духе новаторства Гоголя — в пьесе существует не одна, а три названных завязки. Такого ещё в драматургической практике не бывало. Соединение этими узлами всех действующих лиц и даже внесценических персонажей делают завязку «общей», но отнюдь не частной, как это практиковалось в догоголевских комедиях.

Но тогда экспозиция пьесы перемещается с привычного первого места на более отдалённое и, по словам Ю. Манна, оказывается рассредоточенной, позволяющей нам всматриваться в обстановку и разбираться в том, что творится в городе. В этом перемещении также выражено новаторство Гоголя в «Ревизоре».

Изменения получает и *развитие действия*, коллизия и интрига, лежащие в центре пьесы. Это развитие вначале отличается некоторой медлительностью, а с шестого явления получает свою динамику и учащённый ритм. Становится заметным, как из первого акта протянуты нити (требование распечатывать письма) к драматическим эпизодам и сценам финала. Вхождение Хлестакова в развивающееся действие, начиная со II акта, осложняется мерами, предпринятыми Городничим, который всё больше

увязает в «ловушке». Медлительность объясняется также психологическими «прошупываниями» новоявленной «бестии» и незнанием того, с кем один и другой имеют дело. Действие третьего акта противоречиво: с одной стороны, в нём немало тождественных мизансцен, связанных с дамами, художественных вариаций, замедляющих события; с другой – происходит стремительное нарастание испуга, вызванного вдохновенным враньём Хлестакова. Нечто подобное происходит и в четвертом акте: с одной стороны, следуют, повторяясь и слегка видоизменяясь, сцены приёма просителей, обнажающих мир чиновников и положение в городе, с другой – Хлестаков переживает своё величие, «всемогушество» и психологический «апофеоз». Резкие сдвиги осуществляются в пятом акте: от упоения славой и мнимой победы городничий переходит неожиданно к своему фиаско и унижительному поражению. Но катастрофу при этом переживают все чиновники, упомянутые в письме.

По остроумному замечанию В. Кулешова, сюжеты трех центральных актов «взмывают к трём кульминациям»: сцене хвастовства и вранья Хлестакова, приему дарителей и жалобщиков-посетителей и сватовству [3]. Наличие трёх *кульминаций* – ещё одно проявление художественного новаторства гоголевской пьесы.

Нет единодушия у исследователей пьесы и в определении *развязки* пьесы. Если Н. Степанов связывает её с письмом Хлестакова, перехваченным почтмейстером, и вскрывающим ложь мнимого ревизора и легковерие городничего, то акад. М. Храпченко подлинную развязку усматривал в монологе городничего: «Чему смеёте?» Эта речь обращена сразу и к хозяину города, и к чиновникам, и к смеющимся зрителям. Наконец, Ю. Манн видит развязку в «немой сцене». Каждый из упомянутых авторов по-своему

прав, и таким образом троичность распространяется и на развязку пьесы. А в этом факте сказывается опять-таки уникальность сюжетно-композиционного построения пьесы. И это не просто формальное новшество великого драматурга, но и его гениальное умение, как он писал в «Авторской исповеди», «собрать в одну кучу всё дурное в России, <...> все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем» [4].

Особое значение имеет исключительная, новаторская по своему характеру «немая сцена». Внешне она выглядит испугом от появления жандарма, извещающего о прибытии настоящего ревизора, сменяющего мнимого. Однако Гоголь, как это отметил проф. Ю. Манн, пренебрег важнейшим условием такого финала – определенностью результата, при котором носители порока строго наказывались человеком высшей инстанции. В «Ревизоре» внимание сосредоточилось на самом эффекте потрясения буквально всех персонажей (за исключением исчезнувших Хлестакова и Осипа), независимо от степени их «вины» и участия в событиях. Сценически это было выражено развернутой мизансценой, или «немой сценой», которая по своей длительности («почти полторы минуты; а в «Отрывке из письма» – даже «две-три минуты») отступала от всех принятых норм правдоподобия и приближалась к значению *вечною окаменения*. Благодаря этому немая сцена включает в себе множественность смыслов, вплоть до значения высшего – Божественного суда над *всем человечеством*. Это значение специально было подчеркнуто в «Развязке “Ревизора”». Но не исключено, что никакого возмездия не случится вообще и порок не будет наказан. Чиновники придут в себя и после оцепенения до-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

говорятся вновь о том, как «облапошить» новоявленного «стража порядка». Тем более что ревизор намерен не обойти город и все его присутственные и казенные места, а требует чиновников к себе, в свои апартаменты. Но созданный Гоголем финал пьесы потрясает: резким, неожиданным контрастом между смехом, ехидством, суетою конца V акта, живой подвижностью — и внезапно наступившей гробовой тишиной и скульптурной неподвижностью. Призраки словно застыли и окаменели. Это, пользуясь словами Пушкина, «обломки самовластья» городничего и его чиновников. Авторский суд над ними свершен.

Эстетическую основу «Ревизора» составляет *комическое*. Смех в этой пьесе отличается редкой многокрасочностью, виды комизма — исключительным разнообразием. Прежде всего, выделим *комизм характеров*. Он является в произведении Гоголя определяющим. Характерами обусловлена здесь и нелепица высказываний, и абсурд вранья, и бессмыслица ряда положений.

Вплощая *образ городничего*, Гоголь раскрывает контраст различных черт его характера. Солидность соединяется у Сквозника-Дмухановского с суетливостью, страх сменяется радостной раскованностью, а низость — высокомерием. Вся ловкость, изворотливость и хитрость применяет он в поединке с Хлестаковым, но так нелепо «фитюльку» принял за важную персону! В городничем поразительно сочетаются масштабность с мелочностью, широта стратегии с узостью тактики, это «большой корабль», который «мелко плавает».

По-иному раскрывается комизм характера *Ляпкина-Тяпкина*. Глупость в нём сочетается с претензией на ум, каждому слову своему он даёт вес, хотя оно вовсе не весомо. Делает глубокомысленные догадки, но при этом не-

изменно попадает пальцем в небо. Давая аттестации своим сослуживцам, он столь же «проницателен». О заседателе он отзывается так: «в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою». Судья имеет самые отсталые взгляды, а считает себя чуть ли не вольнодумцем. Довольно ловко и остроумно пользуется он тяжбой соседей, похожих на Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: «Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого».

Комизм высказываний Ляпкина-Тяпкина непосредственно вытекает из его характера. Комично и то, что блюститель правосудия первым даёт Хлестакову взятку, а служебное время проводит если не в погоне за зайцами, то у жены Добчинского. В момент апогея городничего судья не прочь вставить льстивую реплику: «Большому кораблю — большое плаванье», но в ситуации краха своего начальника он же бросает реплику: «Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло!».

Колоритно воссоздан и *Земляника*. Будучи неповоротливым и толстым, он, тем не менее, оказывается «пронорой и плутом». При первом знакомстве с ним нас вводит в заблуждение благодушие и добродушие, но существо его характера — подхалимство и лицемерие, а на дне его души — завистливость и продажность. Земляника — это та «сладка ягода», которую горько кушать. Он первым подаёт сослуживцам мысль о необходимости «подсунуть», построив предварительно всех «на военную ногу», однако к приехавшему ревизору входит последним, сделав при этом ловкую попытку увернуться от принесения денежного подношения. Выражение «мрут как мухи» он сумел издевательски переиначить на свой лад: «как мухи выздоравливают». Самые льстивые слова находит он, поздравляя городничего, и самые

бранные — для реплик по его адресу «в сторону». «Сочувствуя» Добчинскому, он честит его, называя «сморчком короткохвостым». Всё это и дало Хлестакову основание пригвоздить Землянику в своём письме прозвищем «свинья в ермолке». Только и осталось у него человеческого, что эта ермолка.

Иной комизм, основанный на подобию Хлестакову, содержится в характере *почтмейстера*. Не случайно в прославленном спектакле литераторов 1860 года именно на этой роли остановил свой выбор Ф. М. Достоевский, сыгравший её безукоризненно и отозвавшийся о ней так: «Это одна из самых высококомических ролей не только в гоголевском, но и во всём русском репертуаре, и притом исполненная глубоко общественного значения» [5]. С легкостью в мыслях необыкновенной он повторяет слова судьбы о возможной войне (присочиняя слово «с турками») и с той же беспечностью отрекается от этих слов: «А если так, то не будет войны с турками». Комически нелепа страсть почтмейстера распечатывать из любопытства чужие письма, чтобы знать, что есть живого на свете и какие бывают «разные пассажи» и «эмпирии», когда на балу барышень много и «штандарт скачет». Пошлые и «развесистые» фразы кажутся ограниченному Шпёкину необыкновенной поэзией.

Яркий комизм заключен и в характере *Хлопова*, существа безликого, напуганного, живущего подобострастным почитанием начальства, перед которым язык зрителя училища «как в грязь» вязнет. Но парадокс состоит в том, что робкого и тишайшего, смиренного и «прихлопнутого» Хлопова обвиняют в «вольнодумных мыслях, внушаемых юношам», в том, что он «хуже, чем якобинец» в своей просвещенческой крамоле. Забавнее этого обвинения трудно придумать.

Комическое начало в пьесе приносит и *Гибнер*. Если в первой ре-

дакции он фарсово коверкает русскую речь, то в последнем варианте он просто нем, хотя ему как лекарю надлежит общаться с больными. Смешна и фамилия «Гибнер», производная от русского корня «гиб», общего со словом «гибель», и одновременно немецкого «giben» — «дать». Цветы, которые носил актёр Тусузов, исполнявший эту роль в Московском театре Сатиры, намекали не столько на дары больным, сколько на атрибуты для покойников.

Смешны и уморительны *Бобчинский* и *Добчинский*, похожие один на другого в необыкновенной степени, ставшие игрушками в чужих руках, делающие то, что им велят другие, послушно и безропотно. Не случайно оба помещика всё время куда-то бегают: то петушками за дрожками, то с запиской к женщинам. Они — на побегушках, причём нередко падают вместе с дверью, сталкиваются лбами, что вызывает постоянно смех. А если к этому добавить тугомыслие, свойственное им, суетливость, нетерпение, своеобразную манеру речи (слушающие должны узнать о самых посторонних вещах, прежде чем рассказчики доберутся до истины), то становится ясным, в чем источник того огромного комедийного эффекта, который вызывают эти «бесхарактерные» характеры. Не случайно Белинский назвал их «городскими шутами».

Стареющая кокетка *Анна Андреевна*, легкомысленная и падкая на сплетни и волокитство, и бездумно-пустынькая *Марья Антоновна* великолепно дополняют этот комический ансамбль, причём даже тогда, когда становятся высокомерно-заносчивыми в предвкушении петербургской жизни. Объяснение Хлестакова с этими провинциальными кокетками нельзя воспринимать иначе, как своеобразную пародию на любовные сцены, знакомые нам по классике. Язык комплиментов в адрес двух забавных

соперниц носит пошлый характер, представление о любви всех троих не выходит за пределы тупой ограниченности; комические детали и повторы усугубляют чувство смешного.

Образ *Хлестакова* несет комизм особого свойства и наполнения. Вопреки предположениям его «жертв», считающих приехавшего ревизором, а значит — ловкачом, хитрецом, хапугой, тонким дипломатом, начальственно грозным и властным чиновником, Хлестаков таковым вовсе не является. Он совсем не пройдоха, авантюрист или мошенник. Он никого не надувает и не обманывает, даже взяточником его нельзя назвать, ибо, беря деньги, он, должно быть, верит, что берёт в долг и считает это щедростью здешних людей. Впрочем, он меньше всего и об этом думает: главное — сразиться с обыгравшим его капитаном. Всё это создает комизм необычайный.

Однако характер Хлестакова комичен и «изнутри», вне контраста с другими. Противоречивы его поступки: не знаешь, что сделает он в следующую минуту — неожиданны повороты его хотений и намерений. Всё у него «вдруг», всё — сюрприз и неожиданность. Мы уже видели, как он может объясняться дочери и тут же — её матери, а флиртуя с последней, неожиданно признаваться в любви... к юной любительнице цветного платья. Комизм этих недоразумений («ах, какой пассаж!») прямо вытекает из особенностей характера Хлестакова. Неосторожный его поступок с письмом Тряпичкину определил финальный «реприманд неожиданный». Хлестакова отличает «скачущая» с предмета на предмет речь, быстрая смена противоположных суждений, пустота мыслей, фразёрство, показная светскость, развязность тона, щегольство витиеватыми словами и упоение ими. Так и не сумел разобраться Хлестаков, что произошло с ним в уездном городке;

только в предпоследнем действии ему начинает весьма неотчётливо казаться, что его принимают за кого-то другого, но за кого конкретно — это ему неизвестно. Есть у Хлестакова характернейшая особенность: стремление сыграть роль хоть одним вершком выше той, которая ему предназначена. Эта черта всё и определяет в герое. Бедному чиновнику, коллежскому регистратору, страсть как хочется подняться хотя бы до провинциального секретаря; автору пошлых писем к Тряпичкину грезится создание «Фрегата “Надежды”» Марлинского; жильцу комнаты на верхнем этаже мечтается иметь свой собственный дом в Петербурге. Отсюда — желание пустить пыль в глаза, блеснуть, произвести впечатление, выглядеть главнокомандующим, начальником, у которого 35 тысяч курьеров. Этот умеренный гиперболизм делает Хлестакова подлинным шутком в гоголевской комедии.

Так комическое в пьесе подчиняется раскрытию типов. Это и делает произведение Гоголя *комедией характеров*.

Но в «Ревизоре» ярко передается и *комизм положений*. Гоголь щедро использует его, хотя и не придаёт ему решающего значения. Одним из таких положений является *комизм недоразумений* [6], к которому приводит страх гоголевских героев и их ошибка. По невежеству и недомыслию Добчинский и Бобчинский принимают Хлестакова за государственного человека; напуганные чиновники спешат принять меры предосторожности; несведущий ни о чём приезжий пугается прихода городничего, рассматривая его как результат жалобы трактирщика. На недоразумении держится и следующая сцена — встреча Антона Антоновича и Хлестакова в номере, при которой каждый не понимает другого. И далее — сообщение Добчинского женщинам, расхваливание городничим своих служб и ведомств, заклю-

чение Бобчинского («генерал-то ему и в подметки не станет!»), эксперимент городничего («подгулявши, человек всё несёт наружу»), ухаживание за Осипом, сцена взяток, жалобы купцов и гражданства, мечтания Сквозника-Дмухановского и поздравления – всё строится на недоразумениях. И на них же завязывается драматический узел гоголевского «Ревизора».

Другой разновидностью комизма положений является *превращение*. Недоразумения и ложь Хлестакова преобразуют его в глазах дрожащих слушателей и в его собственных глазах то в управляющего департаментом, то в главнокомандующего. Можно представить его позы в этот момент (скрещенные по-наполеоновски руки, вытянутая фигура, начальственный вид с высоко задранной вверх головой), затуманенный взор, когда ему видятся тридцать пять тысяч курьеров, солдаты под ружьем, подобострастные сослуживцы. И только отдельные обмолвки «возвращают» его к истинной сущности. Это и делает ситуацию особенно комической. Точно так же городничий, мечтающий о будущем генеральстве, «превращается» на время в грозу «титularных». В пятом действии на наших глазах подобострастно поздравляющие чиновники превращаются в злопыхателей. Во всех этих случаях персонажи выступают в ролях, прямо противоположных их истинному облику или положению, что и рождает неудержимый смех.

И ещё одна разновидность комизма положений – *совпадение* финала в истории комического персонажа с судьбой трагического героя. Так, в восьмом явлении последнего акта ловкий городничий из победителя становится побежденным, из вознёсшегося к вершинам почёта – раздавленным, из прославленного – посрамленным, из хищника – жертвой. Концовка пьесы «перелицовывается» в трагические одежды (вспомним слова гра-

дона начальника: «Убит, убит, совсем убит!»). Но характер героя не покидает почвы комического. Это и вызывает соответствующую реакцию окружающих и зрительного зала одновременно.

Названные здесь виды смешного обогащены в пьесе *комизмом сходства*. Он особенно ярко проявляется в подобию Бобчинского и Добчинского (одинаковы их рост, болтливость, нетерпение), Анны Андреевны и Марьи Антоновны (сходно их жеманство, кокетство, любопытство, безвкусица, их споры и препирательство, низкий духовный уровень). Подобие обнаруживает себя и в такой ситуации: почтмейстер «в одно слово» с судьей предположили, что ревизор едет неспроста: война с турками будет.

Свою лепту в атмосферу пьесы вносит и *комизм глупости*. Он проявляется в абсурдных утверждениях и выводах персонажей пьесы, например, в заключении городских помещиков о приезде ревизора на основе того, что он денег не платит и в тарелку заглянул. Нелепы доводы Хлестакова, высказанные трактирному слуге: нужно кормить его бесплатным обедом потому, что ему хочется есть. Глуп и аргумент Анны Андреевны: как же у неё не темные глаза, когда она гадала на трэфовую даму? На просьбу её дочери прочесть стихи, Хлестаков отвечает: «Да к чему же говорить? Я и без того их знаю». Комизм глупости особенно велик, когда носитель её претендует на глубокомыслие, авторитет, вес. Таков Ляпкин-Тяпкин, который, «собственным умом» доходит ... до нелепостей, подчеркивая свою внутреннюю пустоту.

Отметим ещё *комизм лжи*. Городничий прибегает к последней с целью замазать свои грехи, прикрыть «дымовой завесой» беспорядки в городе, а одновременно набить себе цену, навести на мысль о заслуженном награждении. По его словам, «не прилгнувши,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

не говорится никакая речь». Чиновники обманывают, чтобы просто спасти свои шкуры. Осип привирает, что не валялся на кровати, потому что иначе с его барином и говорить-то нельзя. Хлестаков же врёт и импровизирует бескорыстно, делая это с чувством, вдохновенно, с наслаждением, так, словно произносит самую высокую истину (например, о супе, привозимом из Парижа и непременно сохраняющим свой аромат). Гоголь использует для рассказа о вранье героя самые разнообразные синонимы: «отливает пули», «подпускает турысы», «сочиняет», «лжёт», рассказывает «небылицы». И эта разновидность смеха помогает вскрыть особенности выводимых на суд героев. Страх, отуманивший глаза всех, дал Хлестакову возможности для исполнения комической роли. А реализация её становится показателем внутренней правдивости происходящего.

Эти свойства Хлестакова сделали его фигуру глубоко типической и «вечной». Ф. М. Достоевский заметил, что современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием. В. Г. Короленко свидетельствовал, что история Хлестакова в тысячах живых снимков повторяется ежегодно, ежемесячно, чуть не ежедневно по всему лицу русской земли.

Сплетая и объединяя все эти модификации комизма, смех «Ревизора» становится единственным, по словам Гоголя, честным и благородным лицом его произведения, являясь выражением авторской оценки. Этот смех в «Ревизоре» обретает различные формы: то он выступает в виде *шутки* (когда Хлестаков подтрунивает над Хлоповым, считает его неплохим, добрым человеком), то в форме *иронии* (в случае, когда Осип подсмеивается над своим барином), то в виде *сарказма* (примером может служить смех городничего над купцами-«самоварниками», «надувайлами морскими» и чиновника-

ми, у которых «свинные рылы, вместо лиц»). В соответствии с различными формами комического в самой действительности Гоголь использует в своём произведении аналогичные им художественные виды смешного: *грубый фарс, юмор и острую сатиру*.

К первому относится забавный комизм наружности, движений, действий, грубая комика. Таковы, например, пристрастие Хлопова к луку, падение вместе с дверью. Фарсово-водевильную основу имеют и брюзжания провинциальных женщин. Эти элементы смешного ещё не служат осмеянию общественных пороков, а передают отклонение от нормы жизни, но они обогащают колорит пьесы.

Гораздо важнее в «Ревизоре» гоголевский *юмор*, помогающий решению более высоких задач. Его можно уподобить рентгеновским лучам, просвечивающим людские души. Амплитуда колебаний оттенков в юморе весьма широка, и он включает в себя улыбку, насмешку, восторженный лиризм, грусть, скорбь. По словам Гоголя, юмор озирает жизнь «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слёзы». Замечательным примером такого юмора в пьесе является третье явление первого акта, когда Бобчинский и Добчинский пытаются рассказать об увиденном в гостиничном трактире, томят собравшихся своим повествованием со многими подробностями, повторениями, отступлениями. В насмешке проглядывает грусть Гоголя о том, сколь скудоумным, мелочным, убогим сделала окружающая среда человека.

Определённое место в пьесе занимает *сатира*. Она широко использует иронию и особенно сарказм, а основным приёмом, при помощи которого она вводится в комедию, становится *саморазоблачение* персонажей. Ярким примером этого является сатирическое осмеяние Земляники, идущего к Хлестакову с ябедой на коллег, этого

характерного для эпохи презренного доносителя, карьериста, не брезгающего подсиживанием и гнусным наветом на «родных и приятелей». Другим примером гоголевской сатиры в «Ревизоре» является гневное высмеивание злоупотреблений, казнокрадства, взяточничества, процветающих в городе N, где правят преступные чиновники. В. Белинский писал, что чиновничья жизнь таит в себе «окиян-море комического» [7]. Дыхание и гул этого океана мы постоянно чувствуем в шедевре Гоголя. Последний говорил, что смеха боится и последний негодяй, которого ничем не проймешь. Вот почему так страшится смеющихся городничий.

Сатирическому изображению Гоголь подчиняет и сопоставление людей с животными («глуп, как сивый мерин»), и комизм действий, и многие виды остроумного слова. Когда недруги драматурга (П. Георгиевский, помещик Ф. П. Л., О. Сенковский, Ф. Булгарин) обрушивались с бранью или тенденциозной критикой на гоголевскую пьесу, обвиняя автора в клевете и искажении действительности, эпиграф пьесы грозно останавливал их: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Однако комическое в «Ревизоре», особенно в заключительной немой сцене, вплотную подходит к трагическому. Более того, трагическое подспудно живёт в каждой сцене комедийного действия этой пьесы. Ещё газета «Молва» пронизательно заметила, что «ошибаются те, которые думают, что комедия смешна и только. Да, она смешна; но внутри, это горе гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано» [8]. Этот фольклорный образ не помешал критику сказать обнажённую правду о глубокой серьёзности этого творения. Позже исследователь С. К. Шамбинаго выразит эту мысль по-иному: читатель весело смеётся в этой пьесе «до тех пор

только, пока на него близко не глянет каменящее лицо медузы» [9].

Юмор Гоголя сближает комическое с трагическим. Последнее в произведении прозорливо увидели В. Г. Белинский и В. Ф. Одоевский, назвавший пьесу Гоголя «трагедией русской жизни» [10].

Сказанное позволяет определить жанр гоголевской пьесы. Отказавшись от старой формулировки Г. Гукковского как политической комедии, мы назовём её **высокой общественной сатирической комедией характеров и положений**. Термин «общественная» подчеркивает, что она вплотную подходит к драме и даже трагедии, в чем мы могли убедиться.

Обобщенный, глубоко типический и остро сатирический характер изображения в «Ревизоре» хорошо почувствовали многие современники: как вспоминает Л. И. Арнольди, один из городничих-баронов, которого повстречал однажды Гоголь, откестился от своего коллеги в пьесе, назвав описание в ней «редкостным, уродливым исключением». Театральный чиновник А. И. Храповицкий заметил в своём дневнике: «Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество» [11]. Ф. И. Толстой объявил Гоголя «врагом России», которого «следует в кандалах отправить в Сибирь» [12]. Чиновник и журналист В. В. Вигель называл пьесу клеветой в пяти действиях. Писатель М. Н. Загоскин особенно был раздражён эпиграфом «Ревизора». С пеной у рта он кричал: «Да где же у меня рожа крива?» Всё это красноречиво свидетельствует о той силе сатирического удара, который автор нанёс тогдашнему злу.

Новую жизнь гениальная пьеса обрела на подмостках лучших театров, где роль городничего впервые блистательно воплотили М. Щепкин (в Малом театре Москвы) и И. Сосниц-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

кий (в Александринском театре Петербурга). Позже к этой роли обратились К. Варламов, В. Давыдов, И. Самарин, П. Садовский, И. Уралов, Я. Малютин, В. Полицеймако, Ю. Тулубеев. Партию Хлестакова с блеском осуществили на сцене А. Мартынов, В. Далматов, В. Самойлов, М. Дальский, М. Садовский, Н. Яковлев, С. Кузнецов, Э. Гарин, М. Чехов, И. Ильинский, И. Горбачев, О. Басилашвили, Н. Трофимов. По существу, каждая роль этой гениальной пьесы открывала и открывает исключительные возможности и для воплощения замысла Н.В. Гоголя, и для раскрытия необыкновенных актёрских дарований.

Многие имена персонажей «Ревизора» стали нарицательными. Укажем лишь на фамилию Держиморды. А.П. Чехов в рассказе «Именины» пишет о «держимордовских взглядах».

Л. Левицкий, характеризуя в своей книге о Паустовском начальника завода в Петрозаводске Армстронга, называет его «настоящим держимордой». Журналист А. Аджубей в своих воспоминаниях «Те десять лет», рассказывая о преследовании творческой инициативы в Ростове, где глухонемые ребята освоили создание нового самолёта, пишет: «...испытали ли чувство стыда те ростовские держиморды, которые “пресекли недозволенное» и сожгли собранный ребятами самолёт, как только он сел на землю» [13]. Примеры эти можно бесконечно увеличивать.

В.И. Немирович-Данченко так определил вклад драматурга: «...он создал произведение театра, которое мы можем без малейшей натяжки назвать одним из самых совершенных и самых законченных произведений сценической литературы всех стран» [14].

Примечания

1. Немирович-Данченко В. И. Тайны сценического обаяния Гоголя // Ежегодник императорских театров. – 1909. – Вып. 2. – С. 30.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Гослитиздат, 1949. – Т. 4. – С. 230.
3. Кулешов В. Этюды о русских писателях (Исследования и характеристики). – М.: МГУ, 1982. – С. 75.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.: АН СССР, 1937-1952. – Т. VIII. – С. 440.
5. Роговер Е. С. Русские драматурги XIX в. – СПб.: Образование, 1996. – С. 44.
6. В основу разграничения видов комизма мы кладем концепцию В.Я.Проппа, изложенную в кн.: «Проблемы комизма и смеха». – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 23-27; 61, а также теорию комизма А.Макаряна. См.: Макарян А. О сатире. – М.: Сов. пис., 1967. – С. 185-274.
7. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: АН СССР, 1954. – Т. IV. С. 331.
8. «Молва». – 1836. – Т. XI. – № 9. – С. 257.
9. Шамбинаго С. К. Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). – М., 1911. – С. 72.
10. Цит. по ст.: Дурьлин С.Н. От «Владимира третьей степени» к «Ревизору» // Ежегодник ИИИ. 1953. Театр. – М.: АН СССР, 1953. – С. 219.
11. Храповицкий А. И. Дневник // Русская старина. – 1879. Февр.- № 2. – С. 348.
12. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. – М.: АН СССР, 1960. – С. 40.
13. «Знамя». – 1988. – № 6. – С. 122.
14. Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. – С. 32.

А. Н. Миронов

КОМЕДИЯ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» КАК ПРИРОЖДЕННОЕ НЕПОНИМАНИЕ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ СУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Искусственность унижает и опошляет все то,
к чему она прикасается...

Д. И. Писарев

Упреждая возможное недовольство со стороны ряда тревожных читателей журнала, автор настоящего текста сообщает, что все нижеизложенное им имеет сугубо личный характер и к позиции редколлегии журнала «Писатель. XXI век» никоим образом отношения не имеет. Это первое замечание. Второе замечание состоит уже в том, что приводимые ниже весьма жесткие параллели между положением дел в современном российском государстве и государством вполне далеких времен Н. В. Гоголя применяются автором предлагаемой к прочтению критической работы исключительно по причине подчеркивания им непреходящей актуальности заявленной великим русским писателем когда-то темы. Впрочем, перейдем непосредственно к самой повестке разговора.

Что мы имеем в XXI веке в части совокупной оценки широко известной комедии «Ревизор»? Не долго размышляя, находим в Интернете следующие рассуждения:

«В критике комедию Гоголя "Ревизор" принято называть лучшей социальной комедией своего времени. Созданная на основе глубочайшего проникновения в сущность общественных явлений, комедия "Ревизор"

сыграла немаловажную роль в развитии общественного самосознания. Высокий реализм тесно слился в "Ревизоре" с сатирой, сатира — с воплощением социальных идей. Разъясняя смысл "Ревизора", Гоголь указал на роль смеха: "Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе... Это честное, благородное лицо — был смех". Писатель ставил перед собой цель — "смеяться сильно" над тем, что "достойно осмеяния всеобщего", ибо в смехе Гоголь видел могучее средство воздействия на общество.

Близкий друг Гоголя, Аксаков, писал, что "современная русская жизнь не дает материала для комедии". На что Гоголь ему ответил: "Комизм кроется везде... живя среди него, мы его не видим, но... если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху".

Своеобразие гоголевского смеха заключается прежде всего в том, что предметом для комизма избраны не плутни какого-либо героя, а сама современная жизнь в ее комически уродливых проявлениях».

Впрочем, изначально (в момент самых первых представлений названного произведения) были в ходу еще и другие суждения:

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

«Гоголь выдумал “какую-то Россию и в ней какой-то городок, в который свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находишь...” — писал реакционер Вигель... Автор слышит разнообразные отзывы проходящей публики. Многие критикуют пьесу и находят в ней всевозможные недостатки. В представленной пьесе выведен “низкий народ”, допущены “шутки самые плоские”, “сюжет невероятнейший”, “все несообразности: ни завязки, ни действия, ни соображения никакого”, язык пьесы такой, которым не говорят в высшем обществе, “нет ни одного лица истинного, все карикатуры”, в пьесе допущена “отвратительная насмешка над Россиею”, это произведение неудовлетворительное в воспитательном отношении: “все пороки да пороки... какой пример подает это зрителям”, в комедии нет привлекательных лиц, “нет ни одного честного человека, подобного рода пьесы огрубляют нравы, разрушают всякое уважение к людям, в пьесе много вздорного, невероятного: где могло случиться такое происшествие?”, да и “взятки не так берут”, вообще подобные пьесы — “побасенки и больше ничего” — такой каскад осуждения и брани сыплется на голову автора комедии. Слышны даже возгласы: “За эдакие вещи нужно сечь...” А иной, может быть даже думает: “за такую комедию тебя бы в Нерчинск...”».

То есть изначально далеко не все современники восприняли пьесу, посчитав ее откровенной клеветой на действительное русское правление. С другой стороны, разве русским людям, живущим уже в XXI веке, придет в голову гоголевское нарочито насмешливое отношение к современным российским чиновникам, нагло и цинично присваивающим ресурсы России? Ведь нет же, никак не приходит и не придет вовсе! Тогда почему же комедия «Ревизор», где и ревизо-

ра, собственно, и нет совсем на сцене, стала вдруг визитной карточкой царской России? Нет ли здесь досадной уже в веках путаницы, и ведущей как раз объективно лишь к сокрытию подлинных, важнейших проблем всей русской общественной жизни? Каких же, например? А таких, что в Отечестве нашем и поныне без вполне чувствительных материальных подношений различным государственным мужам или без удовлетворения их неудержимой ничем корысти, каких-либо дел всерьез и не делается вовсе. То есть дело наше видимо совсем даже не в корыстолюбии российских чиновников, дело наше в его *совершенной неистребимости*. Причем, сегодня оно кроме омерзения ничего и вызывать-то у морально здорового человека уже никак не может! Что уж там говорить о каком-либо исправительном смехе в связи с ним. Ныне это уже сплошное и даже подчеркнуто нарочитое *отдание дани* только за право ведения без помех или серьезных неприятностей каких-либо дел. Иначе говоря, сегодня так называемые стражи или распорядители порядка (положения дел) занимают по отношению к народу России фактически положение сугубо враждебной ему колониальной администрации. Как подобное вообще могло случиться в нашем общем Отечестве, и какова при этом роль (вина) самого русского народа? Вот что достойно на самом деле серьезного обдумывания и адекватного понимания. Чего Н. В. Гоголь никак в своей комедии не сделал, равно даже и не попытался приблизиться к искомому ответу. Каковы здесь самые общие подозрения, могущие хоть как-то пролить свет на волнующее нас содержание? Некоторые наши современники упорно навязывают нам ту незатейливую точку зрения, что в неистребимости требований взяток якобы повинен главным образом сам же русский человек, упорно прибегающий от случая к случаю к самым

разнообразным подношениям, и составляющим *непрерывную жизнь национального мздоимства*. Другой взгляд уже состоит в том, что большая ответственность за творящиеся бесчинства лежит все-таки на плечах самого чиновничества, так как именно оно доподлинно решает как собственным действием, так и аналогичным ему по последствиям бездействием быть или не быть многим взяткам в российской жизни. Сравнивая продекларированные воззрения, невольно приходишь к тому выводу, что львиная доля всей вины за расцвет незаконного оборота материальных средств лежит все-таки на плечах именно российских чиновников. Это так, во-первых, потому, что только чиновник располагает реальными возможностями, как чинить препятствия для ведения каких-либо дел, так и возможностями для их же устранения. Во-вторых, именно российский чиновник решает, будет ли иметь силу само намерение дать ему взятку. В результате именно чиновник за исключением небольшого числа случаев, скажем, нарушений гражданами правил дорожного движения, с одной стороны, вызывает вполне даже искусственно необходимость дачи ему взятки, с другой — именно он же и является ее главным потребителем. При этом он весьма ловко создает дефицит всего человеку насущного, пишет и утверждает заведомо порочные и даже преступные законы, не неся при этом никакой юридической ответственности. Но как же в таком случае сам российский чиновник доходит до жизни такой? Одним словом, он действует прямо-таки как сущий вредитель. Неужели он изначально и неистребимо порочен в самой своей прирожденной сути? Если его не учить, как говорится, толком, а главное, совсем даже не воспитывать, то он и становится тогда всем нам известным рвачом и негодяем практически автоматически. Впрочем, это только самые предварительные со-

ображения, кои следует еще проверять и уточнять уже в рамках мыслительной работы над самим текстом известной комедии. Кстати, вот слова самого Н. В. Гоголя о «Ревизоре», адресованные им в январе 1848 года В. А. Жуковскому:

«...Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться — вот происхождение “Ревизора”! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представление “Ревизора” произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела...»

Каково? Сам художник уловил то, что его же творение рождает тягостное впечатление! Вот бы понять уже тогда великому русскому писателю природу уловленной им же тягости! Но нет, не случилось того и вовсе. Почему? Да потому, что целый хвалебный хор либерально настроенной интеллигенции перекрыл саму необходимость подобной работы. И даже самодержец все-русский встал на защиту «Ревизора», защитив комедию от попыток ее запрещения.

И все-таки, и все-таки. Разве была в момент рождения «Ревизора» вполне честная необходимость подозревать его в сознательном искажении русской жизни? Давайте вникать и разбираться.

В начале комедии представлен эпиграф: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Впрочем, и зерка-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ло нередко бывает неровным или кривым. В таком случае и выходит то, что в него лучше и не смотреться вовсе, дабы по причине наведенной им превратности не наделать каких-либо глупостей. Спектакль начинается с прочтения городничим письма от своего знакомого, сообщавшего о визите в губернию чиновника с предписанием осмотра ее. Ниже автор письма пишет городничему: «...я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...». Уже с самого начала комедии Н. В. Гоголь представляет дело так, что *мздоимство* в России есть дело умных чиновников, которые лишь не пропускают того, что само «плывет в руки». Но разве так в невыдуманной жизни бывает? Разве подобный чиновник сам не предпринимает специальных, порой весьма изощренных, усилий для вынуждения нуждающихся в чем-либо идти на риск дачи ему взятки или, как говорят сегодня, — *отката*? Кстати, *откат* в своей основе есть чистое хищение государственных средств как правило в особо крупных размерах. То есть у нас, в отличие от Европы, нет «мутной» коррупции, так как у нас есть вполне зримое и отчетливо осязаемое мздоимство и откатное хищение государственных средств в особо крупных размерах. Но русский писатель молчит! Почему? Не знает о том? Возможно, что и не знает. В результате на поверхность выходит лишь простительный соблазн, перед которым просто трудно устоять, ведь оно само «плывет в руки». То есть Н. В. Гоголь с самого начала своей пьесы показывает некую наивность в понимании вопроса о самой природе русских взяток, делая ее почти шалостью, или представляет грешками. Реальность же такова, что русский чиновник, берущий взятки — это сущий мерзавец и законченный подлец, над которым смеяться просто глупо.

Разумно лишь его судить, и судить строго уголовным порядком. Далее писатель указывает посредством письма к городничему, что проверяющий чиновник прибыл в губернию якобы частным порядком. Могло ли быть подобное в реальности? Вряд ли. Почему же? Да потому, что подлинная картина положения дел в губернии никому, собственно, и не нужна. Как так? В России издавна повелось так, что всякая проверка служит либо для проформы, либо для заранее намеченного наказания (или смещения с занимаемого поста) предназначенного к тому лица. Другими словами, в Отечестве нашем не бывает строгих и систематических проверок как таковых в принципе. Почему? Да потому, что они неизбежно будут вступать в резкое противоречие с существующим и устоявшимся укладом и порядком несения самой государственной службы. Иначе говоря, подобные проверки начнут автоматически «выводить на чистую воду» всю несуразицу и нелепицу государства Российского. Что, понятное дело, никак не устроит власть предержавших лиц, для которых необходимые усилия в деле настройки правильного течения государственных дел, как правило, и вовсе недоступны. Почему вдруг? Да потому, что они в целом плохо подготовлены к тому занятию и совсем даже не воспитаны для жертвенного служения Отчизне. Плохо ли, хорошо ли это, но оно истинно таково. Поэтому всякие попытки изображения в России строгих штатных секретных проверок ведения государственных дел есть лишь досадное измышление мало осведомленных господ сочинителей, служащее только для увеселения невзыскательной публики. То есть невыдуманный городничий подобной секретной проверки никак не стал бы страшиться, он бы просто не поверил в саму ее возможность. Другими словами, он бы посчитал ее досужим вздором. Но городничий

Н. В. Гоголя зачем-то говорит вполне наивно такое: «Так уж, видно судьба! До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему». Ниже судья Ляпкин-Тяпкин изрекает вдруг не менее наивное суждение: «Я думаю, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены». Вот уж нелепица, так нелепица форменная. Разве станет судья в здравом уме и твердой памяти искать в факте ревизии признаки выявления государственной измены? А городничий что в ответ? Вместо резкой отповеди в духе: хватит нести чепуху, он пускается в детские разъяснения: «Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». В свою очередь судья как будто бредит: «Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус». Далее городничий переходит к формулированию превентивных мер, которые также вполне удивительны тем, что он хлопочет о таких мелких деталях, о которых никакой городничий в действительности переживать явно не будет. То есть перед нами вновь черты измышленного (сказочного) чиновника, которого в реальности и быть-то не может. Затем судья пускается в оценку начальственных грешков: «Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело». В результате вновь налицо сущая выдумка для детей и простаков в театре. Иначе говоря, Н. В. Гоголь снова зачем-то умягчает саму тему мздоимства, полагая ее лишь неким баловством (причудою), тогда как настоящий взяткополучатель никогда не станет бахвалиться подобной шутов-

ской манерой, ведь взятки — это всегда преступление. Теперь немного о рассказе почтмейстера о личном наблюдении за перепиской граждан. Разговоры такого рода, что «это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в “Московских ведомостях”!» прямо сообщают об авторе как о человеке совсем далекого от реального положения вещей в почтовом деле. Другими словами, Н. В. Гоголь на это предмете выявляет самого себя прямо-таки по образу и подобию героя своей же пьесы Ивана Хлестакова, с его рассказом о «тысячах курьеров». То есть подобное упрощение почтовой службы свидетельствует лишь о несерьезности самого разговора о ней самой. Если же это сказочная почтовая служба, то тогда подобные вольности почтмейстера вполне допустимы, в противном случае — подобные речи такого чиновника ничего кроме досады вызвать уже не могут.

Переходим непосредственно к соприкосновению главных действующих лиц комедии с фигурой Ивана Александровича Хлестакова как фигурой мнимого ревизора. Что здесь вызывает удивление и досаду? Вот характерный рассказ о нем помещика по фамилии Бобчинский: «...другую неделю уж живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Разве для натурального градоначальника такая характеристика будет проблемой, чтобы спутаться и «принять черное за белое»? Ведь нет же! Однако Н. В. Гоголь почему-то полагает по-другому и буквально заставляет своего героя поверить в немислимое — в то, что Хлестаков-то и есть искомый секретный ревизор. Конечно, когда есть желание искать

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

невозможное, то и поверить в немыслимое тоже вполне можно. Хорошо, допустим, что сразу (с испугу) и перепутать можно, но уже в дальнейшем, когда Хлестаков произносит слова: «Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге», прямо говорят, кто есть такой проезжающий господин. Но нет, городничий просто уже ничего не слышит и ничегошеньки не понимает. Сказка? Да сказка, и только. Чуть ниже еще один шанс понять, что есть такое Хлестаков, который вдруг изрекает городничему тираду: «Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская вдова совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! Смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки». Разве произнесенные слова не говорят прямо и конкретно, что Иван Александрович лишь бестия и пустой человек? Но гоголевский городничий с упрямством, достойным явно лучшего применения, продолжает «валять дурака», принимая Хлестакова за важную фигуру. Спрашивается: мог ли какой-либо городничий так себя вести взаправду? Отрицательный ответ напрашивается сам собою. Но автору комедии видимо уже недосуг вникать в подобные нюансы, и он уже слепо верит в выдуманную им самим очевиднейшую нелепицу. В результате подозрительный тип вдруг получает от городничего предложение о денежном вспомоществовании, которое и выливается в подношение проходимцу четырех сотен рублей. Так и хочется воскликнуть: bravo, Гоголь! Уморил, братец, окончательно! Или, выражаясь по-современному — просто и стильно «включил дурака». Но ведь в том-то и дело, что даже и не «включил», а просто стал им буквально, то

есть без всяческих аллегорий. Вот и выходит натурально то, что на кривой дорожке нет прямых путей, а значит, одна писательская нелепица потащит вслед за собою непременно уже череду таких же бредней. Хорошо ли сие с позволения сказать творчество? Вряд ли положительный ответ прозвучит вполне искренне. Впрочем, двинемся вслед за героями пьесы далее. Ниже мы видим, как городничий начинает игру в «казаки-разбойники» с Хлестаковым, полагая, что тот явно скрывает от него свою ревизскую миссию. На круг же обнаружился лишь чистый балаган, которому место лишь в уме сочинителя, но никак не в российской жизни. Где доказательства? Извольте. Но сначала соображения, как говорится, самого общего порядка. Если городничий вполне твердо посчитал, что приезжий господин решил скрывать перед ним свою тайную миссию до конца («Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется!»), то он же тогда должен был бы неукоснительно ее и придерживаться. Однако «проверяющее лицо» и не думает совсем маскироваться, так как почти до конца сюжета и вовсе не понимает навязанную ему извне роль. Казалось, тут бы в самую пору и понять, что Хлестаков совсем не то лицо, за которое его по ошибке приняли сначала, но нет же, все жители городка как будто по чьей-то невидимой команде продолжают видеть в нем именно того, кем он быть уже очевидно никак не может. Почему же? Ну, просто его черты таковы, что никому и в голову в здравом уме не придет мысль, что такого человека кто-то мог бы снарядить проверяющим чином. А вот и первое странное заявление мнимого ревизора: «Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали». Тем самым Хлестаков громогласно удивляется странностям в поведении го-

родских властей по отношению к частному лицу. Казалось бы, в самый раз призадуматься и понять, что приезжий совсем не тот человек, за кого его принимают. Или разве стал бы инкогнито проверяющий чин себя так странно вести, фактически обличая принимающую сторону в неадекватности ее поведения? На это городничий придурковато заявляет, что «В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого мышления, кроме того, чтобы благочином и бдительностью заслужить внимание начальства». То есть ему говорят практически открыто, что, мол, не подобает власти так обходиться с частным лицом, тогда как он тупо гнет свое: «Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: “Господи Боже Ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?”... Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета». Кому же такой строй речи адресован? Реальному начальству, публике, собравшейся для праздного веселья? Второй адресат вполне очевиден. Но тогда какова цель сего действия? Сорвать аплодисменты, получить признание и получить, конечно, гонорар? Последнее дело уже весьма подходит по заявленному автором пьесы смыслу разобранного выше нами сценического действия. Но неужели Н. В. Гоголь был нечестен в творчестве? Вряд ли подобное возможно представить. Но тогда была иная причина подобной, скажем мягко, трактовки жизни русского чиновничества. Но какая же? Недостаточное личное знание этой самой чиновничьей жизни видимо и привело писателя к замещению его соответствующей писательской фантазией. Другое объяснение даже

и вообразить-то себе трудно! Впрочем, вернемся к прочтению комедии.

Ниже читаем вполне себе примечательную речь приезжего господина, рассказывающего городничему и прочим лицам о том, какие балы им даются в Петербурге: «На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж – скажешь только кухарке: “На, Маврушка, шинель...” Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Мне даже на пакетах пишут: “ваше превосходительство”. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куда уехал неизвестно. Ну, естественно, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь – просто черт возьми! После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. “Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!”...

Меня сам Государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: “Я сам себя знаю, сам”. Я везде, везде. Во дворец всякий день ежу.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Меня завтра же произведут в фельдмарш...»

Неужели после таких завиральных речей еще кто-то из здравомыслящих людей мог видеть в фигуре Хлестакова серьезного человека? Помилуйте, не бывает так в натуральной жизни нигде и никогда! Есть, как говорится, предел, который все и везде превращает в абсурд, а значит, переходить его никто и никогда не станет. Но городничий поступает странным образом совсем иначе, оценивая слова приезжего пустослова: «Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить». Удивительное дело, неужели совершенно отчаянное вранье возможно понимать как полуправду? Вот так и возникает вполне закономерный вопрос: а зачем все это Н. В. Гоголь пишет? Какую такую задачу он при этом решает? Кто рассудит вразумительно? Разве возможно после подобных, пускай даже пьяных, заявлений Хлестакова сколько-нибудь серьезно усматривать в нем какого-то тайного ревизора из Петербурга? Теперь в самую пору обратить внимание и на заигрывание мнимого ревизора с женою и дочерью городничего. Разве такое поведение в случае визита в губернский город дей-

ствительного ревизора могло бы им в принципе допускаться? Ведь нет же! Ничего подобного никак не могло быть в принципе. В случае же балаганного представления все подобное разбираемому гоголевскому сюжету ровно так и должно быть. Но вновь спросим сами себя: разве Н. В. Гоголь, работая над комедией, не понимал фундаментальную разницу между подлинным содержанием жизни и им же сочиненным на ее счет вымыслом? Если понимал, то зачем же так грубо искажал действительность? Для придания сюжету своей пьесы увлекательной комичности? Возможно. Но тогда он был явно лукав! Впрочем, мы сегодня вполне можем допустить мысль, что он не понимал всех возможных печальных последствий воздействия своего детища в случае его популярности. То есть не догадывался, что перебор в смешном и талантливом описании может быть и весьма вреден, так как незаметно превращает реальность в пародию и даже в клевету на нее, подталкивая тем самым многих легковверных людей к мысли о решительном сломе ее. Разве такой юмор уместен, разве он лечит нравы? Нет же, он на деле лишь сеет превратность восприятия. Вот и выходит то, что Н. В. Гоголь из лучших побуждений на самом деле совершил посредством собственного вполне талантливого творческого акта сущий подлог действительной жизни российского государства, совершил его видимо по причине прирожденного непонимания его уже невыдуманного смысла.

Наталья Ульянова

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

МИНОЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Минойская культура возникла в середине прошлых тысячелетий до нашей эры. Первоначально её центр располагался в середине Малой Азии и на прилегающих островах Средиземного моря. Столица этого могущественного государства располагалась на месте теперешней Албании. Жители страны преследовали цель покорения всех народов существовавшего тогда мира, но не путем войны, а путем всеобщего просвещения. Они исповедовали одну религию — солнцепоклонство и почитали многих природных богов. У них существовал целый Пантеон природных сил — Земли, Воды, Огня, Подземных Божеств и многих других. Значительная часть страны располагалась на островах Средиземного моря, и поэтому храмы и были расположены практически на каждом большом острове.

Храм Солнца был расположен на одном из самых больших островов Средиземного моря. Он был построен из чистого белого мрамора, а крыша храма покрыта листами чистого тонкого золота, которое добывалось на поверхности земли, так как считалось, что все украшения для храма должны быть добыты не под землей. Убранство храма было очень богатым, многие знатные люди считали за честь пожертвовать часть своих украшений для храма. В основном это были искусно вылепленные статуи, причем выполнялись они мастером в то время, пока мрамор был мягкий, как воск. Древние мастера знали секрет, когда мрамор можно размягчить, в него добавляли соли различных металлов и могли получать разные оттенки. Кроме статуй, в храме были резные золотые и серебряные украшения, отличающиеся изяществом работы. Храм для посещения был открыт в любое время дня и ночи. Солнцепоклонники обычно приходили в храм перед рассветом и песнопениями встречали первый луч Солнца. Особенно торжественен был первый час рассвета дня Летнего Солнцестояния. Он отмечался 22 мая, и всегда на его празднование собирались огромные толпы народа со всей страны.

Жрецы храма Солнца, одетые во всё белое, с золотыми обручами резной работы на голове медленно обходили храм и его подворье с зажженными свечами в руках. Это продолжалось до рассвета, около двух-трёх часов подряд. В момент наступления рассвета, когда первый солнечный луч падал на белые мраморные плиты храма, свечи сразу же тушились. Под первыми лучами зари в храме высвечивалась надпись, видная только в этот день, всего лишь несколько минут. Древние

мастера хорошо замаскировали надпись резными мраморными украшениями и блеском драгоценных камней, которые украшали золотые и серебряные чаши для воды. Только при определённом угле наклона и падения солнечных лучей можно было прочесть эту надпись. Она гласила: «Время пройдёт и всё исчезнет. Всё вернётся и всё повторится. Идущие следом, вспомнят о нас». Жрецы считали, что здесь скрыто древнее пророчество, предсказывающее будущее минойской цивилизации, но полностью разгадать его смысл они были не в силах.

Кроме праздника Летнего Солнцестояния, также отличались праздники Весеннего и Осеннего равноденствия, которые приходились на 28 февраля и 22 августа. Они отмечались не менее пышно, в этот день в храм впервые приводили молодых жрецов и послушников. Завершал праздники года Канун зимнего Солнцестояния. Накануне этого дня жрецы тушили в храме все свечи и светильники, и храм погружался в непроглядную темноту. Затем через несколько часов самые молодые послушники этого года зажигали каждый час всего по одной свече. Этот маленький обряд символизировал долгий сон природы зимой и её медленное пробуждение. Таким образом, до праздника Весеннего равноденствия в храме постоянно царил полумрак.

Вторым по значению и великолепию убранства был Храм Плодородия Земли. Люди в обширной стране довольно часто зависели от капризов погоды и стихийных бедствий, поэтому Храм был не только местом поклонения, но и хранилищем всевозможных запасов. Они постоянно пополнялись каждый год и бесплатно раздавались голодающим и нуждающимся областям.

Храм Плодородия в основном держал свои двери закрытыми в течение года. Его жрецами и послушниками были только молодые люди в возрасте до двадцати пяти лет. По достижении этого возраста жрецы становились обычными людьми, но именно они доживали до самого преклонного возраста и поэтому многие стремились стать жрецами Храма Плодородия.

Жители страны постоянно занимались совершенствованием медицины и строительства. Многие из них занимались в научных лабораториях, которые находились очень глубоко под землёй, и были поэтому мало известны другим обитателям античного мира. В то древнее время жители изобрели некоторые виды вакцин против многих инфекционных болезней, но проводили опыты по вакцинации только среди жрецов различных храмов. Прививки проводились в период посвящения жрецов и входили в часть ритуала, который проходил в темноте, поэтому многие люди даже не догадывались, что происходило на самом деле. Самые тайные исследования проводились в одной из глубоких подземных лабораторий. Расположена она была на самом маленьком и неприметном острове Средиземного моря. Остров окружали непреступные рифы и большую часть года около острова бушевали штормы. Поэтому для всех жителей он считался пустынным и безлюдным. Несколько неприметных отверстий вело в глубочайшие шахты и штольни, расположенные значительно ниже уровня океана. Здесь были всегда постоянны температура и влажность. Все исследователи жили круглый год под землей. За постоянной работой они проводили три-четыре года

подряд, потом на один-два года они могли возвратиться на материк, но не разглашать тайны своих исследований. Срок их жизни зачастую приближался к ста пятидесяти — ста восьмидесяти годам, но это не было пределом долгожительства. Исследователи нашли секрет излечения рака, инфаркта, многих инфекций. Опыты они проводили только на смертельно больных людях, которых доставляли сюда на судах небольшими партиями. После полного излечения к людям применяли специальный гипноз, который полностью изглаживал из памяти людей, что же с ними произошло. Этот гипноз не затрагивал все остальные виды памяти, он полностью стирал только все те месяцы, когда люди находились на секретном острове. Одновременно с излечением от основного смертельного заболевания людям делались прививки от всех известных тогда инфекционных заболеваний. Естественно, что не все люди выживали в результате опытов и исследований. Некоторые погибали, потому что их организм был слишком изношен, изнурен болезнью или неадекватно реагировал на вакцинацию, то есть, был невосприимчивым. Смерть подробно регистрировалась в документах, затем проводилось вскрытие для обучения молодых специалистов-медиков.

Особо тайные лаборатории занимали исследователи мозга и гипноза. Их комнаты были расположены на самой большой глубине и были значительно удалены ото всех собратьев. Комнаты были звуко- и светонепроницаемыми и не содержали практически никакого оборудования. Люди, работавшие здесь, в основном использовали различные зеркала, выпуклые и вогнутые, хрустальные, стеклянные и черные шары и простые горящие свечи. Зачастую опыты они проводили друг на друге и на себе самих. Опыты эти преследовали цель точного изучения воздействия на мозг, его поверхностные и глубинные структуры, гипноза, а также постгипнотического влияния. Результаты опытов часто выявляли людей полностью неподдающихся гипнотическому воздействию. Именно они могли впоследствии становиться правителями в минойской культуре. На них не могли воздействовать с помощью гипноза правители других стран. С другой стороны, некоторые люди, наоборот, очень легко входили в гипнотическое состояние. Они очень часто легко забывали все, что предшествовало введению в гипноз. С подобными людьми проводили длительные эксперименты, позволяющие им войти в постгипнотическое состояние, еще находясь в гипнозе. После соответствующих тренировок люди начинали работать вне острова гадателями судьбы и прорицателями. Некоторые лаборатории серьезно занимались изучением тайн природы всех ее проявлений. Они готовили всех служителей маяков на многочисленных островах, астрономов и астрологов. Обе эти науки очень часто воздействовали одна на другую. Астрономы занимались изучением передвижения небесных светил, Солнца и Луны. Астрологи напрямую составляли гороскопы всех живущих в стране людей с учетом даты их рождения до одной минуты. Эти гороскопы составлялись всего несколькими людьми даже для тех, кто еще не родился в этом году. Гороскопы тщательно записывались на тонких листках папируса и хранились в подземных кладовых. Жители страны считали, что гороскоп постоянен, но человек в состоянии изменить свою жизнь, как в лучшую, так и в худшую сторону.

АЙНЫ — НЕИЗВЕСТНОЕ ПЛЕМЯ

Айны — небольшое племя, живущее на островах между Евразией и Америкой. Дело все в том, что айны не похожи ни на один из известных на планете народов, они не подходят ни под одну из существующих земных рас. Они белокожие, но с густыми черными волосами, мужчины все бородастые, с монгольским разрезом глаз. Их язык не похож ни на один земной язык. Откуда же взялись айны, и кто были их предки?

В легендах айнов существуют предания о том, что их предки прилетели на землю в большой сверкающей рыбе. Древние айны вначале умели далеко видеть, слышать и говорить. Могли получать металлы и соли прямо из морской воды. Им были свойственны многие современные изобретения.

На самом деле айны действительно ведут свое происхождение не от нашей планеты. Скорее всего, они прибыли с одной из обитаемых планет в созвездии Лебеда. Они прибыли на нашу планету скорее всего в седьмом-восьмом тысячелетии до нашей эры. Вначале предки айнов — праайны — поселились только на мелких островах в обширном едином океане. Климат был очень теплый, с тропической растительностью. Через несколько тысячелетий праайнов окружали большие скопления народов, говорящих на разных языках. Но язык айнов никто повторить не мог и никогда нигде не использовал. Айны старались научить окружающих их людей добывать огонь, строить различные типы жилищ и укреплений, получать краски, ткани, металлы. Жизнь любого айна тогда длилась обычно два-три столетия, поэтому древним людям, средняя продолжительность жизни которых не превышала тридцати лет, они казались богами, сошедшими на землю. Постепенно, с началом прихода нового первого тысячелетия нашей эры, айны уже почти прекратили обучать людей своим тайнам. Многие из них постепенно отправлялись на свою родную планету, другие уходили в глубокие подземелья, недоступные простым людям. Век проходил за веком, постепенно оставшиеся на Земле айны утрачивали свои древние знания. И к началу семнадцатого века на нашей планете их осталось всего лишь несколько сотен человек. Они продолжали проживать на островах вблизи Северной Америки и на самом севере Аляски. Их речь по-прежнему не смешивалась с другими языками, они могли понимать и говорить на других языках. В это время айны продолжали совершенствовать свои технические и медицинские изобретения. В частности, они открыли средство полного излечения кожных заболеваний, болезней крови, подошли к решению проблемы генных заболеваний.

В начале двадцатого века айны превратились в одиночное замкнутое на своем острове племя, которое почти перестало общаться с соседями. Айны никогда не допускали браки между ними и другими племенами. Несмотря на это, среди них никогда не наблюдалось признаков вырождения, что неизбежно должно было случиться, так как все они были более или менее близкими родственниками. Очевидно, что айны нашли способ удалять из своих ДНК рецессивные и болезнетворные гены, если они мешали появлению здоровых детей.

Александр Прилучный
(Москва)

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА О СОТВОРЕНИИ МИРА, А ИМЕННО, О ВОРОНЕ КУТХЕ

КУТХ — ЧЕЛОВЕК И ВОРОН

Когда начинаешь вспоминать мифы о сотворении мира, первыми, конечно, приходят на ум легенды о возвышенном египетском боге Амуне-Ра, могучих скандинавских братьях Одине, Вили и Ве, славянском Роде, родителе всего сущего, заключенном в Золотом Яйце, что явил Всевышний... Народы, верившие в эти сказания, уважали этих богов, боялись и почитали. Аналогичное отношение к прародителям всего мы можем заметить в легендах майя и инков, племен Северной и Южной Америки, земель Месопотамии, Греции... Лики могучих и зачастую устрашающих творцов мы можем видеть на глиняных табличках, папирусах и тысячелетних сводах древних пещер. И тем интереснее и самобытнее выглядят сказания ительменов — коренного народа Камчатки.

Ключевой фигурой в мифологии коряков, ительменов и чукчей является Кутх (у коряков — Куткынняяку, у чукчей — Куркыль), он предстает в мифах в образе человека-шамана и в то же время является воплощением духа Ворона. Демиург и прародитель, создатель Камчатки, он также являет собой образ плута и шутника, несет в себе не только добро и мудрость, но также зло и глупость.

Ворон Кутх спускал с неба землю, разбрасывал по ней горы и долины, он создал собак, оленей, китов, «из-под его крыла» вышли звери и птицы... Он же создал первых людей, научил их говорить и есть мясо животных. По разнящимся представлениям ительменов, вместе со своей сестрой Кутх сместил землю с неба, где находился раньше и сам, или же сотворил ее из своего сына.

Создав жизнь, он сам стал ее участником. В нем соединены черты и ворона, и человека.

Вот одна из легенд о сотворении Камчатки:

Пролетая над водной гладью, приказал Кутх сыну своему землею стать. А сам на лыжах пошел по этой земле. Там, где проходил он, образовывались впадины, ущелья, долины. А по краям — горы высокие. А чтобы не замерзло все живое на рожденной им земле, вдохнул Кутх в горы высокие свой горячий дух. А еще невиданной красоты зори выдумал и тундру постелил, сплошь расшитую изумрудом ягельника, да бисером приукрасил из брусники, шишки да морошки ароматной.

В каждой долине Ворон-Бог реку положил, в ручьях, протоках, реках развел кижуча да чавычу, которые, в морях погулявши, в обиталище

свое всегда возвращаются, чтобы потомство после себя оставить и в родных краях умереть.

И людей сотворил Кутх, чтоб в согласии с природой жили: охотой да рыбалкой промышляли. Ремеслам разным обучил да веселым нравом наделил, чтоб без грусти и печали жизнь подольше сохраняли.

И только убедившись, что на созданной им земле сможет жить крепкий духом, согретый юмором народ, Великий Ворон окутал легкой дымкой таинственности эту страну и вернулся на небо, а о себе оставил лишь сказки да воспоминания для потомства, что это было когда-то...

Ворон сражается и одолевает злых духов шаманскими силами и хитростью, как могучий шаман, он защищает от них свое семейство и людей. Однако «Дети Кутха», как часто называли себя ительмены, никогда не испытывали страха и священного благоговения перед Вороном-творцом и могли даже порицать его за то, что он не очень-то и удачно сотворил Камчатку. В легендах ворон Кутх всегда предстает добродушным, подчас способным на шалости и безобидные проказы, зачастую он и сам оказывается в нелепом и комическом положении. Это делает мифы и сказания народов Камчатки больше похожими на веселые и смешные сказки, что позволяет иногда увидеть легенды о Вороне-Боге в сборниках детских сказок. По мотивам сказаний о Кутхе был сделан замечательный мультфильм «Кутх и мыши», который до сих пор вызывает самые теплые чувства как у детей, так и у взрослых.

Неудивительно и то, что ворон как ключевая фигура в сотворении мира присутствует и у народов Северной Америки — сказывается длительная история культурных контактов между народами Азии и северо-западного побережья Америки.

КАК ГОВОРИЛИ ХАНТЫ

Неисчерпаема мудрость народная — в мифах и преданиях находим мы крупинки истины, из которой складываем хитросплетенный пазл развития цивилизации. Много на Земле было народов и народностей — и те знания, что дошли до нас, являются ценностью непреходящей, ведь без прошлого нет будущего. И задача для нас, ныне живущих, — впитать, осмыслить опыт предков, сохранить это Знание для потомков — и не прервется тогда связь времен...

Говорят, не было тогда ни воды, ни земли, один только Нум-Торум был. И был у Торума дом, что висел в воздухе, в доме этом он и бывал днем и ночью, лишь пару раз в день выходил гулять — по доске, лежавшей на расстоянии аршинов трех от дверей. Возвратившись, садился он на перину свою и думал обо всем на свете.

И вот однажды, пока Нум думам предавался, капнула сверху капля на стол, скатилась по нему, да и упала на пол. И появилась маленькая девочка Еви, бросился к ней Торум, обнял крепко и, поцеловав, сказал: «Век будем жить с тобой!»

И долго жили они вместе. Девочка подросла, родился сын у них. Быстро рос он и решил однажды выйти гулять по доске из дому. Преду-

преждали отец да мать его: «Не ходи далеко, упасть можешь с этой доски». Но он их успокоил, заверил, что не упадет.

А вдруг сверху, откуда ни возьмись, спустился листок бумаги, прямо в руки. И унес сына Нума кверху. К дедушке. Отцу Торума.

И стал интересоваться дед жизнью внука, сына да жены его. Спрашивал, что есть у них, кроме их домика, узко ли там, широко ли там. Задумался внук и ответил: «Ничего не знаю, широко или узко».

Удивился дед и дальше расспрашивать стал, есть ли вода, земля. Но и на это ничего не смог ответить внук — не видел он. Смотрел он вниз из своего дома всегда, а везде широко. Ни земли, ни воды не видать. Может, и есть где. А может, и нет.

Дал ему тогда дедушка в руки землицы и бумажку, которая привела к нему внука, спустил его обратно в домик к Нум-Торуму и сказал вдогонку, чтобы, вернувшись, сбросил внук его с преддверной доски землю вниз.

Последовал внук совету дедушки и высыпал всю землю вниз и в дом вернулся. Стали расспрашивать его отец да мать, где он был, почему так долго не возвращался, а он им ответил, что на улице гулял, играл.

А на следующий день сам спустился дедушка в дом Торума, где его ждал званый ужин. Спросил дедушка у мальчика, кто больше — сын или отец. И ответил внук, что отец-бог выше сына. А Еви и Торум спорить начали, что, мол, один бог есть. На что усмехнулся дедушка и ответил им: «Нет ума у вас. Маленький вон и то умнее вас!» И исчез.

Вечер сменила ночь, а потом и она прошла.

И вот вышел мальчик из дому и видит: а под их домиком земля — сколько глаз видит! Только голая земля. Ни лесу, ни воды... Попросил он спустить его на землю. Посадили Торум и Еви его в люльку золотую и спустили. Только ступил мальчик на землю, сразу же тонуть стал, словно земля жидкая. Сказал он об этом маме, вернувшись, на что ответила она ему: «Ладно, сынок, вместе завтра спустимся, я посмотрю». А на следующий день оба спустились в люльке, и вот мать увидела, что действительно нет земли, а есть болото жидкое, и стала тонуть, а скоро и вовсе скрылась. А мальчик остался и заплакал. Наконец потянул за веревку, отец поднял его и стал спрашивать, почему он плачет и почему рядом с ним нет его мамы. Сквозь слезы сказал сын, что утонула мама в болоте.

Однако скоро мать вышла из соседней комнаты, смеясь и улыбаясь.

«Зачем ты плакал? Все равно, когда мир будет на земле, то люди будут точно так же оплакивать родителей своих. Скоро и деревья там будут, и трава на земле, а потом — и люди народятся повсюду».

На другой день мальчик снова захотел спуститься на землю. Вышел он из люльки и побежал по земле — там уже не было болота, земля укрепилась, твердой стала и крепкой. Мальчик из земли сотворил двух людей — мужчину и женщину. Подумал немного, дунул на них, а они и ожили.

И решил помочь ему отец. Создал Торум морошку и бруснику, ягоду красную. И сказал он людям: «Вот вам ягода. Питайтесь ею». И, задумавшись немного, добавил: «Когда уйду от вас, придет Куль и будет соблазнять вас. Не верьте ему, пока сам не приду, а когда сам приду, так скажу иначе».

И действительно, стоило уйти Нуму, сразу же появился из ниоткуда Куль и стал спрашивать людей, что это за ягоды они едят. Те и ответили, мол, ягоду красную завещал есть Торум. Засмеялся Куль: «Прокую-то с этой морошки никакого. Вы попробуйте черемуху есть. Навсегда сыт будешь!»

Вернулся на следующий день Торум, а все едят черемуху.

Осерчал Нум-Торум, махнул рукой и упали люди в разные стороны замертво. А затем дунул на них, те и ожили.

«Я вас оживил. Не слушайте Куля. Будет соблазнять — ешьте морошку да ягоду красную, как я раньше повелел вам».

А затем создал Торум зайца и сказал, что его тоже можно есть. И малину разрешил. И сказал, что умерли люди, потому что искушению Куля поддались. Показал он им три дерева — березу, сосну да лиственницу.

Как только ушел Торум, явился Куль и, смеясь, показал людям кедр. Сказал, мол, возьмете шишку одну, а в руках — целая горсть орешков будет, сытые будете. И послушали его люди. Съели они эту шишку и осознали, что они нагие. Смутились вначале, а затем соблазнились друг другом. А потом в траву спрятались.

Когда вернулся Торум и стал звать людей, те еле слышно откликнулись. Удивился Нум-Торум, почему они прятались. Подошел он к ним, а те оба сидели на земле и не могли на ноги встать. Вздохнул Торум. И создал для них оленей, овечек, коров да зайцев, лошадей сотворил и завещал кожей их одеваться. И сказал, что, коль уж не послушались люди, что нужно, а что не нужно есть, теперь они останутся на земле навсегда.

И ушел Торум, не оставив ни огня, ни котла, оставил только мясо сырое. А сам наверх ушел, на небо.

Много времени прошло.

Однажды решил Нум из домика своего выйти да на землю посмотреть, что творится там. И увидел он огромное количество людей на земле, тесно им стало, воевать друг с другом начали. Подумав, послал им зиму, чтобы мерзли. И стал народ мерзнуть и умирать от мороза. Мало людей осталось. И стал размышлять Торум, что же это так мало народу-то осталось. Крикнул он что-то. Слабо отзывались оставшиеся люди. Совсем тяжело было. И опять спустился Торум на землю.

Ходил он по земле, ходил... Увидел камень. И пошел жар от камня, стоило Нуму руку приложить. А возле него лежал еще один камень. Ударил Нум-Торум камнем по камню — и рассыпался камень. Вышла из него женщина. А от камня пошла дорога, ведущая неизвестно куда, но очень и очень широкая. А из обломков камня образовалась не то корма, не то нос лодки. Стал бить Торум камешки друг о друга, показался огонь. Тогда Нум сделал из коры березовой трут, дрова нарубил и развел огонь. И стал он отогревать народ у этого огня.

Котел сделал, из железа ли, из камня — не упомнить уж. Убил скотину и сварил мясо в этом котле. Когда все сварилось, Торум сам сел и стал трапезничать, показала ему та пища вкусной. Накормил остальных и завещал варить так, как показал он. А ежели люди зябнуть начнут, завещал костры разжигать, чтобы отогревались. И рыбу ловить научил Торум людей, и птицу. И прочим промыслам научил, а затем сказал

людям, что не придет к ним больше, пускай по советам его живут — правильно.

Еще больше времени прошло...

Интересно стало Торуму, что же там люди делают, как ведут себя, следуют ли советам его. Стал он опять смотреть на землю вниз. Видит — размножились люди, трудятся, счастливо живут.

«Соблазнил дьявол их, видимо», — подумал Торум. Недаром же так много людей развелось.

И позвал Торум к себе Куля и сказал ему: «Ты без моего позволения никого не тронь. Не соблазняй, куда сам не скажу. А когда скажу, укажу на молодого или старого, того и возьмешь. Половину народа ты возьмешь, а половина — мне останется».

Так и повелось с тех пор — половина людей идет за Кулем, соблазненные, а половина — по заветам Нума-Торума живет, правильно да счастливо.

Так представляли себе сотворение мира ханты, коренной народ угорский, жители северной земли Западной Сибири.

Евгений Мюллер

ЕДИНСТВЕННЫЙ СНИМОК

Памяти Марка

1

Первое, что он подумал, когда пересек пляж и подошел к заливу, это то, что чайки — все такие же, не больше, не меньше, бело-сизые, серебристо-черные — словно они могли стать другими за то время, которое он тут не был.

2

Утром, когда он засовывал в сумку то, что забыл уложить вечером, хоть и обдумывал, что взять с собой, уже несколько дней, а потом в метро, потом — на остановке автобуса, где все, кто стояли там, как птицы на ветру, смотрели в одну сторону, ему все еще словно не верилось, что вот-вот наступит что-то другое. И только на виадуке, когда передняя часть автобусного салона вдруг резко вздыбилась, как вздымается при взлете нос самолета, и он увидел в окно, как уходят вниз кроны сосен, крыши дач, столбы и рельсы, желтый песок, он вдруг выдохнул и как-то по-новому откинулся на сиденье. Что-то явно менялось. Вокруг. Но и в нем. И все равно — и теперь он вновь вспомнил про паспорт. Он так и не отдал его на замену, хоть фотографии, для этого сделанные, чуть не месяц валялись в столе. А вдруг из-за этого его не примут?

К счастью, паспорт его вызвал к себе интерес не больше, чем он сам. Изящная женская рука, обтянутая выше запястья белоснежной манжетой, двумя движеньями пальцев пролистнула его, лишь на мгновение удержав страницы с фамилией и адресом, и быстро передвинула его ногтями к тому краю стола, где он сидел. Почему-то он подумал, что вот так же, наверно, когда-нибудь передвинут и его — на край помещения, откуда должны будут забрать другие.

Вдруг обладательница изящной руки подняла глаза.

— Вы где путевку покупали?

— В смысле?

— Ну, здесь, в санатории?

— Нет. В рекламе я прочел, что купить можно и в офисе фирмы «Лара». Это совсем недалеко от моего дома.

Глубокий вздох — и долгий взгляд на него.

— Понимаете... Эту фирму образовал наш директор. И оттуда вечно забывают сообщать о продажах. У меня нет данных по вашей путев-

ке. И как следствие — свободного одноместного номера, который вами как бы оплачен.

— Что значит — как бы? Вот — путевка. Их бесплатно в агентствах не выдают. И приходный ордер приколот.

— Не знаю.

— И что мне делать?

Она пожала плечами.

— Тогда, давайте, я пойду к вашему директору.

— Идите.

— А где он сидит?

— Надо выйти из корпуса, потом пройти вдоль него, обойти выступ, пройти мимо окон кухни, и на углу будет дверь на лестницу. По ней — на верхний этаж.

Когда он обогнул выступ — пристроенный трехэтажный корпус, острый запах рассольника обволокло его горло. За раскрытыми окнами слышался шум воды, и что-то большое несколько раз громыхнуло в мойке. Пионерский лагерь... Мутный бульон с разваренной перловкой. Еще когда строились на улице — «Снова рассольник!». Он поднял голову: по второму этажу тянулись большие высокие окна, завешенные шторами. У двери на углу белела табличка: «Клуб. Служебный ход». Стены на лестнице вполтину были выкрашены темно-синей краской. Местами кто-то пальцами смазал на нее мел побелки. Возможно, здесь спускались после киносеанса, и после полутора часов неподвижности надо было как-то себя проявить. Еще два пролета вверх и — решетка, как перед чердаком. Но в конце коридорчика, который тянулся за ней, сидел за столиком человек, и в потолке над ним горела лампочка.

Он тронул рукой дверь в решетке. Тоже решетчатую. Человек поднялся из-за стола и, раскачиваясь, пошел навстречу.

— Вам — что?

— Мне нужен директор.

— По вопросу?

— Мне продали путевку, а мест нет.

Человек в черном, похожем на спортивный костюме сдвинул назад голову и обмерил его взглядом.

— Вот — квитанция, путевка, все оплачено...

Человек повернулся и молча пошел назад. Дойдя до стола, он исчез за углом. Это, наверно, вселяло надежду. Скоро он снова показался, подошел, отпер ключом дверь и кивнул, чтобы шли за ним.

За поворотом был еще один коридорчик, но уже светлый, с окнами вдоль стены. Человек в черном распахнул дверь в конце коридорчика и мотнул головой.

Он вошел. Комната, скучно обшитая деревянными панелями. Цвет их был — как спинка таракана. За столом, спиной к окну, сидел человек. Его локти лежали на столе, а пальцы рук были переплетены. Но как-то — равнодушно, устало. Он был полноватый, лицо — смуглое, а может, это отсвет от стен придавал ему такой оттенок. Пожилой, но волосы — курчавы, и как обычно у курчавых — чуть насмешливые, хоть и с медленным взглядом, глаза.

— Ну, что у вас? Опять... — и он протянул руку, увидев в руке у вошедшего бумаги.

Выслушав и быстро, со вздохом отложив поданные бумаги, он поднял трубку и, набрав три цифры внутреннего номера, тяжело выдохнул в еще мертвую трубку.

— Да, я. Ну, что вы опять...

Видимо, он слушал, что говорилось на том конце. И крутил в пальцах провод.

— Да-да...

Потом вздохнул и, вдруг изменившись в лице, произнес:

— Но ему-то — что до этого? Нет одноместных? Ну дайте сто двадцатый, резервный. Да, я — я вам это говорю!

Захватив зубами верхнюю губу, он положил трубку и провел взглядом по столу от края до края. Потом, словно вспомнив, взглянул.

— В «Лауре» — кто вам путевку оформлял?

— Девушка... Вроде, невысокая, светлые волосы, гладко так собранные...

— Как бы сделать так, чтобы в офисах работали не девушки, а менеджеры по продажам? К сожалению, такого пола в природе нет. Идите, все будет хорошо.

Охранник с четверть минуты крутил ключом в замке.

— Что-то у вас тут строго...

— Претендуют... — буркнул охранник, прокручивая, наконец, бородку ключа.

Сто двадцатый номер находился на первом этаже. Может, это было и не самое плохое. Он шел по длинному коридору, стены которого поблескивали замешанной в краску слюдой, и поглядывал налево и направо на таблички с номерами. Несколько раз ему пришлось открывать и придерживать за собой двери, которые перегородивали коридор и открывались в обе стороны. Их верхняя половина была со штучными, ограниченными по краям стеклами. И от того, что эти двери, еще до того, как он подходил к ним, начинали покачиваться, то ли от сквозняка, то ли потревоженные кем-то, прошедшим впереди, и играть бликами в стеклах, — и все вокруг казалось зыбким, похожим на собственное отражение в волнующейся воде.

Что он все же заметил — это весьма малое расстояние между дверями. Поэтому и удивился, когда, открыв дверь с табличкой «120», увидел, что он не так уж и мал. Впрочем, он тут же понял, почему. Особенностью этого номера было то, что он располагался не между двумя другими, а между холлом и кладовкой, и поэтому, наверно, и получился шире. Правда, со стороны окна он был скошен из-за выступа в фасаде, который, видимо, должен был хоть немного оживить унылую кирпичную стену. Но и это было на пользу: он стал меньше походить на коробку, вмещавшую кровать, два кресла, стол и трюмо. Шкаф, слава Богу, был встроен в стену в коридоре. Отбросив довольно тяжелую штору, он увидел за окном деревянный поручень балкона, стволы сосен недалеко, а сразу за стеклом — косо натянутую веревку с одной единственной деревянной бельевой прищепкой, на кончике которой сверкала капля. На стене, прямо напротив кровати, висела гравюра — одинокая сосна

на каменистом склоне. Опустив на кровать сумку, он какое-то время смотрел на гравюру. Наверно, засыпая, он будет каждый раз смотреть на эту сосну и понимать, что быть одному — нормально.

Свист расстегиваемой молнии на сумке показался в пустой комнате необычайно громким. Словно кто-то над самым ухом махнул по воздуху саблей. Он набросил на спинку стула вторые брюки, разложил по полкам в шкафу спортивный костюм, рубашки, белье, плотный свитер — кто знает, каким будет сентябрь. Когда потом он снова вошел в комнату, в ней как бы ничего не изменилось. Только брюки и куртка, которую он бросил на кровать и так еще и не повесил, выдавали его присутствие. Да еще ремешок фотоаппарата, который он убрал в прикроватную тумбочку, торчал наружу, прижатый дверцей. И все же комната стала другой. Словно с той одеждой, что он распишал по полкам, и несколькими мелочами в ванной — зубной щеткой, пастой, расческой — какая-то часть его перешла вовне. Очередная, еще одна безвозвратно потерянная толика, которую никогда уже не вернуть, в отличие от брюк и рубашек, которые можно снова запихать в сумку.

Когда потом он открыл глаза, то даже не мог сообразить, спал он или нет. Он даже не помнил, ложился ли вообще. Сколько прошло времени? Он сидел и смотрел на часы на руке. Было почти пять. Желтая полоса света на стене, начинаясь на уровне подоконника, была почти параллельна полу. Значит, солнце было уже низко. А он так и не подошел еще к заливу.

3

Двери в коридоре качались теперь еще более ощутимо. Стекланный холл, навес и десятка полтора ступенек, сухих и светлых под навесом, а дальше, на склоне пригорка — темных, с пучками травы и нашлепками изумрудного мха. Вилочки хвои на плитках. Ее было много. Подошвы кроссовок пару раз так проскользнули по ней, что он чуть не «поехал». Короткий перелесок из редких сосен, рябин, а чем ближе к пляжу — ольхи. Слегка прибитый недавним дождиком песок. На белесой осоке, крепкой, но ломкой, как листья большого столетника, все еще блестели огромные капли. Тропа перешла в дорожку из плитки, — и он оказался возле деревянного домика с надписью «Кафе», на краю небольшой площадки со столиками прямо под соснами. Сразу за площадкой — падал к заливу пляж. И за ним — вздымался залив, незаметно смыкаясь вдали с косо всклокоченными облаками. И когда он подошел к заливу, то первое, о чем подумал — что чайки все такие же, не больше, не меньше, словно они могли стать другими.

4

Он пробродил почти до ужина. И когда снова шел к себе, сначала по асфальту у корпуса, а потом снова по коридору, ноги были — словно не его. Он не сразу понял, что идти вдоль кромки воды надо не по прямой, а повторяя линию намыва, а ступать — по словно утрамбованной по-

лосе песка, что вьется в лад с набегающими волнами, хоть она и кажется насквозь пропитанной водой. Но стоило только сойти с нее на более светлый и кажущийся более сухим песок, как пятки кроссовок увязали в чавкающей гуще. Или же надо было идти чуть выше, по выщемуся вдоль берега настилу из тростника, то сухому, уже измельченному, кусочки которого напоминали россыпи сигарет, то — словно только что намытому, в чьи длинные спутавшиеся косы были вплетены донные травы и обрывки рыбацких сетей.

Подходя к своей двери, он увидел, что дверь кладовки раскрыта. Он заглянул — среди полок со стопками белья, одеял, разноцветных полотенец спиной к нему стояла женщина и говорила что-то другой, которая, видимо, сидела, и чьи ноги в мягких тапках и шерстяных носках только и были видны.

— Слышишь, вхожу я позавчера в сто восьмой, освободившийся, посмотреть, сменено ли белье, гляжу: писатель опять приехал. У него ж сразу: на подоконнике — ваза с фруктами, и яблоки, и сливы, и виноград, а на холодильнике эта, как ее — икебана. Ветка корявая в банке, другая — с ягодами шиповника, и шишки внизу. Правда, в этот раз машинка пишущая на столике еще стоит, маленькая, а то раньше просто бумага лежала да блокноты. Еще тренога какая-то в коридоре в углу приставлена.

— Знаю. Его и Галя, в столовой, с раздачи, уже видела. Выкатываю, говорит, ужин, а он меж столиков идет. Как закричу: «Какие люди в Голливуде!» Ну что ж вы, говорит, не в мою смену приехали, я ж с завтра два дня выходная. Ничего, отвечает, я ж не на день!

На ужине ему указали место за столиком у окна. Чуть приподняв голову, он видел площадку, мощеную старой, заросшей плиткой, и корявую сосну посередине. Несколько скамеек-качалок висли вокруг. Сразу вспомнилась гравюра в номере. Ковыряя вилкой кусок жареной рыбы, он осматривался по сторонам. Скучные, вечерние лица. Подсели соседи. Семейная пара и пожилая женщина, сухая, все время вздергивающая подбородок. «Куриная нога в кринолине», — почему-то вспомнилось ему. Мужик был — не из скучных, полный, почти без шеи, улыбался и как-то совершенно не глядя на еду, ел. «Рацион!» — произнес он, словно ободряя новоприбывшего. Вокруг вставали, желали друг другу приятного вечера, шли в проходах, покручивая в пальцах ключи с одинаковыми брелочками — колобашками с номерами. И он тоже потом так же шел, постукивая колобашкой по бедру, постукивал и постукивал, словно радуясь осознанию появившегося достояния — небольшой комнаты с окном на залив, со свитером, парой рубашек, запасными брюками, бритвой и зубной щеткой в пластмассовом стакане в ванной.

5

Слава Богу, все заняло немного времени: посещение врача, процедурной сестры, вписавшей в санаторную книжку дни и время процедур. Уже на третий день, придя с ароматерапии, он швырнул эту маленькую книжицу на тумбочку, так что она чуть не свалилась за нее, а свалилась бы, может, и не стал бы доставать. Ходить на завтраки тоже расхотелось. В конце концов, тут же, на первом этаже располагалось

кафе. Он брал чашку кофе, садился и, шурясь, втягивал аромат из поднятой к лицу чашки. И аромат кофе, и даже звук, с которым опущенная чашка стучалась о белое блюдо хорошего фарфора, были божественны. Ничто так не дает почувствовать, что ты один, как чашка кофе, когда ты один. Потом он поднимался к себе, одевался, выглянув на балкон, чтобы узнать, что с погодой, доставал фотоаппарат и уходил бродить. Он не любил сумки, и брал фотоаппарат уже снаряженным, с тем или другим объективом. Выбор объектива был, наверно, сродни выбору трубки у хорошего курильщика. Он определялся даже не следствием настроения — того или иного, а ощущением способности в этот день, в этот час так или иначе видеть, замечать. И почти никогда он не обманывался. А если вдруг на прогулке попадалось что-то такое, для чего был бы нужен телевик, а надет был штатник, или наоборот, он с привычно сдавленным сожалением шел дальше. Одним упущением больше или меньше — какая разница, когда их уже столько.

6

Они появились в тот момент, когда, устав держать полунажатой кнопку затвора, он опустил камеру от лица — и сразу увидел их, возникших в прямоугольной раме ограды, у края площадки возле того прибрежного кафе. Именно в раме — вся ограда вокруг кафе состояла из таких рам, затянутых железной сеткой и приваренных к стойкам-трубам. Несмотря на то, что рамы, как и сетка, были черными, глаз, невольно настраиваясь на пустоту пляжа, быстро привыкал и скоро почти не замечал их. А если и замечал, то потому, что они делили пространство на осознаваемые части. Желтый песок, голубоватая полоса залива, небо над ним — вдруг делались внутри черного прямоугольника по-своему соразмерными, а какая-нибудь фигурка, виднеющаяся у самой воды, вдруг приобретала значимость и приковывала взгляд. Да еще хвоинки-вилочки, при падении надевшиеся на проволочную вязь, выдавали решетку, шевелясь на ветру. Он и хотел, играя резкостью и открывая диафрагму объектива, чтобы четко были видны эти хвоинки, оставляя размытыми и едва различимыми песок и волны вдалеке.

Они шли по песку вдоль ограды, местами густо усыпанному шишками сосен, и поначалу показались ему похожими на бредущего геодезиста с прибором в руке и его помощника, шествующего сзади с рейкой.

Солнце выглянуло из-за ветки сосны, и хвоинки, повисшие на сетке, засветились мягким, красноватым светом. Вот когда надо было снимать! Но он смотрел уже дальше, за сетку, и видел, что на самом деле та, что шла за мужчиной, несла большой зонт, косо повисший на длинном шнуре, перекинутом через плечо, и словно перечеркивающий ее фигуру.. Спутник же нес, накрутив на кулак его лямки, небольшой рюкзак, медленно раскачивающийся в такт шагов под его рукой. Была какая-то удивительная странность в их совместном шествии. Он был невысоким, плотным, в светлом, очень свободном пиджаке, не застегнутом и выказывающим широкий, но не сильно выступающий живот, но также и покатые, крепкие плечи. Воротник рубашки был расстегнут

и замят под лацканы пиджака. Брюки, тоже светлые и очень широкие, окончательно придавали его фигуре ощущение крепости, и этому ощущению не противоречили совсем седая, загнутая к горлу борода, и такие же седые, отброшенные назад от широкого лба волосы.

Она же... Наверно, этот длинный и узкий зонт в красном клеенчатом чехле потому еще и бросался в глаза, что и сама она была именно такой, прямой, узкой — и когда виделась почти в профиль, и когда вдруг оглядывалась, поворачиваясь плечами и немного бедрами, которые удивительно плавно сходили потом к высокому колену.

Пройдя вдоль всей ограды, они пошли дальше по склону дюны, и если мужчине вязнущие в песке шаги, похоже, доставляли трудность, так что иногда он останавливался, сразу заговаривая с ней о чем-то, то у нее невольное изменение походки от того, что шли по песку, лишь еще более подчеркивало ломкую стройность ее фигуры. Поднявшись по склону, они остановились. Он прижался глазом к видоискателю фотоаппарата. Косо тянулась граница неба и песка, синел клинышек залива. Белел на желтом песчаном фоне человек, вдруг ставший чем-то похожим на матроса в робе. И, замерев с ломким изгибом в фигуре, стояла его спутница, чья косынка развевалась на ветру. Наверяд ли они слышали, как щелкнул затвор.

7

Что-то отвлекло его, и когда он снова повернул к ним голову, их уже не было. Наверно, они скрылись в сосняке на вершине дюны. Еще дальше, за кронами сосен, белел узким торцом корпус санатория, куда они, наверно, и двинулись. А может, они направились к шоссе, к автобусной остановке. Почему-то он решил, что один из них лишь гостил здесь сегодня. Но кто жил здесь, а кто приезжал? Судя по тому, что он шел впереди, а она сзади, можно было подумать, что приехала она и, устав за день и чувствуя себя лишь в гостях, плелась позади, мысленно торопя время, когда можно будет уехать. Дочь приехала навестить отца?

А может, все же это он приехал к ней, и она уже томилась, с неловкостью и почти стыдом ощущая, что не то чтобы приехавший стал вдруг меньше нужней, но что жизнь здесь уже уложились в совсем иной, свой порядок. Потому так и шла.

На ужине, а на следующий день и на завтраке, на который он пришел, и на обеде, он искал глазами ее или его. Не видел он их и на улице, что не было, впрочем, странно. Хоть территория санатория не была очень большой, но стоило постояльцам рассыпаться из его дверей, как все они исчезали, кто хоронясь в примеченных уголках, кто уматывая куда-нибудь на два-три часа на автобусе.

8

«Не спи на закате — проснешься, не помня ни часа, ни дня...» — когда-то давно засела в его мозгу стихотворная строчка. Он проснул-

ся, чувствуя пот на шее, и что ворот рубашки мокрый. Прошел в ванную, набрал в ладонь воду, отдающую запахом прибрежного песка, потом прижал ладонь к лицу, к горлу. Тер полотенцем тоже сырые волосы, прошел по ним шпильками круглой массажной расчески. Бросил на кресло рубашку, взял из шкафа другую, раскрыл окно. Налил почти полный стакан нарзана из бутылки и выпил, как живую воду. Оставив в окне щель, накинул куртку, влез с помощью рожка в неразшурованные кроссовки, и, качнувшись при выходе, двинулся по коридору.

От красноватых отсветов уже приспустившегося солнца на улице казалось теплей, чем, наверно, было, но даже в тени свежесть подступающего вечера была приятна. Свернув на дорожку из плиток, он увидел, что дверь кафе на краю пляжа раскрыта. Он возьмет кофе — и это будет хорошо! «Не спи на закате...» Подойдя, он уже хотел войти в дверь кафе, и вдруг увидел ее. Она сидела за белым пластмассовым столиком посреди площадки, ничего на нем не стояло, в длинном, достигающем почти до земли темно-зеленом, скорее даже защитного цвета плаще и черно-желтой косынке на шее. Каре ее темно-каштановых волос было лучшим из всех возможных на свете головных уборов. Четкий белый профиль лица, нос чуть с горбинкой, губы — сильные, а взгляд карих глаз — прямой, хоть уходил в никуда. Она поджимала руки, пряча их в рукавах плаща. День действительно мерк, и отсветы на хвое и валяющихся на площадке шишках были все золотистой.

Он все же свернул в дверь, взял чашку кофе, вышел наружу, двинулся к свободному столу — они все были свободны. И, проходя около нее, остановился и сказал:

— Не желаете чашку кофе?

Она подняла голову, двинула ладонями в рукавах и, кратко взглянув на него, сказала:

— Да.

Выйдя еще с одной чашкой, он поставил ее перед ней, потом взял за спинку кресло от соседнего столика и передвинул его к столу.

— Можно?

— Теперь уже не сказать нет, — улыбнулась она.

— А я думал, вы уехали. Я видел вас вчера, с мужчиной с рюкзаком. Это ваш отец?

— Нет. Мы сидим за одним столом. Вчера встретились на прогулке. Он тут частый постоялец. Его все уже знают. Он писатель. Кстати, очень интересный дядечка.

— Писатель? Я слышал разговор горничных о каком-то приехавшем писателе. Они его так и называли.

— Наверно, о нем. А что так называли, так у них и для нас всех имена подобраны. Я сижу в столовой у самой стены, за колоннами, у дверей на кухню, через которую и вывозят тележки с едой, и часто слышу тамошние разговоры. Никто в зале и не знает, что среди нас обедают Ежик в тумане, Брежнев, Паваротти, и просто — Сельдерей.

— Вы тут давно?

— Нет. Уезжать двадцать третьего. Что-то холодно делается... — посмотрела она по сторонам, снова пряча ладони в рукава плаща.

— Он вас тоже заметил, — заговорила она снова. — И еще заинтересовался вашим фотоаппаратом. Сказал, что у него дома тоже какой-то старый есть, широкоплечный. Он говорит, что если бы еще продавались те, что снимают на стеклянные пластины, то он бы купил. Что у них резкость лучше. А новые, цифровые, он вообще не признает. Он говорит, что фотоснимок — это выстрел. И или промахнулся, или попал. А может, он вообще немного повернут. А вообще, его интересно слушать. Только иногда он — никакой. Сидит, еду глотает, смотрит в точку.

— Еще кофе?

— Нет, спасибо. Походим лучше у залива.

Он удивился. Неподвижная, мерзнувшая, она вдруг быстро пошла. Пошла тем шагом, каким ходят на подиумах, но не кривляясь, а потому, что в узких, не для прогулки одетых лодочках идти по песку иначе было и невозможно, так что он невольно залюбовался, глядя на ее мелькающие щиколотки.

Переступив через полосу намытого тростника, она с разгона нагнулась, подхватила горсть ракушечной мелкоты, которая белой полосой стелилась вдоль береговой кромки, и запустила ее вверх — сверкающим в лучах солнца фейерверком.

9

Из назначенных процедур он стал ходить только на лазерную очистку крови и подводный массаж. Первая внушала хоть какое-то доверие. Надо было лежать пятнадцать минут с воткнутой в вену иглой, в которую был вставлен световод от стоящего на столике прибора с лазером. Закрепив пластырем иглу на внутренней стороне локтя и щелкнув включателем на приборе, медсестра обычно уходила, а он лежал и слушал тиканье таймера.

— Чему улыбаетесь? — спросила однажды медсестра.

И скользя взглядом по белой плитке стен, по раковине, дозатору с мыльным раствором, легкой белой ширме, он еще больше расплылся в блаженной улыбке: никто не мог войти и озаботить его всем тем, что осталось где-то там, в общем-то недалеко, но за дымкой залива.

Наутро он несколько раз видел ее, сидящей возле кабинетов. Сестра рядом не получалось — соседние стулья были заняты какими-то ненужными, чужими людьми. Раз, в ожидании процедуры, он все же присел недалеко от нее, и глядя на этих ненужных дяденек и тетенок, вдруг резко ощутил ее близость. Что-то тянулось от него к ней, а может, и от нее к нему. Она взглянула на него лишь несколько раз, и еле заметное движение уголков ее губ он мог бы считать улыбкой.

В этот день подводный массаж был назначен на пять часов. Процедура сестра два дня назад так и сказала: «Как хотите! Нет у меня на этот день времени до обеда. Все забито! Хотите — приходите в пять, последним». В пять — так в пять.

Примерно полшестого он вошел в свое номер, скинул куртку-кенгуру с капюшоном, в которой ходил на процедуры, стянул влажную

футболку и повесил ее в душе на полотенцесушитель. Снятым полотенцем — пересохшим и жестким от висения на горячей трубе, растер волосы, снизу совсем мокрые. Вошел в комнату, подошел к столу налить в стакан воды и по пути щелкнул кнопкой на телевизоре. Экран мигнул и засветился. Он взял пульт и, отпивая по глотку, полувытянутой рукой стал чикать кнопкой, перелистывая каналы. Кто-то рассказывал о ходе восстановительных работ на теплотрассе, потом был мультяшник, потом футбол, потом — о прелести готовки в аэрогриле, снова футбол, боевик, снова болтала какая-то тетя. Он вернулся к боевику. Из одного из торчащих на экране небоскребов валил дым. С краю экрана появился маленький, как муха, самолет. Он летел к еще одному небоскребу, скрылся за ним и вот-вот должен был появиться с другой стороны. Но не появился. Вместо этого сбоку небоскреба вспух дымно-огненный шар. «Еще один!» — послышался голос за кадром, потом — треск, шум, как при радиопомехе, чьи-то голоса, но уже непонятные. Он прибавил звук и сел в кресло перед телевизором. «Вы видите, какой силы взрыв, — снова раздался голос, — самолет врезался примерно на одной трети от верха небоскреба, а ведь его высота около трехсот метров». Внизу экрана замелькала бегущая строка: «Теракт в Нью-Йорке. Террористы на захваченных самолетах атаковали башни Всемирного торгового центра. Поступают сообщения об атаке также на Пентагон. Еще один самолет упал в Пенсильвании». Он уставился в экран, подавшись вперед. «Одиннадцатое сентября стало черным днем для Нью-Йорка и всей Америки».

Когда через час он вошел в зал столовой, то, идя вдоль столов, старался понять по лицам уже сидевших, знают ли они о том, что произошло. Кто-то медленно намазывал масло на булку — этот знает. Тот, что долгим взглядом следил, как сидящая напротив дама пытается порезать ромштекс — тоже. Этот — нет, жует и зыркает по сторонам.

С одного места в проходе он увидел ее — еле видную за колонной. Неподвижный профиль, нос с горбинкой. Напротив — нависший над столом лоб писателя с седой прядью. Этот — знает. Наверно, сказал уже и ей, а может, и она видела по телевизору.

Он быстро заглотил пюре и тефтели, обжигая горло, выпил чай, не размешав брошенные две ложки сахара. Взяв с тарелки яблоко — почти целиком красное, встал, и пошел к колонне. Писатель тяжело посмотрел, потом ушел глазами внутрь бокала с чаем. Она взглянула на него и чуть двинулась в его сторону.

— Вот такой в этом году Иоанн Предтеча, что по пословице гонит птиц за море далече, — произнес писатель, ставя бокал и кидая в него чайную ложку. — Предтеча... Да-да. Одиннадцатое сентября — Иоанна Предтечи день. А другое наименование дня — Головосек. Про усеменение головы его помните? Так что головосек, получается, он и есть... Видели по телевизору-то? Кстати, по обычаю народному, бывшему, в этот день нельзя есть ту же капусту, потому что она голову напоминает. А у нас на обед сегодня щи были... — и он вздохнул, глубоко, с долгим выдохом. — Вот и вы... — скользнул взглядом по его руке, сжимающей яблоко. — Яблоко тоже сегодня есть нельзя, а уж красное — и подавно.

— Спасибо, — сказала она, проведя ладонью по скатерти перед собой и вставая.

Он двинулся следом.

— Холодно на улице?

— Не знаю. Я с процедуры пришел, включил телевизор, никуда не ходил.

— Походим немного? Я сейчас.

Он ждал внизу. Она вышла быстрым шагом.

— Только не у залива, — бросила на ходу.

Он пожал плечом.

Метрах в ста начиналась выложенная из туфа ограда — невысокая, местами и не видная в низеньких густых елках. Она отделяла территорию от шоссе, чья чуть выпуклая полоса серела за перелеском, который то расширялся, то сужался, то густел, то редел. Между оградой и ним и тянулась дорожка, тоже извилистая.

Она шла посередине, он — сбоку и чуть следом.

— Ты такая — поэтому?

Он сам заметил, что впервые сказал ей «ты».

Она оглянулась.

— Не знаю. Так просто. Да и не может быть, чтобы что-нибудь не случилось. А вообще — по дочке скучаю.

— А сколько дочке?

— Маленькая еще. Пять. С мамой моей сейчас.

Он ждал, что она спросит, есть ли дети у него, но она не спросила.

Медленно они дошли до «кирпича» — так назывался магазин, находящийся в получасе пути от санатория, действительно, построенный из красного кирпича, не оштукатуренный, углом стоящий на краю пляжа — действительно, как большой кирпич. Он был уже закрыт, но у входа так и остались лежать выставленные, чтобы прямо отсюда закидывать их в машину, связки березовых поленьев и мешки с углем.

Стал косо налетать дождь. Они стояли под козырьком у большого окна магазина, глядя в его темное утро.

— Ну, вот... — сказала она.

Когда дождь затих, они пошли обратно. Иногда при ходьбе их локти касались друг друга. Остро пахло ставшей мокрой лесной подстилкой. Наверно, из-за того, что все небо затянуло темными тучами, как-то резко потемнело. Когда они прошли большую часть пути, сначала бледно, потом желтея все больше и больше, загорелись фонари над шоссе. Трава вокруг дорожки стала походить на длинные блестящие иглы. В нескольких местах, где дорожка делалась особенно узкой, он ступал по траве, а иногда, при извивах дорожки, скашивал путь прямо по траве, с удовольствием ощущая, как пружинит влажная подстилка.

— Что ты? — спросила она, когда он вдруг остановился, глядя под ноги.

— Сыроежку большую случайно сбил. Не заметил.

Когда они подошли к корпусу, она спросила, глянув на уже темные окна кафе в первом этаже.

— У тебя кофе есть?

— Растворимый, взял на всякий случай.

— Принесешь?

Он поднялся к себе, сунул в карман банку с кофе, подошел к окну, чтобы проверить, закрыто ли оно. Сдвинул штору. Слева по горизонту искрились звездчатые белые огни на строящейся дамбе, пропадающая потом в темноте. Почему-то ему показалось, что он здесь — уже очень давно.

Идя по коридору, он ощутил еще одно чувство — голода. Вспомнил, что когда смотрел сейчас в окно, увидел, что на площадке кафе на краю пляжа горит свет. Он вышел на улицу и свернул к пляжу. Когда шел, чувствовал, как коленями раздвигает мокрые ветки кустов.

Распахнутая дверь ярко белела. Несколько человек сидели за столиками внутри кафе с бокалами пива. Он попросил две порции сосисок с зеленым горошком, кукурузой и кетчупом, добавив: «С собой». И аккуратно понес картонные тарелки, греющие ладони.

— Какой ты молодец! — воскликнула она. — А мне как раз так вдруг есть захотелось!

Ее номер был на четвертом этаже. По размеру — наверно, такой, как все, то есть чуть меньше, чем его. Пустые картонные тарелки лежали теперь друг на друге на краю стола, краснея остатками кетчупа и зачехто им пахнув. С чашкой кофе она вышла на балкон. Сделав глоток, она ставила чашку дном на поручень балкона и тоже смотрела на мерцающие, мигающие огни на дамбе. Отсюда, сверху, казалось, что они — гораздо дальше. Было совсем темно. «Ни зги!» — сказала она. Только свет от окна выхватывал из темноты хвою растущих неподалеку сосен.

Где-то ниже, на другом конце стены в каком-то номере бузили. Чуть выставившись, он увидел, как кто-то перегнулся через перила балкона, и удерживаемый кем-то сзади за шкирку, прокричал: «Граждане, террориста поймали!»

На балконе было свежо, но уходить не хотелось. Огоньки на дамбе то ли дрожали в тумане, то ли двоились, отражаясь в черной воде. Все же он почувствовал, как колкая сырость проникает в рукава. Как очнувшись, он повернулся. Ее рядом не было. И на балконе было светлей, чем внутри, за его стеклом. Только светилась она, ее тело в глубине комнаты.

Он вернулся к себе под утро. Сначала казалось, что спать не хочется. Когда лег, взгляд случайно упал на гравюру на стене. Свет от недалекого фонаря за окном косо падал на нее, и сосна недвижно темнела на снежной вершине. Проваливаясь в сон, он чувствовал, что краешки его губ чуть раздвинуты — то ли в улыбке, то ли в усмешке.

Проснулся он поздно. Скосив глаза на лежащие на тумбочке снятые ручные часы, увидел, что не только давно прошел завтрак, но и вот-вот он опоздает на процедуру. Потянулся рукой, взял валявшуюся рядом с часами санаторную книжку, полистав, увидел, что, кроме этой, на сегодня процедур больше нет. «Ну и Бог с ней», — буркнул, переворачиваясь лицом к окну. Сквозь тюль увидел, что небо голубое. Встал, сдернул в сторону штору. Да, лишь несколько редких облачков висло у самого

горизонта. Заправляя постель, поднес к лицу, когда взбивал ее, подушку, потому что вдруг уловил какой-то новый запах. Тонкий-тонкий. Ее духов. Провел ладонью по лицу и тот же аромат вдохнул с ладони. И когда потом брлся в ванной, улыбался.

В холле увидел, что кафе рядом с ним уже открыто. Подняться к ней? Но вошел в кафе, взял чашку кофе и бутерброд. Когда допил кофе, почувствовал, что хочется выйти на улицу. Но когда, миновав холл, направился к выходу, рядом в простенке вдруг раскрылась дверь лифта. Кабина была пустой. Наверно, кто-нибудь вызывал его и, не дождав-шись, ушел. И он вдруг свернул и вошел в пустой лифт. И нажал кнопку с цифрой четыре.

Ее дверь была закрыта. Он подергал несколько раз ручку, потом неуверенно постучал. Не было ответа. Поднес руку к щели возле замка. Свежо, плотно шел оттуда воздух. Похоже, была приоткрыта балконная дверь, а не то, что только форточка.

Вернувшись к себе, он хотел взять куртку из шкафа, но, выйдя на балкон, решил, что по погоде хватит и куртки-кенгуру. Взял фотоаппарат, успев заметить, что объектив на нем — штатник. Намотал на левую руку ремешок, так что фотоаппарат повис под самой рукой, почти незаметный.

Он обогнул корпус, прошел по травяному взгорку, миновал каменную балюстраду, отделявшую корпус от пляжа и нависающую над ним полуразрушенным балконом. Гранитные плиты местами скосились, фундамент под ними — застывшее месиво бетона, булыжников и битого кирпича — местами обнажился, и в солнечную погоду на его отколовшихся кусках часто сидели, подставив лицо еще греющему солнцу. Но сейчас никого не было, лишь в двух местах кто-то брел по кромке залива.

Он увидел это перо, когда сел на неровный камень, тоже захотев подставить лицо этому сентябрьскому солнцу, уже далекому, но тем более приятно достигающему своим теплом. Глаза его щурились, в сомкнутых ресницах начинали и переставали поблескивать искорки. Подав вперед подбородок, он оставался неподвижным, лишь иногда чувствовал словно слабый толчок — возможно, просто толчок крови. Изредка он приоткрывал и снова закрывал глаза, успевая скосить взгляд на янтарную проплешину среди бугрящегося, промятого ногами песка. Перо воткнулось в песок почти идеально, градусов под сорок пять, и, развернутое по ветру, играло белоснежными ворсинками.

Глаза его раскрылись. Он подался вперед и окинул взглядом берег. Те две фигуры, что виднелись недавно слева по берегу, исчезли, скрывшись, наверно, за гребнем из остатков волнолома. И ее тоже нигде не было.

Он встал, потом опустился на колени и навалился грудью на песок, уперевшись в него локтями. Ветер, скользящий прямо над песком, обдал его щеку тысячами иголок. Он раскрыл пошире диафрагму, приник к окуляру и повернул кольцо резкости. Перо вырисовалось теперь каждой ворсинкой, и каждая песчинка ярко мерцала под ним — там, куда не падала тень пера. Зато клинышек залива вдали расплылся, а белые облачка в небе стали едва заметны. Он нажал кнопку, зеркало прыгнуло, окунув его на миг в темноту, потом еще раз, еще, еще.

Отряхнув с колен и груди песок, он пошел по направлению к каменистой гряде. Он лишь раз ходил в эту сторону. Солнце светило в глаза — в первую половину дня оно проходило над этой частью берега.

«Что ж вы такие пугливые?» — проговорил он, глядя на чаек, которые спешно отбежали или вспархивали, стоило ему только к ним приблизиться. Только юркая трясогузка, серо-белая, со сверкающим черными полосками перьев в хвосте, бежала и бежала прямо перед ним, останавливалась, взглядывала, сигналила вверх-вниз стрелкой хвоста и снова петляла почти под ногами.

Слева пляж поднимался вверх. Невысокие сосенки и елки вставали на его верхней черте, прикрывая серый, выцветший штакетник ограды. На взгорке, напротив каменистой гряды, ограда эта делалась низкой-низкой — просто намет песка здесь был очень высокий, так что тут всякий мог ее перешагнуть. Он и пошел к этому месту. Он перешагнул штакетник — и подняв взгляд и посмотрев вдоль ограды, увидел ее.

11

Она сидела на скамье-качалке, стоявшей метрах в трех от ограды и явно сюда откуда-то перетащенной. Сидела, откинувшись спиной на две цепи, которые, одинаково с двух концов скамьи, удерживали ее на весу, сидела, тоже подставив лицо солнцу. Сидела, укутавшись в свой темно-оливковый плащ. Скамьи не было видно с пляжа, потому что высокий в этом месте забор тонул в сосновом подросте.

«Так вот где ее вершина для одинокой сосны, — мелькнуло в его мозгу. — Может, уйти?» Но она увидела его, подняла взгляд, но даже не двинулась, лишь прибрала ближе к себе спрятанные в рукава руки.

— Я искал тебя, — сказал он.

— Зачем?

Он не знал, что сказать. Постояв, он сел на противоположный конец скамейки. Она ничего не сказала, только чуть отодвинула полу плаща, лежащую на скамье.

— Как писатель? — почему-то спросил он.

Она двинула бровями.

— Не знаю. Что-то с ним не то. Или это башни-близнецы на него так подействовали...

— Ты часто здесь сидишь?

Она не ответила. Но он понял: значит — часто.

— Это территория детского сада, — сказала она. — Вон, за деревьями песочницы видны. Летний, естественно. Сейчас — заколочен.

Он смотрел на забор, на его старые, истрескавшиеся рейки, облепленные бирюзовыми нашлапками лишая. Верхняя горизонтальная рейка была усыпана вилочками хвои.

— Здесь белки иногда бегают, — сказала она.

И он вдруг подумал, что она сама похожа на белку, то быстрюю, стремительную, то замирающую на месте так, что и не заметишь.

Он взглянул на ее ботинок, и вдруг волна тепла обожгла середину груди. Рука его протянулась, но он услышал:

— Не надо.

— Не надо... — может повторил, а может, лишь мотнул головой он.

Он поднялся и подошел к ограде. Стал смотреть сквозь верхушки прижавшихся к ней сосенок на залив. Качель за его спиной скрипнула, и по повторяющемуся, но постепенно замирающему звуку он понял, что она тоже встала. Ее руки обхватили его плечи, и голова ее легла ему на плечо. Он прикрыл глаза и наклонил голову, чувствуя волосами ее волосы. Как желт, как солнечен был песок, как искрилась легкая волна, набегающая на его темную от влаги полосу! Он наложил свои ладони на ее. Они были холодными.

— Мерзляка... — сказал он, прижимаясь головой теснее и чувствуя, как сильней прильнула она.

Переступив то низкое место в ограде, они пошли, косо спускаясь к заливу. Стая чаек расположилась на песке, сухом и теплом, так что им пришлось обходить ее, чтобы не вспугнуть. Бело-серые тушки птиц были все одинаково повернуты к морю, к набегающему ветерку. Их шейки были втянуты в плечи. Они явно видели, что кто-то проходит мимо, и сидели и поглядывали так, словно не знали, чего им ждать — беды или кусочков хлеба.

Она немного отстала, и вдруг ее ладони прикрыли ему глаза. Стало так темно, как когда он, прижав глаз к окуляру фотоаппарата и жмуря другой, нажимал кнопку, и зеркало позади объектива, подпрыгивая, отсекало свет.

— А ну, говори, какого цвета лапки у чаек!

— Черные, как эта ночь! — крикнул он, пытаясь освободиться.

— Э-эх! А еще фотограф! Так вот знай: у тех, что побольше — красные, а у остальных — желтоватые. Я иногда беру в столовой булку и кормлю их, — сказала она. — Смотри, как интересно некоторые сидят: грудкой — к заливу, а шейка назад, и клюв в перья убран. Я им даже завидую.

Они остановились возле торчавшей среди песка железной раздевалки-улитки. Ветер пошатывал ее, налетая на выкрашенные синей краской листы железа, наверно, слишком тяжелые для тонких прутков, которые удерживали их в полуметре от песка.

— Я как-то гуляла здесь в дождь, — сказала она. — Брр!.. Ничего нет ужасней пустой мокрой раздевалки на пустынном пляже.

Они перешагнули намет тростника, потом под ногами закрипели тоже полосой намытые ракушки. Невысокие волны, обрушиваясь белыми гребнями метрах в трех от берега, широко расплывались и набегали на песок тонкой, кипящей на краю пленкой. Несколько раз он отскакивал в сторону, чтобы набегающее лезвие воды не прошло по его кроссовкам.

— Сейчас тебя смоеет и унесет! — крикнула она. — И я буду кричать: «Вернись, милый!»

— Да-да. А вот этому милому уже не вернуться, — проговорил он, поддевая носком полуутопленный в песок большой зимний ботинок, видимо, недавно выброшенный на берег, потому что был словно вымыт, а толстый мех внутри и на вывернутом, торчащем наружу языке, опутанном шнурками и водорослями, все еще выглядел добротным.

— Почти новый, — сказала она. — Все, что осталось... Там, за грядой, я видела камень, врытый в песок под зарослями ольхи. Такой-то — имя

и фамилия написаны — ушел двадцатого марта по льду рыбачить и пропал.

Идя дальше, они невольно разглядывали то, что попадалось под ногами.

— Шины кусок, — говорил он. — Как обгрызенная.

— Смотри, какая ракушка большая, — махала она ему рукой. — И рядом еще. Все с одинаковыми дырками. Наверно, вороны клювом пробили.

— Шприц.

— А у меня — зажигалка. А вот флакон — крем для загара. Солнышко, ау!

Может, потому, что глаза устали скользить по песку под ногами, он остановился и стал смотреть на залив, сунув руки в карманы джинсов.

— Короче, все, что тверже ее — вода извергает. Как ненужное.

Она подошла, встала рядом и просунула свою руку под его, прильнув плечом.

— Почти все и есть — ненужное, — сказала она.

Размахивая руками, они поднялись по камням наверх, к тропе, выходящей вдоль ограды. Оглядевшись, повернули обратно.

В одном месте вбок от тропы уходил ствол повалившийся сосны, нависая над песком внизу и гранитными глыбами. Плоский корень с вросшей в него землей торчал с другой стороны тропы как черный диск. Совсем недалеко от корня в стороны уходили ветви с повисшей рыжей хвоей.

— Передохнем? — сказала она.

Сделав вдоль ствола несколько шагов, еще по песку, она сняла плащ и накинула его подкладкой на ствол. Потом села и откинулась спиной на него. Подложив под голову ладони, она зажмурилась от солнца и блаженно улыбнулась. Он сел у нее в ногах, оперевшись локтями в колени, и тоже подставил лицо солнцу. Было так хорошо, что оба долго молчали.

— Знаешь, когда я поняла, что ты — мой? — вдруг сказала она, не раскрывая глаз. — Когда в темноте ты случайно сшиб ногой сыроежку и остановился, глядя под ноги, словно нарушил что-то живое.

— Я заметил, что ты совсем ничего обо мне не спрашиваешь, — помолчав, сказал он. — Ни о моей работе, ни о семье, вообще ни о чем.

— Тебе хочется, чтобы я все это узнала и поняла, как многое тебя от меня отделяет?

Он снова почувствовал, что иногда не знает, как ей отвечать.

— Смотри, писатель идет, — вдруг сказал он.

Она приподнялась на локте, вглядываясь туда, где далеко внизу косо набегали на берег волны. Писатель шел вдоль самой кромки воды, в широкой куртке и серо-бежевой шляпе с круглыми полями, шел большими шагами, чуть пригнув голову. При каждом шаге он сильно выбрасывал руки, словно отталкивался лыжными палками.

— Слово куда-то спешит, да?

Она молча, прищурился глаза, смотрела вниз.

— Странный он какой-то. Сегодня в очереди на массаж опять про день Иоанна Предтечи говорил, пословицы рассказывал. Я даже запомнила. «Иван постный — осени отец крестный». Говорил, что, по

поверью, ребенок, родившийся в этот день, будет несчастным, а полученная в этот день рана не заживает. Кстати, у столовой объявление висит о его творческом вечере.

— Сколько ему лет? Даже и не определить. Внешне он мужик крепкий.

— Да, хоть говорит, что стареет. Интересно, он сказал, что первый признак старости — это когда лицо, не выражение его, а само лицо меняется, когда ты лежишь. У молодых — что стоят, что лежат — лицо одинаковое.

Она снова легла на ствол, устроилась на нем, двигая лопатками, и вдруг спросила:

— У меня меняется?

Он нагнулся над ней на вытянутых руках. Ее глаза сощурились, а губы чуть дрогнули в уголках в ожидании поцелуя.

12

Утром, подойдя к окну и сдвинув штору, он смотрел в синеющий или сереющий в просвете деревьев залив, потом, открыв балконную дверь, выходил и какое-то время стоял, положив руки на сырой деревянный брус, лежащий поверх плиты, огораживающей балкон. Скользя взглядом по шербатовому бетонному полу, растрескавшемуся брусу, он думал: «Сколько людей уже стояло на этом балконе, курило, смотрело точно на то же самое — травяной склон, стволы сосен, скучную зелень ольхи, гладь залива или катящиеся и катящиеся волны, каждая из которых катилась-катилась и вдруг куда-то девалась, подпуская вместо себя другую. И вот теперь здесь стоит он, с какими-то совсем другими, своими мыслями, и у балкона, похоже, нет ни чувства стыда, ни неловкости за эту свою продажность».

Кафе возле холла открывалось в десять часов, и, похоже, он иногда входил в него первый. Он почти сразу облюбывал себе круглый столик возле стены. Свет падал из больших высоких окон, и в утренних лучах стены, отделанные под светлую карельскую березу, весело поблескивали. Он специально выбрал круглый столик, хоть кое-где вдоль стен и у колонн стояли квадратные. Он давно заметил, что если за круглым столиком в кафе кто-то сидит, то другие к такому столу уже не подсаживаются. Видимо, круглый столик предполагает некую интимность, и двум чужим людям за ним не очень уютно.

Теперь ему хотелось видеть ее сразу с утра, хоть расставались они порой среди ночи, а то и под утро. Лифты с двенадцати ночи и до пяти утра не работали, и он возвращался вниз к себе по гулкой, беззвучной лестнице, придерживая рукой двери, потому что они скрипели и постукивали в полной тишине, казалось, на весь корпус. И все же на завтраки он не ходил. Утром она появлялась в столовой лишь на несколько минут, приходя, когда в тарелках давно уже все остыло, быстро глотала чай, скручивала и съедала кусочек сыра или колбасы, лишь немного отщипнув от булки, и спешила на какую-нибудь процедуру, которых ей, по ее просьбам, выписали во множестве.

— Зачем ты на них ходишь? — спрашивал он.

— Чтобы быть красивой. Ты ничего не понимаешь. Отчего, думаешь, у меня такая кожа? Ведь — нравится?

Ему нравились ее кожа, ее волосы — сильные, каштановые, ее глаза — каре-золотистые, брови, округло расходящиеся от переносицы, отчего ее взгляд почти всегда казался острым, пристальным; смешно — даже нравился нос. Он и был у нее каким-то насмешливым! И — нежные губы под ним... Ему казалось, что он кого-то или что-то узнает во всем этом, но не мог понять, от кого это у нее: от птицы, от ящерицы?

Конечно, он мог бы запомнить, в какое время и где у нее будут процедуры, и ждать ее поблизости от кабинетов, сидя в холлах или шатаясь по коридору. Но он чувствовал, что ей это не надо, что ей это даже не понравится, потому что нравится — вдруг прикрыть ладонями сзади глаза или крикнуть ему, идя сзади по аллее — ау!

В этот день он тоже, войдя в кафе, как обычно первым делом стрельнул глазами, свободен ли его столик. Приткнув поближе к стенке фотоаппарат и повесив на спинку стула куртку, он подошел к стойке, кивнув и сказав «Здрасьте!» одной из попеременно работавших здесь официанток.

— Американо? — уже зная, спросила она.

— Да.

— И без сливок?

— Но — с сахаром.

В кофейной машине защелкало, и темно-кремовая пенка завилась под никелированным носиком над подставленной чашкой.

— Вот, бутерброды только что сделали, с семгой. Очень нежная, слабый соли.

— С удовольствием.

— Вот и хорошо.

Сев, он закинул руки за голову, сцепив пальцы, и прикрыл глаза. Ни он, ни эта официантка, наверно, ни разу за день не вспомнят эти несколько сказанных друг другу фраз, связавших их за короткий миг ее работы и его безделья. Но как же приятны бывают иногда эти ничего не значащие разговоры!

Отпив кофе, он снова чуть закинул назад голову, и взгляд его упал на экран телевизора, висевшего высоко в углу и прикрытого по бокам зелено-желтой пластмассовой листвой. Он почти сразу узнал — шел старый советский фильм «Последний дюйм». Он даже помнил эти кадры: малюсенький аэропорт, затерянный среди песков непонятно какой страны, трепещущий на ветру на высокой жерди полосатый флажок, маленький самолетик и угрюмый отец мальчишки — главного героя, часами просиживающий на открытой террасе кафе в ожидании летного задания. Он несколько раз бегал смотреть этот фильм на киноутренники, и конечно, все они распевали тогда песенку из него:

Тяжелым басом гремит фугас,
Ударил фонтан огня,
Но Боб Кеннеди пустился в пляс,
Какое мне дело до всех до вас,
А вам до меня?

Кто был этот Боб Кеннеди, почему он плясал, они понятия не имели. Но распевали эту песенку с удовольствием. Особенно последние строки:

Но пуля-дура вошла меж глаз
Ему на закате дня.
Успел сказать он и в этот раз,
Какое мне дело...

Ну а дальше — понятно.

И тут он вздрогнул, впервые осознав это совпадение. Ведь автор слов песенки присвоил ее герою фамилию Кеннеди — за несколько лет до того, как в Америке появился такой президент, которому, действительно, правда, в полдень, пуля пробила голову, вышибив мозги на кожаную спинку открытого лимузина. Он снова посмотрел на экран. Угрюмый отец медленно шел по песку с аквалангом на спине, с кинокамерой и лапами в руках, собираясь нырнуть, чтобы снимать акулу. И ему захотелось к заливу.

Уже второй день к полудню становилось почти жарко, хоть ветер на заливе был сильным. Кем-то, и похоже уже давно, оброненное полотенце, накинутое на вбитую в песок трубу, к которой цепью была прикована лодка, трепыхалось и порой даже хлопало выцветшим краем. Таких лодок здесь, в правой части пляжа, лежало штук шесть. Иногда, проходя по берегу, он видел лишь одну или пару — на остальных, значит, в это время рыбачили. Все они были старые, давно не крашенные. Упираясь кормой прямо в песок, они вздыбливались носом к заливу, опираясь на деревянные или железные распорки, и под носом почти каждой свисал или лежал на песке незатейливо сваренный из прутков якорь.

Он шел по песчаной полосе, оборачиваясь иногда, чтобы подставить солнцу лицо. Магазин «кирпич», выпирающий углом на пляж, делался впереди все больше. Утоптаннный многими дорожками песок явно различимой дорожкой вел к нему. Пройдя мимо него и войдя в тень за ним, где сразу ощутимо стих ветер, он посмотрел на часы. Было только одиннадцать. Она сказала вчера, что сегодня до обеда у нее — сплошь процедуры. Можно было повернуть назад и по дорожке вдоль шоссе или снова по пляжу вернуться обратно. Но вдруг он увидел остановку на другой стороне шоссе и пошел к ней.

Никого больше на остановке не было. Он стал рассматривать желтую табличку, висящую на столбе. Наверняка, раз остановка была пустой, автобус только что ушел. Буквально через минуту его обдало накапавшим воздухом, и тут же рядом распахнулась гармошка дверей. Он шагнул, и — едва успел схватиться за вертикальный поручень и тут же опустился на ближайшее сиденье, потому что автобус, впустив единственного пассажира, с места набрал скорость.

Подошла кондуктор. Он достал портмоне, и кондуктор, заметив его нерешительный взгляд, сказала:

— Вам до куда?

До куда... Автобус шел до вокзала в небольшом курортном городе в двадцати минутах езды отсюда. Тут кондуктор, видимо, заметила фотоаппарат:

— Если до курортного парка и пляжа...

Он дал деньги, сколько она сказала.

Шоссе было извилисто, автобус же временами просто несся. Несколько раз он снова брался рукой за стойку, чтобы его не сносило в сторону. Слева то возникал, то снова прятался за полосой леса залив. Потом словно потемнело — шоссе отошло далеко от берега.

— Курортный парк! — объявила кондуктор. И через минуту он сошел.

Узкая асфальтовая дорожка-тротуар уходила от того места, куда он ступил с подножки автобуса, в одну сторону вверх, а в другую — вниз, заворачивая к невысокой каменной ротонде, дверь и большое полукруглое окно в которой были забиты досками и покрашены той же краской, что и стены. «Воды — соки» — просвечивала сквозь желтую краску надпись по фронтону, когда-то темная. От неожиданности чуть пригнувшись вперед, он пошел вверх, но скоро остановился и огляделся. Дорога — по сути, уже городская улица, падала вниз, круто сворачивая влево перед большой площадкой, разделенной надвое железной оградой, переходя в этом месте в шоссе и открывая вид на главную парковую аллею. И он пошел вниз, пошел, с каждым шагом чувствуя, как убыстряется его шаг, и от этой легкости шага вдруг все меньше и меньше начиная ощущать себя. И вдруг он понял, что главным чувством, которое он испытывал, когда много лет назад вот такими же быстрыми шагами спешил здесь к пляжу пятнадцатилетним мальчишкой, было именно это полное не ощущение себя, своего тела. Словно вообще тогда у него, пятнадцатилетнего, его не было. А было — легкое и словно тоже не замечаемое дыхание, и казалось, что земля под ногами словно пружинками толкает его вверх, был холодок где-то там, за грудиной, откуда шло и чувство голода, почти всегдашнего, но связанного словно с чем-то другим, потому что о еде он и не думал. Этой легкой скачущей походкой он пересекал линию ограды сквозь распахнутую сбоку калитку, и, соскочив с нескольких широких полукруглых ступеней, врывался в аллею, сразу пьянея от аромата левкоев, густо цветущих на узком газоне, тянущемся посреди аллеи до самого пляжа. Слева за деревьями тянулся длинный и низкий деревянный кинотеатр, потом тоже низкий, с фронтоном посередине танцзал. Чуть дальше секло небо своими спицами огромное колесо обозрения с пугающе маленькими кабинками в вышине. Справа — вдруг возникал «Парковый домик» — администрация базы отдыха, похожий на обычную дачу, потом серел в зелени недвижимый, с двумя темными пазухами по краям склеп общественного туалета. Он отставлял руку в сторону, и, словно здороваясь, прихватывал мягкую, как раздавленную хвою туй, росших по краю аллеи. И вдруг ноги вязли в песке, и — хоть раскинь руки: от башенки спасательной станции далеко справа и до каменистой гряды и маяка слева — залив! Он взбухал огромным сизым пузырем в конце аллеи — если смотреть с площадки у шоссе, и вдруг, словно смирившимся великаном, заискивающе плескался у самых ног.

Он гостил в то лето у тети, жившей на даче на другом краю города, и каждый день, порой не по разу, проделывал этот путь. Тетка занимала комнату на втором этаже, под крышей, и иногда по вечерам он

устраивался на большом подоконнике и, полулежа, читал, пока не переставало быть видно на страницах. Детей у тетки не было, и, как многие бездетные и уже старящиеся женщины, она испытывала к детям, особенно к подросткам, какое-то насмешливо-недоброжелательное чувство. В городе про компании, порой собирающиеся в ее дворе или на лестнице, она говорила — «подростковая муть», в первое же утро на даче она с кривоватой полуулыбкой объявила ему, что мальчикам в его возрасте спать на животе вредно, а ставя на стол перед ним тарелку жидких, хоть считай кусочки капусты, щей, говорила — «вот!». Глядя, как она перебирает в кошельке монетки, отправляя его в магазин, ее легко можно было назвать скупой, но может, она просто была бедна.

Но как только калитка утром стучала за его спиной, он все это забывал, и ноги сами несли его к заливу.

Он выбирал место вблизи воды и растягивался на песке. Поерзав затылком, делал в песке лунку, и когда ненапряжное положение занимала и голова, он переставал чувствовать свое тело уже совсем, и тогда не было уже ничего, кроме солнца, искрящегося в сомкнутых ресницах, и доносящегося мерного наката ленивых волн. Но о том, что пора вскочить, подсказывало именно тело — руки, перестающие ощущать песок, потому что уже сравнивались с ним в раскаленности. Он входил в воду медленно, и ожоги воды, кажущейся ледяной даже на мелководье, были восхитительны. Другим восхитительным ощущением был собранный в маленькие барханчики песок, по которому он ступал, продвигаясь по мелководью. Их рябящие глаз разводы пленяли взгляд, в то время как ступни ощущали нечто куда более приятное, чем носок и подметку. Надо было долго идти, сначала почти по колено в воде, потом по пояс. Метрах в шестидесяти от берега, наконец, можно было плыть, но потом снова начиналась мель, и заплывшие сюда стояли в воде, словно не зная, что теперь делать. Он плавал не очень хорошо — «вода любит толстых», сказала как-то тетя. Переплыв провал, он вставал на ноги, и волны — здесь они были выше, ощутимо покачивали туловище, щекоча чуть ниже подмышек. Берег был далеко-далеко, и ему вдруг начинало казаться, что он не сможет вернуться назад. И когда он плыл обратно, то боялся опустить ноги, чтобы узнать, миновал ли уже провал, и из последних сил греб и греб. Потом, стоя и обсыхая на солнце и ветре, он думал, что не будет больше пересекать то глубокое место, но когда через какое-то время снова входил в воду, чувствовал, что поплывет туда снова.

Вместо левкоев газон посреди аллеи был засажен теперь бальзаминном. Летний кинотеатр внешне был все таким же, выцветше-зеленым, только местами осел, скривив линию крыши. Всмотревшись между шапок зелени, он заметил, что небольшое окошко кассы сбоку от входа забито досками, а простенки между облупившимися пилястрами пестрят от граффити. Танцевальный зал обилии пластиковой вагонкой, а в окна вставили зеркальные стекла, в которых отражались сосны и стоящий напротив «Парковый домик», обитый той же вагонкой. Серый общественный туалет окончательно обезжизнел, и будь то Италия, наверно, тонул бы в плюще. А вот стеклянный куб кафе на краю пляжа

под почти плоской крышей, проектируя который, архитектор, должно быть, грезил Японией, все также стоял в окружении шарообразных ив.

Он хотел взять кофе, но заметил на кофеварке надпись «Не работает».

— А что есть попить? — обратился он к двум девушкам, болтающим за стойкой. Не сразу оторвавшись от разговора, одна бросила:

— Сок из коробок и молочный коктейль.

— Коктейль.

Он подошел к столику у стены в углу и, не садясь, отодвинул стул, словно занимая место. Впрочем, в кафе никого больше не было, и он вернулся к стойке. Девушка стояла возле большого тройного миксера. Когда она вставила жестяной бокал в один из его пазов, миксер взревел, как готовый взлететь бомбировщик, и ее подруга хмуро взглянула на явно некстати забредшего посетителя.

Он сидел, глядя на пляж, на залив за ним. Сразу за окном тянулась цементная дорожка, присыпанная мелким беловатым песком, сдуваемым с пляжа. Потому, наверно, его и сдувало, что он был самым мелким и самым легким. За дорожкой жестко зеленела гряда шиповника. Пляж был пуст, как и залив. Будний день, середина сентября. Лишь не сразу примечаемые, то начинали чернеть вдалеке, то снова почти исчезали одинаково наклоненные под парусом фигурки виндсерфингистов. Официантки все также гундосили. «До выходных — так и будет, — слышал он. — Сегодня, вон, первого принесло». Это — о нем.

Взгляд его встрепенулся, заметив движение: по дорожке, скользя рукой по тянущейся над кустами шиповника трубе ограждения, отвернув лицо в сторону залива, шел писатель.

13

Он вошел, близоруко шураясь, окидывая взглядом пустой куб кафе, и сразу подошел к нему.

— Можно? — спросил он, тут же, впрочем, отодвигая стул на другой стороне стола.

Сев, он повернул голову к стойке.

— Чай есть?

— Чай есть, — словно ответило эхо, и сквозь плексигласовое забрало холодильника было видно, как кончиками пальцев одна официантка стукнула по клавише на электрочайнике.

— И куда ж вы мою визави дели? — спросил писатель.

— Трогательная любовь к процедурам.

— Да... А вот мы этого не умеем. Не подвержены такой заботе и любви к себе. И, наверно, зря. Впрочем, тут природа! Мы — такие, и они — такие. Вспомните «Девочку на шаре» Пикассо. Великолепная картина! А как проста! Если б я был художником, я создал бы ее, как теперь говорят, ремейк. Нарисовал бы квадрат, чуть, конечно, скошенный, на правильный мы не тянем, а слева от него и чуть выше — короткую линию, словно висящую в воздухе, штрих, как маленькую змейку. И больше — ничего не надо. Он — и она. Вся суть.

«Он сказал про змейку. Значит, и он почувствовал в ней то же? Ну да. Змейка. Ящерица. Но и птица. Зоркая, неподвижная, но чуть что — в полет».

Писатель снова окинул взглядом все вокруг.

— Вы первый раз здесь? Или, как я — частый постоялец?

— Второй.

— Сердце?

Он сдвинул брови, потому что не сразу понял.

— Нет, в принципе, так, отдохнуть.

— А в первый раз — когда. Что-то я вас не помню.

— Когда было пятнадцать лет.

— Чудный возраст! Даже лучше, чем шестнадцать. А знаете — почему? Предвкушение! Все начнет начинаться — вот-вот, но пока — словно стоишь у дверей и робеешь в них заглянуть.

— Я жил тут на даче. Недолго, меньше месяца. В гостях.

— И, наверно — первая любовь? Ведь да?

Но его лицо осталось немо.

— Что-нибудь помните? И как вообще? Много тут изменилось?

— Почти все. Кроме залива. И... любви.

— Вот! — ударил ладонью в ладонь писатель, да так звонко, что официантка дернула головой и они услышали: «Господи, так заикой оставят».

— Расскажите!

— Да не было никакой любви. Было что-то другое.

Писатель дернул лицом, приподняв брови:

— И?

— Да ничего не было. Загорал и купался, плюнув на необходимость учить химию, которую надо было к осени пересдать. Просто загорал и купался, целыми днями. Но почему-то помню больше, как приходил на залив вечером. Тетка говорила: «Не лень опять тащиться?» Это была словно невзгода, но невзгода... сладкая. Меня словно что-то звало. Я спустился по этой аллее, уже пустой, и уже словно чего-то ждал. Потом сворачивал туда, где маяк, там возле старой-старой дачи были заросли шиповника, садился на валун — теплый, красноватый от солнца и смотрел.

— Куда?

— Никуда. Вокруг. Смотрел, как матрос моет катер — небольшой кораблик, стоящий в бухте перед маяком у причала. Он просто набирал в ведро воды и плескал ею вокруг себя. Смотрел, как он сматывал канат. Смотрел на чайку, тоже алую от низкого солнца, как она сидела на валуне, а потом вспархивала, улетала в залив и там, встряхнув крыльями, усаживалась на волне. Вглядывался в пенный росчерк «Ракеты», спешащей куда-то вдалеке по заливу и поблескивающей тонкой полоской окон, и когда вдруг в камнях рядом плескалась волна, казалось, что она добежала оттуда. Матрос поднимал сходни, и кривобокий кораблик, выпустив хлопок дыма, начинал обходить причал, обходить неловко, лишь постепенно встраиваясь в обозначенный вешками фарватер. Сидевший на гряде камней рыбак вдруг оживал, приставлял к глазам руку, долго смотрел, и снова замирал со своей удочкой. Постепенно вокруг

все серело, меркло. Несколько искорок звезд появлялось в небе. Голоса за моей спиной делались все реже. Иногда я досиживал до того, что слышал, как на шоссе шумел, удаляясь, автобус, и, взглянув на часы, понимал, что это — последний. Начиная ползти туман. Он накрывал огоньки на дальних вешках, и тогда я вставал и шел — и никого уже не было вокруг. Забытый или потерянный детский мячик в песке казался огромным. Словно Атлант потерял свой глобус. Я шел по аллее, поднимаясь все выше, и уже у решетки последний раз оглядывался, словно все еще на что-то надеясь.

— Вы писать не пробовали?

— Нет уж. Давайте, это будете делать вы. Да, я видел объявление — вы скоро устраиваете тут творческий вечер?

— Я ничего не устраиваю. Почти все всегда устраивают другие. Вы этого не замечали? А я все больше стал это понимать. Ну, а ваше фотографирование? Это что — профессия или хобби?

— И то, и другое.

— Вы счастливый человек — лишены необходимости отбывать отпущенный вам срок трудовой повинности. А скажите, это правда, что каждый фотограф мечтает или, верней сказать, живет надеждой сделать свой самый великий, единственный снимок, подобного которому нет ни у кого?

— Не знаю... Наверно, всегда, когда поднимаешь к лицу фотоаппарат, думаешь, что такой снимок сейчас и сделаешь. В этот момент, правда, вообще про все забываешь. А как это — у вас, с романами и повестями? Наверно, тоже, засев за новый, думаешь, что вот сейчас-то — и напишу!

— Ну да... А что в итоге? Я ненавижу все то, что написал, а особенно то, что напечатал. И так было всегда. Стоило мне взять в руки отпечатанную книгу, я, прочитав несколько страниц, захлопывал ее и на несколько дней погружался в непроглядный, удушающий мрак. Но это еще не так страшно. Такое свойственно всем пишущим. Не помню, кто, я читал, но он подсмотрел, как Толстой, почитав журнал с напечатанным его произведением, запустил его в угол комнаты.

— Требовательность к себе никто не отменял...

— Если бы это, если бы это... Но страшно другое, другое... Страшно то, что я вдруг прочитал книгу, после которой мне стало ясно, что всю жизнь я писал не то, а главное — не так. Впрочем, это взаимосвязано.

— И что ж это за удивительная книга?

— Самоучитель письма на пишущей машинке.

Он какое-то время молчал, глядя на писателя и, наверно, пытаясь понять возможную связь одного с другим.

— Да-да. Вот такую книгу. И я желал бы, чтобы ее прочел любой начинающий писатель. Я понимаю, почему вы так смотрите. Во-первых, поясню исходное. Я всегда писал просто рукой. Ручкой, карандашом. Были, конечно, и романтические периоды: покупал какие-то изысканные ручки. Не я один этим баловался. Бунин тоже часто с прогулок приходил с новой авторучкой. Я даже как-то ввел себе правило. Купил новую ручку — в тот же день или следующий напиши ею новый рассказ. Это, кстати, очень стимулирует. Открою вам маленькую тайну:

писатели — необычайно ленивые люди. Чтобы усадить себя за стол, им зачастую надо внутренне собраться не меньше, чем как перед походом к зубному врачу. Так что дело не в ручках. Пушкин вообще огрызками гусиных перьев писал. Никаких там белоснежных завитушек от пальцев до плеча на самом деле не было. Ну, так вот. Стали меня, естественно, с этим донимать. Сначала в издательствах — сроки ведь порой нарушал: от руки написанное надо ведь еще перепечатать, потом вычитать, поправить, ну, в общем, понятно. Тоже и стыдили. На дворе — компьютеры, а ты — от руки. Больше всего, конечно, от своих стало доставаться. Дочка уже объявила, что на день рождения подарит мне компьютер. Я и не стал возражать. И чужая, так сказать, неизбежность, стащил с антресоли давно уж имевшуюся машинку, не нашу, кстати, импортную, портативную — «Olimpia» называется. Мне ее один мой давний товарищ оставил, которому одни господа с очень твердыми голосами предложили когда-то купить билет до Парижа в один конец. Стащил, чтобы, готовясь к этой неизбежности, посмотреть, насколько пальцы смогут, так сказать, поспевать за мыслями. Вот тут-то и попалась мне на книжном развале у метро книжица эта — самоучитель. Книжечка старая, затрепанная и, похоже, из библиотеки какого-то еще советского учреждения умыкненная: печать на семнадцатой странице осталась. Ну да ведь оказывается, порядок букв на клавиатуре, однажды удачно установившись, потом почти и не менялся. Он и называется — Qwerty — по первым латинским буквам верхнего ряда. Ну и стал я клавиатуру изучать, а заодно и письма приемы. Даже сюда, с собой машинку привез. Вы когда-нибудь читаете в книжках вступления? И правильно, и не читайте. А я вот имею глупость читать. Так во вступлении к книжке этой сказано, что хуже нет, как начать пробовать печатать двумя пальцами. Начинать надо сразу с определенных упражнений, разработанных для всех десяти. Вот и стал я в упражнениях этих пальцы тренировать, начав, как положено, со среднего ряда — на нем пальцы исходно лежат. А упражнения эти — фразы несложные. Простые такие фразы. «Папа продал фары». «Вдова подала воды». «Лыжа дважды падала в ров». «Вдова продавала фарфор». И даже такая: «Вдова вырвала жало овода». Улыбаетесь? Да-да, и такая тоже. И вот набивал я их, набивал, и вдруг в меня словно раствор какой ввели — я весь вдруг как окаменел. «Вдова продавала фарфор» — читал я на листе, обжатом на валике, только что отстуканную фразу. «Вдова продавала фарфор». Да ведь эта простая короткая строчка — гениальный зачин для гениального рассказа! Вот ведь, как надо писать! «Вдова продавала фарфор!» Три слова! Но ведь за этими тремя словами — вы только представьте, сколько всего стоит! Всего тремя! Вдова продавала фарфор. Продавала, потому что овдовела. Большая часть жизни — рухнула, рухнула, может, в одно мгновение, неожиданно, вдруг, когда столько было еще, может, планов, намерений, дел! Осталась одна. Да пусть даже есть дети — одна. Жизнь изменилась. Пропала эта постоянная поддержка, да и денег-то просто — нет. И — продает сервис. Может — старый, из тех, которые семейными называются. Выкладывает на стол в магазине чашки. Из них — пили... Пусть даже только по праздникам. Вот эту, с чуть стертым в одном месте золотым ободком — он всегда ставил себе. Чтобы у нее —

всегда была такая, что как новая. К горлу комок. Представляете себе это? Потом — супница. Она обязательно была в старых сервизах. Ведь в нормальных, так сказать, семьях, суп в кастрюле на стол не подавали. Только в супницах, да еще предварительно подогретых. И вот понимает она, что ни разу суп на стол в супнице этой она не подала. То ли из бережливости, то ли не было это у них заведено, то ли просто в голову не приходило — из самой глубины серванта ее доставать. Как, впрочем, давно это уже у всех. Ни разу. А ведь ему это наверняка бы понравилось. Понравилось... Для чего берегла? Для чего? И слышит вдруг от приемщика: «Ну, за все, столько-то. Красная цена». Красная цена! За жизнь — сломанную, потерянную. За вино — ерундовую, о которой он только бы посмеялся, но которой ей теперь — не избыть!

Писатель глотнул чай, и губы его чуть брезгливо скривились.

— Остыл. Или и не вскипел вполне.

Он встал, и, доставая из кармана кошелек, пошел к стойке, потом вернулся с бутылкой минералки и стаканом, наполнил его и выпил почти полный.

— Вот что стоит за этой простой и великой строчкой! — сказал он, ставя стакан и пытаясь справиться с подступившим к горлу газом из минералки. — Вот, как надо писать! Вдова вырвала жало овода! Вырвала жало...

Он замолк, закинул руки за спинку стула с висевшей на ней курткой и уставился в окно. Сидели молча.

— И никогда я так не писал, — как очнулся он. — Никогда. Нет, к фразам, в общем, не придерешься, есть вещи и просто телеграфно написанные, и что написано, сразу видишь. Что написано. Только, что написано. И в этом-то и дело...

Он снова взял стакан, но, еще не поднеся к губам, отставил от себя и стал покручивать его в пальцах.

— Вижу, вы смотрите на мои пальцы?

— Да нет...

— Ну да, приметные. Не извиняйтесь. Это экзема. Так называемая мраморная. Кожа вдруг чуть вздувается, лопается, трещинки, чешуйки. Пальцы зудят, и их хочется чесать. Я тут даже курс проходил: мажут противной мазью и подвергают действию тока высокой частоты. Да не помогает. Но не заразно, не беспокойтесь.

Он помолчал и вдруг подался вперед, почти вплотную, насколько позволял стол, приблизив лицо, лицо и большие глаза — с длинными, светлыми, какими-то детскими ресницами:

— Скажите: что такое должен писать всю жизнь писатель, чтобы у него на пальцах выступила экзема?

Он повернулся на стуле к окну и снова стал смотреть в залив.

— Вы когда-нибудь были здесь зимой? Ах, да... А я бывал. Должен сказать, что зимой здесь, может быть, особенно замечательно. Кстати, на заливе в солнечный день, даже в мороз, если нет ветра, по-настоящему жарко. И загорать можно уже в январе. Потому что солнце отражается от этого огромного пространства снега и льда и лупит в вас со всех сторон — и сверху, и снизу, и справа, и слева. К тому же ультрафиолетовое излучение при отражении от снега усиливается. Надо только подальше

отойти от берега. Знаете, я зимой как-то приехал сюда поздно-поздно, часу, наверно, уже в одиннадцатом. Павильон этот был закрыт, да что закрыт — весь по низу заколочен. Тьма, фонари только над аллеей, холод, и при взгляде на забитые заиндевевшими досками окна и такую же тьму за ними — холод этот ощущался еще больше. Небо было темное, без звезд, и куда ступить было видно только потому, что под ногами белел снег. И все равно хотелось идти к заливу. Хоть пляж почти вровень с ним, но то, что ты уже — не на земле все равно почему-то сразу ощущаешь. Словно идти становится вдруг легче, чем по земле. И ты идешь и идешь. И если вдоль береговой черты не вздыблены торосы, видные издали, то очень скоро перестаешь понимать, как далеко ты уже от берега. Жаль, что сейчас не зима.

Стакан снова был взят в пальцы, и писатель крутил его, словно любясь его совершенно одинаковыми гранями.

— Все же, этот виндсерфинг — завораживает, правда? — сказал он, взглянув в окно. — Замечательный спорт. Удивительный. Ведь ты — на этой узкой доске, вдалеке от берега, без спасательного жилета — один! Только мне их черненькие фигурки, одинаково наклоненные, знаете, что напоминают? Смешно сказать — запятые. Да-да. Что ж, каждому — свое. Кто-то видит, наверно, другое, а я — знак препинания. А ведь запятая — грустный знак. Это знак перечисления. Перечисления, а не исключительности. Вот, попробуйте, закройте глаза и скажите, сколько их, черных запятых этих, вы сейчас видели? Не скажете, потому что — запятые! Одной — больше, одной — меньше... Без разницы!

Он отодвинулся, легко ударил ладонями по коленям и сказал.

— Пора! Желая дальнейшей приятной прогулки.

Видимо, выйдя из двери, он пошел в другую сторону, потому что мимо него за окном он уже не прошел.

14

Когда он входил в столовую в обед или ужин, то сразу сворачивал в средний проход, потому что отсюда было видно, сидит она уже за столом или нет. Даже если перед ней уже сидел, загораживая, ее писатель, он видел над его головой ее каштановые волосы. Он подходил и какое-то время молча стоял, не желая прерывать писателя, который обычно что-нибудь рассказывал. А она ела, взглядывала на него, и потом озорно переводила глаза на своего визави. Ему казалось, что писатель иногда специально затягивает рассказ, чтобы он — чужак подольше постоял в ожидании. Но в этот раз писатель почти сразу замолк: наверно, их разговор в кафе снял с него мету былой чужести.

Она встала, как всегда быстро, на ходу вытирая губы салфеткой и бросив потом ее на тарелку.

— Посидели бы еще, — сказал вдруг писатель.

Она развела руки, как бы говоря: «Чего уж...», и двинулась по проходу.

— Вот видишь! — говорила она, идя рядом с ним и увертываясь бедрами от слишком выставленных стульев. — Вот ты не читаешь местную газетку, что лежит всегда на стойке возле гардероба, а я читаю!

И поэтому, знаешь, что я сегодня прочла? Никогда не поверишь! Завтра в «Дюнах», это пансионат, он не так уж далеко отсюда, состоится — отгадай, что? Не отгадаешь! Купание слонов!

— Ты шутишь?

— Ничуть! Сейчас в городе гостит цирк, и у него в традиции — в каждом месте, где у них гастролы, они проводят купание слонов. Их у них четыре, в том числе один еще совсем молодой.

— Странная затея. Моржей бы привезли — еще понятно.

— А в статье и написано, что купание — это в общем смысле. Им даже хорошенько обсыпать себя песком — уже хорошо. Сегодня днем, кстати, было почти двадцать градусов, хоть и ветер. И завтра столько же обещают. Так что, может, еще и в воду полезут. Поедем? Да тебе-то — вот, снимаешь!

— Конечно, поедем. Писатель, наверно, тоже собирается?

— Не знаю... Он какой-то... не такой сегодня. И сказал, что на ужин, может быть, не придет. Наверно, нездоровится.

На следующий день на завтрак он пришел уже собранный, с небольшой сумкой на плече. Она, как всегда, появилась, когда многие уже выходили из столовой. Уже встав из-за стола, она налила еще полчашки из чайника и быстро стала пить.

— Я взял с собой воды, — пошевелил он рукой сумку.

— Какой ты у меня запасливый! — сказала она. — Я вчера, когда мы вечером решили развести костерок за кустами ольхи, даже удивилась: ведь ты не куришь, а зажигалка у тебя нашлась.

— Жаль, что не удалось испечь мидии на углях.

— Почему не удалось? Ты же видел, как они на ракушках своих суживались. Просто они тут какие-то несъедобные.

Она вдруг потянулась к нему, ткнувшись носом в щеку, и прошептала:

— Нет, не запасливый, а — заботливый.

Автобус подошел быстро, и уже через полчаса они сошли на остановке возле стелы, составленной из побеленных цементных букв: «Пансионат «Дюны». Глядя на эти щербатые по краям буквы, он почему-то вспомнил писателя с его пишущей машинкой.

Словно прочитав его мысли, она сказала:

— Писатель сегодня, вроде, и не завтракал.

— Может, он уже здесь. Пропустить такое представление?

Они были явно не единственные, кто спешил сюда посмотреть на необычное зрелище. По дороге, отходящей от шоссе в сторону залива, уже шли и поодиночке, и группками. Сигналя, несколько раз проехали автомобили. По времени они приехали даже рановато, но шли все равно быстро, невольно подстраиваясь под тех, кто шел по дороге, и даже, порой, обгоняя. Проходя, они слышали:

— Ничего, не замерзнут. Говорят, на гастролях в Норвегии их заводили даже в горные реки. А в них вода — ой-ей-ей!

— Откуда слоны-то?

— Из Юго-Восточной Азии.

— Это — где?

— Говорят, сейчас в городе проходит индийский религиозный фестиваль, так что со слонами мы, может, еще и монахов увидим.

- Танец живота танцевать будут?
- Монахи?

— Гляди, гляди, вон, в конце дороги фургоны стоят, словно дальнотбойщиков. Это, наверно, слоновозы. Про них в газете писали.

— А я читал, что каждому слону, чтобы не мерзнуть, по четыре бутылки водки споят. Это что ж они тут потом учинят?

Когда они подошли к крайнему из фургонов, двери его как раз распахивали. Он уже вытаскивал из сумки фотоаппарат, и все же на мгновение замер. В черной квадратной пазухе фургона, почти у края, вытянув вперед по полу задние ноги, вжавшись спиной в вертикальную стенку, склонив голову под потолком, прижав к противоположной стенке хобот и уткнув в угол перед собой согнутые передние ноги, неподвижно серел слон.

— Так его теперь выковыривать надо, — донеслось сзади.

Теперь уже он щелкал, едва успевая подстраивать резкость, передвигаясь вправо и влево, чтобы избежать в кадре спин, голов и рук, указывающих пальцами.

«Возможно, это сегодня и есть лучший кадр», — снова вспомнил он свой вчерашний разговор с писателем.

— Да пойдете, самых больших-то слонов уже выгрузили, — услышали они и, подчиняясь возникшему общему движению, сошли с дороги и двинулись к леску, редкими соснами заполнившему плавно вздымающиеся песчаные склоны.

Сначала он подумал, что это какая-нибудь трансформаторная будка спрятана среди сосен, и пошел было в сторону, чтобы ее обойти, но тут будка разделилась надвое, и, сминая набок небольшую березку, один слон шагнул в сторону, отделившись от еще двух, сбившихся вместе. Слоны, тесно примкнув друг к другу, медленно поводили головами. Иногда они выбрасывали вперед хобот, оплетали его концом ближайшую ветку и одним рывком сдирали с нее листья.

Она тоже увидела их и остановилась, схватив его за рукав. Было похоже, что, выведенные из фургонов, слоны, миновав открытое и незнакомое место, зашли теперь в некое убежище и стояли там, приходя в себя.

Отошедший слон, пройдя немного вперед, вышел на край небольшого песчаного овражка. Издав короткий трубный звук, он уткнул хобот в песок, потом вдруг резко забросил его конец себе за голову — и фонтан песка веером разлетелся над его головой. Попавшие в него довольно крупные камешки застучали по голове и спине слона. Два слона подошли к нему, и фонтаны песка, один выше другого, стали взлетать над их головами.

— Вот вам и купание! — раздалось вокруг. — Полезут они вам в воду, им и тут хорошо, нашли дураков!

Толпа, рассеявшаяся поначалу по леску, собралась вокруг слонов.

— Осторожней, — бросил он ей, и выбежал вперед, на дно овражка.

Слоны отсюда казались еще выше. Он припал на колени, чтобы этот эффект еще больше усилился, и стал нажимать и нажимать кнопку затвора, радостно замечая, что отсюда некоторые фигурки людей казались стоящими почти под слонами, меж их ног.

Один из фонтанов песка накрыл его, и пригнувшись и пряча под грудью камеру, от отскочил назад. И тут слоны вдруг двинулись снова.

Отделившись друг от друга, они устремились вперед, словно что-то заметив. Затрещал подрост под деревьями, замелькали разноцветные пятна людей меж веток. Выйдя на открытый песок на склоне дюны, за которой темной полосой синел вдалеке залив, слоны вдруг бегом бросились вперед. И побежали все. Бежали сзади, нагоняли и, повернув шеи, бежали почти рядом, бежали, перекрикиваясь на ходу, бежали, подтаскивая за руки не успевающих при таком беге детей. Кто-то, вскочив на верх очередной дюны, кричал кому-то через головы других — «Я здесь!» И тут он увидел: растянувшаяся вдоль кромки воды толпа, собравшаяся там, наверно, загодя, вдруг дрогнула. В середине возникло шевеление, и — словно кто-то потянул шнуры занавеси — она стала раздвигаться от середины, уступая место и открывая проход несущимся на нее и вдруг начавшим трубить гигантам.

Он почувствовал рядом частое дыхание и, повернув голову, увидел ее.

— С ума сойти! — бросила она. — Затопчут ведь.

Незаметно они перешли на шаг — потому что и слоны вдруг замедлили бег и уже медленно подбрехали к заливу.

— Не волнуйся. Ты разве не заметила? Ведь рядом с ними, наравне с головой, с обеих сторон дрессировщики. У них в руках жезлы с крючками на конце, и они нет-нет цепляют слонов за уши.

На фоне ровного, расстелившегося у ног залива слоны казались еще огромней. Отхлынувшая поначалу толпа стала постепенно подступать с боков и сзади. Самый большой слон медленно переставил ноги, оказавшись передними в неспешно набегающей широкой волне, полукругом растекавшейся потом по песку. Его хобот, как отпущенная, до того скрученная пружина, развернулся из-под свисающей нижней губы и упал кончиком в воду. Потом он выбросился вперед и обдал душем воздух.

— Не та вода! — сказал кто-то.

— Да дайте им попривыкнуть. Мы ж тоже так. Сперва в подмышки плеснем, а там уж — и в воду.

Но в воду зашел только один слон. Как только вода коснулась его живота, он повалился на бок и, приподнимая одновременно голову и переднюю ногу, стал медленно плескаться в воде ею и хоботом.

Появился в сопровождении двух смуглых мужчин и четвертый, действительно, еще совсем молоденький слон. То, что он молодой, говорили даже не его более скромные размеры, а какой-то насмешливый, даже с хитрецей разрез глаз. В воду он не вошел — как только волна плеснула ему на ноги, он сразу отбежал, сходу получив от зрителей определение «неженка».

Три слона встали на песке недалеко от воды, сблизив головы, словно делясь чем-то друг с другом. Забежали вокруг фотографа, раздалось сразу с нескольких сторон: «На троих соображают!» Стали больше заметны дрессировщики. Взмахивая перед хоботом жезлом, они вынудили двух слонов подняться на задние ноги, смешно перебирая при этом согнутыми передними. Теперь уже было не понять: слоны ли зашли сюда,

где без видимой цели бродили люди, или те нагрянули не вовремя на слоновий выпас. Две женщины средних лет, облюбовав пригорок перед низкой густой ивой, разделись и начали загорать — сидя, потому что, видимо, не имели с собой покрывала. Шурысь от солнца, они почти равнодушно смотрели, как огромная серая туша, слегка подволакивая задние ноги, проследовала совсем близко от них.

Он тоже, словно уже без цели, блуждал, то поднимаясь, то спускаясь по дюнам, и ремешок фотоаппарата, удерживаемого в отвисшей руке, волокся по песку.

— Кина окончена, — сказала она, когда он, наконец увидев ее, подошел к ней. — Наверно, если бы здесь высадились марсиане, они вызвали бы к себе интерес лишь не намного дольше. Пойдем, поищем, может, где-нибудь кофе попьем.

15

— По радио сказали, завтра похолодает, — сказала она, когда после обеда он подошел к ее столу в столовой. — Надо пользоваться — погуляем у залива?

Гряда облаков, ровная, словно срезанная внизу, а вверху напоминающая смотрящие друг другу в затылок, одинаково откинутае назад лохматые головы, тянулась над заливом далеко у горизонта. Не волны, а мелкая рябь шла по воде к берегу. Как ни странно, почти никого на берегу не было.

— Так, солнце у нас — откуда светит? — воскликнула она, приложив ладонь козырьком к глазам. — Тогда идем вон туда, — и она двинулась, тут же и выставив лицо навстречу его лучам.

Он обрадовался, что она не свернула в ту сторону, где была ее скамейка. Сидеть на ней вдвоем было совсем неплохо — с того первого раза, когда, переступив полузанесенный песком забор, он увидел ее то ли шурящуюся от солнца, то ли надеющуюся, что он ее не заметит, они не раз еще бывали на ней. И все же про себя он так и называл это место ее «одиноким сосной». Она пошла вперед, а он вдруг присел на выброшенный на берег, наполовину ушедший в песок кусок ствола, гладкий, серебристый и — почувствовал это, когда, садясь, положил на него ладони, — теплый.

Она шла не оглядываясь. Ветер трепал ее плащ — длинный, перехваченный кушаком на высокой талии, и глядя сквозь прищуренные на солнце ресницы ей вслед, он удивлялся, что явно не соответствующие этому плащу большие, хорошо защищающие ногу кроссовки вовсе не диссонировали сейчас с ее фигурой. Он смотрел, и взгляд его невольно словно передвигал вдоль берега кадрирующую рамку, выстраивая линию песка с кромкой воды и грядой облаков по вертикали, и — ее и еще какие-то координаты справа и слева: большой валун, лодки, вскинувшие вверх облупленные носы. Неужели всего несколько дней назад — можно посчитать по пальцам — он, выйдя к заливу, еще не видел ее, не искал ее глазами? Чем был тогда этот залив? Был ли он вообще? И хотел ли он тогда, в тот первый вечер, когда, оглушенный несвоевременным

сном он шел к кромке воды, пытаясь вместить во взгляд ее ширь, много большую, чем сектор зрения, хотел ли он вот этого замещения — ибо взгляд его сейчас сам собой фокусировался ни на чем ином, а только на этой меняющейся на ветру фигурке, то поджимающей к горлу воротник плаща, то резко оборачивающейся, чтобы поймать конец отлетающей на ветру шейной косынки.

— А слонов-то они, кажется, вовремя привезли купать: ветер утром так еще не надсаживал! — обернулась и крикнула она.

Он думал о ней, просыпаясь, думал, засыпая, приносясь к отзвукам запахов — ее волос, ее духов, проникших в поры его кожи на лице, руках. Он улыбался, засыпая и словно все еще слыша тишину полуночной лестницы, по которой он шел от нее. И если бы мог видеть себя со стороны, то и сейчас увидел бы сидящего на выброшенном на берег топляке жмурящегося от солнца и улыбающегося человека.

Когда порой они шли по узкой и извилистой дорожке, вьющейся между оградой и перелеском, сквозь который просвечивало шоссе, она забирала в свою удивительно нежную руку его ладонь, сплетая в замок их пальцы, и как-то торопливо помещала их соединенные руки в карман своего плаща. И, почему-то чуть виновато взглянув, приникала головой к его плечу.

Часа через два они решили зайти в кафе. «Чаю хочется», — сказала она, хоть обычно пила в кафе только кофе. Уже входя в корпус, он заметил на закрытой двери кафе белый лист бумаги. Ну да: «Сегодня кафе работает до 16 часов».

— А сейчас — сколько? — спросила она. — Полпятого? Ну, тогда пойдем, отметимся хоть раз на полднике.

У стола диетсестры стояло еще две медсестры. Они о чем-то приглушенно говорили, а когда они проходили мимо, замолчали и проводили их взглядами. «Постройнеешь тут», — подумал он, увидев на блюдцах пухлые булочки, обсыпанные пудрой.

Он хотел уже взять кружку с чаем и подойти и сесть к ней — когда шел по проходу, увидел, что за ее столом — никого, но, встав, увидел, как к ее столу подошла диетсестра и, склонившись, стала что-то говорить. Как только она пошла по проходу обратно, он снова встал, но к нему уже шла она.

— Слушай, тут история какая-то нехорошая. После обеда пришел местный житель, его лодка стоит здесь недалеко, и сказал, что один отдыхающий договорился с ним вчера, что рано утром возьмет у него лодку, чтобы порыбачить. Тот встает рано, он тут в кочегарке работает, и о том, чтобы порыбачить с лодки, с ним изредка какой-нибудь отдыхающий договаривается. Либо же заказывает рыбу и перед отъездом домой ее покупает. И около пяти утра он отдал этому отдыхающему весла, две удочки и сам помог подтащить лодку к воде. Он говорит, что тот сразу очень уверенно начал грести, и он со спокойной душой ушел, договорившись, что до двенадцати тот лодку вернет, потому что он и сам хотел днем пойти в залив. И вот уже пять часов, а лодки так и нет, и писателя тоже.

— Это был писатель?

— Ну да. Он и имя-отчество свое, и фамилию назвал.

— И что теперь?

— Не знаю. В санатории уже все знают. Диетсестра говорит, что уже позвонили в отдел милиции в городе, и те уже связались со спасательной службой. Домой тоже звонили, телефон-то, когда заселяешься, записывают, да только что он — к берегу где-нибудь пристал и домой уехал? Трубку никто не берет. Он один живет, но у него дочка есть, замужем, и их тут тоже уже знают, приезжали к нему не раз.

— Может, стало плохо? Грести-то — не мало. Сколько ему на твой взгляд?

— Он как-то сам сказал. Шестьдесят четыре.

— Но он такой — крепкий. Бойкий.

— Ну!

— В двенадцать должен был вернуться... А чего этот рыбак-кочегар так поздно пришел?

— Ну так он же тоже, наверно, думал, ну, увлекся человек, дорвался до удочек.

Выйдя из столовой, они молча обогнули корпус, спрыгнули с полуразвалившейся террасы на песок пляжа и побрели к воде, наискосок — туда, где темнели боками подсвеченные сейчас с другой стороны лодки. Мужичок в кирзовых сапогах, поглотивших невнятного цвета штаны, в узковатом пиджаке, застегнутом на все пуговицы поверх синего свитера с размахрившимся воротом, косо полустоял-полусидел на крайней лодке, домасливая в обветренных тонких губах окурков сигареты.

— Это не на вашей лодке наш отдыхающий... ушел? — спросил он.

Мужичок едва заметно кивнул, также едва пошевелив, похоже, уже погасшим окурком. Тут же он сплюнул его.

— Отдыхающий этот ваш, я всегда прислушиваюсь к разговору, когда лодку просят, и иному и не даю, так он-то все путем говорил. Сразу видно, что и рыбачит, и вообще. Кивок на удочке пальцем потрогал, хороший, говорит. Приятный такой человек, и видно, что не первый раз здесь. Я ему даже банку свою с насадкой приготовленной дал. Во, говорит, тут и червь, и опарыш.

— А что так рано он на лодке пошел?

— Так тут реальный клев как раз и есть — с рассвета до часов одиннадцати. А потом часов с трех, днем уж. Я и хотел-то сам после обеда идти.

— И что тут ловят?

Мужичок оживился, достал пачку сигарет, закурил, затянулся.

— Так, рыба-то тут, конечно, не бог весть какая. Но леши до полутора-двух килограммов иногда вытаскиваем. Судачки бывают до полутора. Ну, подлещики мельче, конечно. Окуньки тоже. В сентябре окунек здесь хорошо идет. Судачков то молоденьких тут запрещено вытаскивать. Так я на скамейке в лодке две отметины сделал, ну, по длине уж нормального судачка, и как вытяну небольшого, приложу — и тогда или за борт его обратно, или уж под ноги кидаю.

— Далеко он на лодке мог уйти?

— А далеко-то тут и не ходят. Километра два-три.

— Глубоко там?

— По разному. Где три, где шесть. Где, бывает, и восемь метров. Иногда ведь, когда заякоришься, промериваешь. А куда уж его поперло...

— За борт случайно мог упасть?

— С какой дури? Трезвый человек. Да и не спиннинг же он взял, а то многие встают, когда размахиваются. Случайно-то все, конечно, можно. А плохо, если упал. У меня лодка валкая. Если с кормы подтянуться да ноги закинуть не смог, с борта и не влезет, скорей лодку опрокинет.

— В чем он был одет?

— Да плащ короткий такой, светлый. Я еще — испачкаетесь, ему говорю. Но это правильно. Это с берега кажется, что залив спокойный и волны почти нет. А вот если в плаще упал, то это, конечно, тоже...

— Рыбаки другие — не возвращались, не видали чего?

— Один вернулся, вон, лодка его, сварная, ну так ничего такого приметного не заметил.

Они постояли еще, но мужичок про них словно забыл, и они побрели дальше. Иногда он видел, как она взглядывает поверх накатывающихся небольших волн туда, где головы-облака еще более удивленно закинулись назад.

16

Они сидели на ее балконе. Она — в пластмассовом кресле, стоявшем на балконе каждого номера, он — на вытащенном из комнаты круглом пуфе. Посреди, у ограждения, стояла так и оставленная с первого раза тумбочка, тоже выставленная из комнаты и явно там, как вторая, лишняя.

— Налей мне, — сказала она.

Он потянулся, взял с тумбочки на днях купленную и еще не пустую бутылку вина и, держа ее на вытянутой руке, наполнил полстакана, который она протянула ему.

— На ужине ничего больше не узнала?

— Говорят, катер спасательный обходил тут всю акваторию, но — ничего. Куда уплыл? — она повела плечами.

— Да. Лет двадцать пять назад можно было бы подумать, что подался в Финляндию. Но сейчас сделай визу и езжай. Вон, по железке здесь дважды в день серебристый поезд туда и оттуда пролетает, «Сибелиус» называется.

— Ты когда-нибудь утопленников видел?

— Это еще не известно, утонул ли он.

— Утонул.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю, чувствую. Смотри, какой залив. Красивый, но холодный. Волны вон блестят, как цинковое ведро. Вода всегда делается такой, когда кто-нибудь утонет. Неживой.

— А ты — видела?

— Видела. Однажды на озере. Его искали подня, потом вытащили и положили на мостки у спасательной станции. Его прикрыли полотен-

цем, но почему-то одна рука, согнутая в локте, торчала вверх. Эту руку и помню.

— Я тоже видел. Мне было лет одиннадцать. В том районе, где мы жили, был парк, по крайней мере, так его все называли, потом-то его весь почти застроили. И там был пруд, большой, в диаметре метров шестьдесят. Зимой, когда он замерзал, на нем играли в хоккей. Весной дети банками ловили головастика, ну а летом, понятно, около него загорали ну и, конечно, купались, хоть было запрещено. Об этом было на щите написано. Ну и девочка — утонула. Как уж — не знаю. И вот вечером во дворах пронеслось — приехали водолазы. На самом деле водолаз был один, в допотопном костюме брезентового цвета и огромном медном шлеме. Все, кто мог, побежали смотреть. На берегу тархтела и пыхтела машина с насосом, и я помню, водолаз уже с головой вошел в воду, а шланг за ним все тянулся и тянулся. Еще я помню пузыри на воде. А потом его круглый шлем показался снова, потом — плечи, потом он весь. И сбоку, желтая от низкого солнца, к его поясу косо была подвязана девочка. Так иногда манекенов носят, косо держа. Но она была просто подвязана к его поясу, поперек талии, но почему-то не гнулась, только руки и ноги висели полусогнутыми.

Знаешь, я тут днем в город ездил, ты на процедурах была. Зашел в кафе у пляжа. Потом вижу — писатель идет. Он тоже зашел, подсел ко мне. Мне почему-то казалось, что писатели должны быть молчаливые, а он... говорун — еще тот.

— Знаю.

— Ну да. Он о себе рассказывал. Но ведь от того, что ему то, что он пишет, не очень нравится, камень к шее не привязывают? Он и сам говорил, что не он один такой. Не знаю...

— А про что еще говорил?

— Про залив, о том, какой он зимой. Не знаю... Понимаешь, он какой-то странный. Говорит что-то интересное и в лицо смотрит, а думает, словно о другом.

...Темнота была мягкой, нежной, и подолгу не хотелось протянуть руку, чтобы, приподняв край одеяла, а сверху было наброшено еще и покрывало, впустить все же долю воздуха — холодного, словно чужого, а главное, не пахнущего ее волосами, щекой, ямкой на шее под мочкой уха. Они поочередно прижимались носом к груди — то он к ее, то она — к его. Он словно втаивал в нее, а она в него, и лишь несколько слов звучало иногда.

— Тебе тепло?

— Ой, закрой эту щелку, а то сейчас стану ледышкой.

Через день с вертолета увидели лодку, прибитую к берегу среди камней в пятнадцати километрах. Потом ее притащил катер. Одного весла не было, второе, вставленное в уключину, лежало концом в лодке. Лежали удочки. Говорили, что хозяин лодки, втащив ее носом на песок, что-то искал под скамейками, потом достал из-под той, что на корме,

круглую жестяную банку, открыл и, посмотрев, вытряс ее содержимое на песок и долго стучал ею по борту, чтобы вытрясти все окончательно.

Приехала дочь писателя с мужем. Проходя мимо остекленного бокса, где не так давно он сидел и смотрел, как листает его паспорт девушка-администратор, он увидел двух мужчин в темных, вздувшихся на талии куртках, похожих на ватники. Они сидели, сторбившись над низким, отставленным к окну журнальным столиком.

— Родственники? — услышал он разговор.

— Нет, оперативники. Уже разговаривали и с медсестрой старшей, и с врачом. Один вон все пишет.

Днем он увидел, как культорг санатория снимает со стенда у входа в столовую объявление о творческом вечере.

— Что с тобой?

Она шла, уткнув подбородок в узел косынки.

— На ужине раздатчица как обычно веером раскидала по столу тарелки со вторым. А потом подошла и унесла тарелку с его места.

Он приткнул ее к себе, обхватив кушак на ее талии.

— Ладно... — отодвинулась она.

— Тебя к оперативникам не приглашали?

— С моей соседкой по столу, что слева сидит, разговаривали. Сказала, что последние дни ему нездоровилось. Диетсестра говорит, что в подник ждала меня, чтобы тоже к ним позвать, но я ведь на подники не хожу. В общем, они уехали.

Он все же потянулся к ее щеке.

— Давай, не будем об этом, — сказала она.

18

— Тебе хорошо со мной?

— Да.

— Правда?

— Правда. Не веришь?

— Верю. Потому, что сказал просто «да». Если бы сказал «очень» — не поверила бы.

— А тебе?

— Да. Не веришь?

— Верю. Потому что не сказала «тоже».

— Я боялась, что ты уйдешь, тогда, в первый раз. Постоишь на балконе и уйдешь. Ты мог бы уйти?

— Тогда — да. А теперь мне не хочется от тебя уходить. Когда я ухожу и иду по лестнице, ночью, мне кажется, что я остался на свете один, что никого уже вообще нет на свете.

— Зачем тогда уходишь? Не отвечай. Если бы не уходил, все стало бы как настоящим. Когда я открываю глаза и вижу, что тебя нет, я и понимаю, что ты есть.

— А еще я боюсь тебя разбудить.

— Ну и зря. Я на самом деле лежу, совсем тихо, и смотрю, как ты подходишь к окошку, сдвигаешь занавеску и потом стоишь за ней. На что ты смотришь?

— На залив.

— Его в темноте не видно.

— Видно. Сначала кажется, что не видно, а потом замечаешь, как тонкие белые шнуры — гребни волн, медленно движутся. И постепенно начинаешь различать их все дальше и дальше.

— Я не хочу сегодня гулять здесь. Давай, поедem в город. И в столовую не хочу. Я в двенадцать освобожусь. Давай, поедem. А захочется, так можем и там где-нибудь перекусить.

Рядом с асфальтовой площадкой остановки между двух сосен была укрепленa доска — тутошняя скамейка. Она села на нее, скрестив внизу ноги и медленно покачивая ими. Машины вылетали из-за поворота, часто-часто шлепая шинами по мокрому асфальту. С полчаса назад вдруг прошел быстрый дождь.

— Доска не сырая? — спросил он.

— Не-а. Вон, у сосны какая кронлица!

Наконец вместо быстрых легковушек, с глухими окнами микроавтобусов, хлопающих брезентом над краем кузова грузовиков, показался большой желтый прямоугольник рейсового автобуса.

— Ура! — вскочила она.

Было два места рядом, они сели, и она ввернулась рукой под его руку. Прищурившись, смотрела в окно, словно собираясь сказать что-то о том, что видела. Но молчала. Потом вдруг словно лизнула краем головы его щеку и выдохнула:

— Через три дня я уеду.

Он молчал.

— Знаешь, куда мы едем? — спросила она.

Он понял, что нужен какой-то ответ — необычный, потому что оба знали, куда едут. Но мучиться ему не пришлось.

— В три дня, — сказала она.

Когда кондуктор объявил: «Курортный парк», она закрутила головой и сказала:

— Давай, выйдем где-нибудь в городе.

— Тогда на следующей. А потом будет уже вокзал.

— Вокзал нам не нужен, — сказала она.

Они вышли на остановке, которую раньше, и наверно, и теперь, называли «у магазинов». Она окинула взглядом вывески.

— Чего раньше не приезжала... А! И слава Богу.

У большого наклонного прилавка, рядами уставленного ящиками с яблоками, грушами, виноградом, помидорами, баклажанами, кабачками, капустой, а внизу — дынями и арбузами, она остановилась.

— Вот эти груши — обожаю, — сказала она. — Только название у них странное — «аббат».

— Может...

— Да ну, это я так.

— Аптека, — сказал он, кивнув на желтый фасад с большими окнами, укрытый деревьями. — А там — книжный. А это — почта.

— Я не успеваю записывать, — съязвила она. — Мы так к парку выйдем?

— Прямиком.

— Под горку хорошо идти вприпрыжку, — заскакала она рядом.

Постояли, пропуская машины на переходе, наконец, перебежали то ли еще улицу, то ли уже шоссе.

— Почему море, когда смотришь на него издали и чуть сверху, всегда кажется выпуклым?

Немного пройдя по аллее, она шагнула на газон и нагнулась.

— Смотри — ежик, не видно ножек. Как-то он коряво из железок сварен. Тощий какой-то. Только листья и застряли в колючках.

Оглядевшись, она заметила пару раз надкушенное яблоко, валявшееся возле урны. Принесла его и надела на один шттырек-иголку.

Возле Паркового домика она подошла к узенькому цветничку, отделявшему домик от дорожки.

— «Георгина семенная», — вот как по-научному, оказывается, будет, — сказала она, присев и рассматривая цветы, меж которых бросалась в глаза белая табличка.

Он стрельнул взглядом вправо. Стекланный куб кафе, стены которого, расчерченные на одинаковые квадраты брусьями рам, как бы приглашали поиграть в «крестики-нолики», был все так же пуст. В крайнем окне торчал угол стола, за которым он сидел тогда с писателем. Он специально свернул влево, чтобы ее не поманила видная сквозь стекла кофеварка, потому что почувствовал, что не хотел бы сейчас сидеть там и болтать.

Они вышли к углу невысокой каменной стены-ограды, отделявшей от пляжа территорию яхт-клуба. Ограда эта сплошной полосой тянулась к гряде из валунов, отсекавшей акваторию яхт-клуба от залива. Над оштукатуренной стеной, разрисованной, слава Богу, не однотипными, наползающими друг на друга пухлыми буквами, а кораблями, осьминогами, выпирающими, словно из песка, кактусами, а на самой середине ограды — манящей взгляд фигурой купальщицы, выставившей именно на того, кто на нее смотрел, широкий зад с белой чайкой плавок, — покачивались верхи мачт и секли небо нити снастей.

Дойдя почти до гряды из валунов, они повернули и пошли по кромке песка у воды. Ветер, почти незаметный за пляжем, дул резко, и он поднял воротник куртки, а она плотней затянула косынку у горла. Возле гряды камней, служившей еще и волноломом, на песке грудились навалы грязно-зеленых водорослей, но уже сразу за кромкой воды песок был чистым, а вода — абсолютно прозрачной. Он шел и не мог оторвать глаз от песчаных барханчиков, извилисто рябящих дно. Временами выглядывающее солнце играло на них прихотливой рябью, пройдя сквозь быстро теряющие здесь высоту почти плоские волны. По барханчикам, оставляя за собой словно прорисованные палкой линии, курсировали стоящие домиком ракушки мидий.

— Что-то сегодня народу много, — сказала она, глядя на скамейки, с неровными интервалами стоявшие метрах в десяти от воды. — Вроде, и дождик порой брызнет, и ветер уши рвет. Сидят вон, словно в телогрейках.

— Не трожь воду! — раздался резкий крик, и какой-то мальчишка, подобравшийся было к самой кромке набегающих волн, отскочил назад.

— В основном — бабули с внуками, — определила она, окинув взглядом скамейки. — Да, у них не разбежишься.

Какая-то женщина, по хромяющей походке было видно, что пожилая, укутанная в платок так, что не было видно лица, не выдержала, поднялась, дошла до кромки берега и, отведя другого, совсем еще маленького мальчишку в сторону, с размаха надавала ему раза три ниже спины.

— Ты б разулся еще!

Что-то вдруг блеснуло в просвете деревьев недалеко от кафе за пляжем. Он всмотрелся и увидел, что это высокий, лобастый перед автобуса, с трудом маневрирующего в узкой аллее перед пляжем. Автобус несколько раз подался туда и сюда, занимая, наверно, удобное положение. Наконец сбоку отошла и сдвинулась назад дверь. Стал сходиться и выпрыгивать народ. Сошедшие оправляли на себе куртки, в основном светлые, трясли ногами, чтобы сбравшиеся на коленях штанины сползали. Одни поджидали еще кого-то, задержавшегося внутри бело-голубого левиафана, похожего на инопланетный корабль, другие двинулись по пляжу, громко переговариваясь и окликая идущих сзади.

— Финны, — сказал он.

Вышедшие из автобуса шли медленно, оглядывая все вокруг, и чем ближе они подходили к берегу, тем реже были слышны их голоса. Неровной толпой они остановились у воды, глядя на ее мерные, негромкие всплески. Двое были с изогнутыми, видимо, для какого-то удобства палками в руках. Один, очень высокий, опирался при ходьбе на переставляемую перед собой четырехногую трубчатую конструкцию. И когда он остановился у воды и замер, с шеи его, как с гвоздя, отвис тяжелый Сапоп. Остальные тоже вытянулись почти у самой кромки воды. Стояли все молча, лишь взгляды иногда по сторонам.

— Наверно, любят на свое бывшее финское взморье, — сказал он.

Вдруг взгляды сидевших на скамейках метнулись в одну сторону. Невысокий финн, грузный, весь сивый, схватил за низ свой красный свитер и с треском сдернул его с себя через голову. Он стоял за спинами других и вдруг побежал, огибая стоящих и на ходу расстегивая и оставляя в песке за собой кроссовки, выцветшие джинсы, футболку. Косо вбежав в воду, он увеличил скачки, а когда вода стала выше колен, стал помогать руками, отбрасывая воду от себя назад, и, наконец, словно его толкнули, упал грудью в буро-серые волны. Несколько чаек, решив, наверно, что сейчас начнут бросать корм, закружились в воздухе, и было непонятно, они это кричат, или какие-то звуки вылетали изо рта плывущего, когда он, заложив среди гребней голову набок, хватал ртом воздух.

Стоявшие у воды финки вдруг закурьлыкали и, снимая, стаскивая пятками, обувь, сдирая носки, качаясь и поддерживая друг друга, двинулись в разлив набегающих волн. Подоткнув и поддерживая юбки, словно держа себя за гузки, или закатав к колену брючины, они переступали в расплывающейся пене, звонко смеясь и по-своему протяжно

гогоча. И бывший с ними мальчишка, попрыгав сначала по песку напротив своей матери, ходившей перед ним в воде, вдруг вмиг все сбросил и, тряся на бегу, чем богат, пустился вдоль кромки воды, визжа и бешено, вдребезги разбивая ее пятками.

Финн плыл надежно и умело. Лишь далеко за буйками он распластался на спине для отдыха. Потом легко поплыл назад. Выходя, он стряхивал ладонями воду с тоже сивой груди. Произнося по интонации что-то вроде «мама родная!», финки, выйдя на песок, отжимали юбки. А успокоившийся наконец малыш выставил вперед, как только мог, живот и сильной, тонкой струйкой чертил песок.

Приведя себя в порядок, финны разбились на группки, закрутили в руках фотоаппараты, и в воздухе начали взрываться и тут же исчезать маленькие звездочки вспышек. Так, группками, они и потянулись назад к автобусу.

«Нехристи!» — раздалось им вслед с одной из скамеек.

Услышав это, она засмеялась, прикрывая рукой рот.

... Потом они брели, обнявшись, мешая друг другу идти в песке — то плотном, то уходящем под ступнями. Домик спасательной станции, прижавшийся к прибрежному сосняку, утопал в шиповнике. Они плюхнулись на скамейку, сто лет назад выкрашенную синей краской, которая теперь торчала на рейках голубой чешуей. Ее волосы пахли ветром, ветер пахнул ее губами. Злобный лай оторвал их друг от друга — вдоль боковой стенки дома был протянут стальной трос, вдоль которого яростно забегала огромная мохнатая собака, не могущая простить себе, что не сразу заметила пришельцев. Они пошли обратно, подбирая и зачем-то кидая назад сосновые шишки. Прошли снова весь пляж и даже не заметили, как справа заблестел квадрат воды в замкнутой с трех сторон акватории яхт-клуба. В огромных окнах еще одного, нового кафе, с наполовину приподнятыми рамами, шевелились тяжелые, плотного холста занавески.

— Тут дорого, — сказала она.

Он протолкнул ее к двери, они опустились на тоже с холщевым покрытием диван, и через пятнадцать минут почти опьянели от первых же глотков капучино, словно само собой, как вселенная, родившегося в тяжелых, но изящных костяных чашках. И когда пили потом холодное сухое вино из запотевших бокалов, оно казалось уже не вином, а редкой свежести водой.

Она хохотала, когда ему принесли маринованные миноги, а он показывал ей третий глаз на голове одной рыбки, наверно, случайно оставшейся на змееобразной тушке, и она хохотала еще больше, говоря, что никогда еще не видела трехглазых червяков. Он смотрел на заливной язык в ее тарелке, и пытался придумать что-нибудь конгениальное про него, но в голову лез только Эзоп с его притчей о языке, и он просто поцеловал ее, куда попал, утонув локтем, нагибаясь к ней, в красивом, но неудобном диване.

Колесо обозрения не работало, а они уже хотели забраться в его кабинку. На выходе из парка они увидели табличку, приглашающую посетить зоопарк домашних животных, и она потянула его, обхватив под локоть, заявив «Я хочу увидеть козу!» Они вошли в довольно большую

овальную загородку, внутри которой бродило несколько черных баранов и, действительно, три козы, одна из которых еле таскала огромное двойное вымя. Они быстро скормили купленные на входе бумажные стаканы с наструганной морковкой, и он даже сбежал купить еще. В отдельных вольерах, не сразу заметных в тенистом сосняке, с нездешней мудростью блестели глаза невысокой черной лошади и пушистого бело-серого бычка. В прореху в штaketнике тянул голову еще молодой, с тощей шеей осел, и нарисованная на табличке над его головой большая ромашка, казалось, была вплетена в его гриву, от чего он, выставивший вперед раковины ушей и раздувший ноздри, напротив, выглядел полным простаком.

На выходе она набросилась на смотрительницу.

— А что это у вас белка причислена к домашним животным? Даже целых две.

— Ну, это так, заодно, чтобы развлечь посетителей.

— Все равно, это неправильно. Можно подумать, что их едят.

По пути к шоссе они наткнулись на расположенный в небольшом ангаре музей ретро-автомобилей. Плакат на стене возвещал, что также выставлен луноход. Музей уже был закрыт, и доступным для осмотра оказался только красный двухэтажный английский автобус, стоящий во дворе.

— Как ты думаешь, это случайно не туалет? — спросила она.

Они снова свернули в полосу леса и потом уже мирно пошли по асфальтовой дорожке. Несколько раз им пришлось отскакивать в сторону, когда наезжавший сзади велосипедист давал звонок или кричал «Лыжню!»

— С трамплина, что ли, попадали? — крикнула она, и он, хохоча, удерживал ее.

19

— Ну, вот. Пошел обратный отсчет, — сказала она, когда он подошел к ней на завтраке. — Последняя ванна, последний массаж. А в день отъезда, как и приезда, процедуры не отпускаются. Но это — завтра.

— А что еще нельзя?

— Что еще нельзя? Все остальное. Ты что, не знал? Ах, ты не зна-ал?

Снова было тепло. После обеда у нее была еще одна процедура, последняя. Теперь уже последняя. Спустившись к заливу, он подошел к кафе. Белый пластмассовый столик, за которым она сидела, когда он первый раз подошел к ней и предложил кофе, стоял на солнцепеке. Несколько сосновых шишек лежало на нем, растопырив чешуйки. Он прошел чуть дальше — тут была построена пергола. Ему нравилось это слово, означающее всего лишь несплошной навес на столбах, притемняющий свет и дарящий некоторую прохладу. Здесь, между столбов, поддерживающих навес, стояли лежаки, сбитые из реек. Он лег на один, подложив под затылок ладони, и когда, глубоко вздохнув, выдохнул, от общей расслабленности — он почувствовал это — даже развалились на стороны ступни. Тело словно исчезло, и яркую на солнце синицу, скак-

нувшую несколько раз над ним по полусгнившей доске навеса, он словно не видел, а просто был чем-то рядом с ней — пучком хвои, плоской нежно-зеленой розеткой лишайника или повисшей полу засохшей веткой. Иногда спиной он чувствовал ветерок, но прямо стоящее над ним солнце грело так, что это тут же забывалось, и он тоже почти забывался в дремоте. Пергола... Среди архитектурных терминов много красивых слов. Пергола, стилобат, архитрав. Иногда перголы обвивают розы, клематисы. А здесь — густая, сочная хвоя, в которой скачут синицы, ища и находя среди игл что-то, ему совершенно не заметное. Он вдруг подумал о писателе. Не было дня, а иногда — часа, чтобы он не подумал о нем. И у него не было чувства, как у нее, что его больше нет. Он словно растворился в этих песках, в этой хвое, в этой почему-то все время набегающей откуда-то воде. Несколько дней в клубе не было по вечерам танцев. В кинозале заменили какой-то фильм на другой. Но уже уезжали, каждый день уезжали люди, которые его видели, и каждый день приезжали те, кто о нем никогда не знал. Даже в столовой, всего лишь на другом ее краю, он, проходя мимо одного столика, услышал, как одна женщина, которую он видел чуть не с первого дня своего приезда, выслушивая соседку, округлила глаза и, отложив нож, воскликнула: «Да что вы говорите? То-то я этого мужчину несколько дней уж не вижу. Какая неприятность!» Да, именно здесь он и увидел его в первый раз, сквозь вот эту сетчатую ограду, что сечет синь неба в двух метрах от лежака. Вдова, лыжи, пергола, фарфор... Он не справился со словами. То ли их было слишком много, то ли, наоборот, не достало, и тогда — что? Не подчинив себе, решил раствориться — в них? Во всем том, что они обозначают? Вдова вырвала жало овода.

Он вернулся в номер, налил из графина воды и с удовольствием выпил.

Дверь открылась, и он увидел ее. Никогда до этого она не заходила к нему. «Зачем? — сказала она, когда он для чего-то об этом сказал. — Чтобы увидеть, что ты — это не только ты, а что-то еще?»

— Солнце мое! Я свободна! Пойдем?

И началось то, что кончилось поздно-поздно, а может, вообще не кончилось.

— Пойдем — туда! — махнула она рукой, когда через четверть часа они вышли на пляж, махнула в ту сторону, где за зеленью сосен виднелся магазин-«кирпич». И тут же пошла — так легко ступая по песку, что если бы взмах ее руки указал в даль залива, она без сомнения пошла бы, все так же рея распахнувшимся плащом, и поверх воды.

Они уже подходили к магазину, когда в перерез им, выходя из сосен, показалась толпа не нарядных, но и не как в обычный день одетых людей. Передние несли сумки и пакеты, из которых, найдя на песке ровное место, они стали быстро извлекать одинаковые белые коробки и пластиковые бутылки с напитками и раздавать их подходившим. Почти сразу донесся запах жареной курицы.

— Снова финны, что ли? — сказала она. — Нет, похоже на пикник. Неужели кто-то получает удовольствие от хождения у залива толпой? У нас на работе иногда театральные билеты распространяют, но я никогда не беру. Сидеть, смотреть «Щелкунчик», и видеть за два ряда перед

собой затылок начальника отдела кадров? А чуть левей — заместителя главного бухгалтера? Ха-ха!

Толпа порядком разбрелась. В основном, ели, стоя по двое, по трое. Они замедлили шаг и не спешили пойти среди людей, обсасывающих жареные куриные голени, а все съевших — с хрустом разламывающих пенопластовые коробки и засовывающих их в полиэтиленовые мешки.

— Вы не уделите мне минутку внимания, — шагнула к ним женщина в белом платье в синий горошек и розовой шерстяной кофте. В руке ее оказалась вдруг не белая пенопластовая коробка, а с цветной обложкой книжка.

— Это свидетели Иеговы, — шепнул он, взглянув на книжку. — Тут недалеко их центр.

— Знаю.

— Можно мне задать вам один вопрос? — улыбнулась женщина

— А можно, я его вам задам? — выступила из-за его спины она. — Скажите, вы, наверно, как это у вас называется — возвещатель?

— Ну, можно сказать и проще... — улыбнулась женщина.

— А может, даже и старейшина? Или, как это — я читала статью в журнале — районный надзиратель? А правда, что вы должны регулярно отчитываться, со сколькими людьми вы поговорили?

— Перестань, — отвел он ее локтем в сторону. — Извините, у нас мало времени.

Она последовала за ним, но он чувствовал сопротивление ее тела.

— Ну ты и злюка.

— Ты меня еще не знаешь. Пойдем по берегу за магазин, мы туда еще не заходили.

— В твоих туфлях там не пройти. Зачем ты надела такие туфли? Там волнолом из камней и бетона.

— Пройдем.

Он оказался прав. Довольно скоро она стала искать глазами место, где бы можно было подняться на берег. Они вышли на зады гостиницы, прятанной в зелени берега, но фасадом выходящей почти на шоссе. Перебежав его, они вскочили в как раз подоспевший автобус и вышли из него, увидев большой транспарант над входом на огороженный участок берега. «Пляжный рай» — значилось на транспаранте.

— В раю мы еще не были, — сказал он.

Она притянула его к себе и шепнула на ухо: «Были».

Рай, открывшийся перед ними за отвисшей калиткой, стилизованной под соломенную дверь в хижину, состоял из нескольких пальм из мешковины и пластика, спущенного сине-оранжевого батута, краями втоптанного в песок, и нескольких сдвоенных качелей, чьи неподвижные цепи над мокрыми сиденьями доказывали взгляду справедливость школьных истин о параллельных линиях и законе всемирного тяготения. Над песком пляжа провисала меж двух железных труб, торчащих в разные стороны, волейбольная сетка. Маленький стеклянный павильон, с одной стороны обозначенный, как касса, а с другой, как кафе, был на замке. Прямо напротив входа в залив уходил узкий длинный помост, возвышающийся над водой метра на полтора, бывший, наверно,

и пирсом, и местом для прогулок. Но секции, соединяющие его с берегом, были сняты — лишь торчали из воды черные столбы.

— Это, наверно, и есть путь в рай, — сказал он. — Теперь недоступный.

Они долго шли по берегу. Половина из периодически возникающих на берегу построек — пляжных комплексов была закрыта. На площадках кафе кое-где еще стояли столики, но зонты и тенты были уже сняты или плотно завернуты в коконы. Ей нравилось качаться на качелях, и она не пропускала ни одни, даже самые детские. Они поднимались на смотровые площадки, вспугивая облюбовавших их ворон, сбегали с деревянных горок, хохоча и визжа под конец. Сидели на перевернутых лодках и больших валунах, выступающих из воды, пробираясь к ним, прыгая по камням.

Уже темнело, когда они двинулись обратно, по тропе в перелеске.

— Ну и мы погуляли, — сказала она. — Даже есть захотелось.

Скоро впереди блеснула гладь двух прудов, над каждым из которых косо била струя фонтана. Ресторан «Приятная рыбалка» звал к себе светящейся вывеской и дымком от мангалов. Возле прудов в специальных стойках, наклонно и параллельно друг другу торчали удочки и спиннинги. Парень в длинном белом фартуке, увидев их, пошел к ним навстречу.

— Не желаете рыбку из пруда? Свежайшая форель. Меню — вот, — и он указал на расписанную мелом доску, стоящую на стойке в виде мольберта.

— Давай, поймаем! — привалилась она к его локтю.

— Клев — отличный! — воскликнул парень, тут же пойдя за удочкой.

В узкой протоке с краю пруда, возле которой они стояли, бились спинки форелей, сгрудившихся в садке из сетки. Иногда хвост рыбки всплескивал и где-нибудь на глади пруда.

— А ловить долго? — спросила она.

— Как повезет. Рыбалка! Хотите, просто покажите, какая вам нравится, и я вытащу сачком.

Нагнувшись, она внимательно рассматривала рыбки, и наконец указала пальцем — «Эта!».

Парень уже заводил сачок в указанном месте, как она воскликнула:

— Нет, лучше эту!

Они прошли к столику возле большого окна, скинули плащ, куртку, с удовольствием умылись в туалетных комнатах и начали с кофе. Ресторан был оформлен под русский стиль: стены — тяжелые срубы, полки — со старой посудой, прялка в углу. Под потолком в двух клетках щелкали канарейки. Только красный шкаф кока-колы и еще один — сигарный, нарушали общую картину.

Принесли приборы, хлебную корзину. И сразу — по рюмке водочной настойки и шарики чесночного масла от заведения. Наконец, на огромных тарелках прибыла форель. Разглядывая кусок искрящейся, золотистой тушки, она смутилась, а потом спросила:

— Как ты думаешь, эта та рыбка, которую мы выбрали?

Было уже темно, когда они снова брели по бесконечной дорожке, вьющейся рядом с шоссе, то видного, то пропадающего в зарослях.

— Устали, а назад все равно не хочется, — сказала она.

— Ну так и не пойдем.

— А куда? Знаю! Сегодня в пансионате, что на другой стороне шоссе, — танцы. Бежим? А ты говоришь — зачем я туфли надела!

За две остановки до санатория вверх от шоссе уходила лестница. Верх ее терялся в деревьях, но стоило подняться, и открывалась вершина холма, с одного краю занятая постройками, а с другого — довольно ухоженным парком. На краю его белело круглое двухэтажное здание клуба. Внизу размещались гардероб, библиотека, кафе, а сверху — кинотеатр и танцевальный зал, занимающий полукруглую площадку, выступающую, как балкон.

Народ уже собирался, играла музыка. Они выпили: она — кофе, он чаю, и потом поднялись наверх.

После пустоты пляжей, казалось, стояла невообразимая толчея. Толкали то сбоку, то в спину, и, танцуя, прильнув друг к другу, они улыбались при каждом толчке, не обращая внимания ни на «извините», ни на «аккуратней надо!» При последней фразе улыбались больше.

Она чудесно танцевала полубыстрые танцы. Отдаваясь от него, когда их руки вытягивались, лишь легко соединенные кончиками пальцев, она сияла в улыбке, а он сжимал ее пальцы, словно боясь, что она оторвется и улетит. Он заметил, что другие стали отступать от них, словно — и словно чуть завистливо — боясь помешать. Разгоряченные, они сбегали вниз, пили шампанское, снова поднимались, и он снова видел кружащиеся за ее головой фигуры, стены.

Когда они возвращались, фонари конусами светили вниз, и в их свете кружились мелкие мотыльки. Недалеко от входа в санаторий, сбоку от дорожки, на газоне высилась странноватая квадратная клумба. Они остановились возле нее, отсюда почти еще никому не видные, и слились в поцелуе.

20

Она решила уехать электричкой. «Тут, правда, далеко тащиться до станции, но потом, выйдя из поезда, я сразу спущусь в метро и через пятнадцать минут буду почти у самого дома». Ее сумка была узкой и длинной, с длинными ручками. Взятая в руку, она висла над самой землей и казалась поэтому тяжелой. Но когда он взял ее в руку, даже возникло желание поболтать ею — такой она была легкой.

— А чему весить? — улыбнулась она. — Флакон шампуня израсходован, баночки с кремом — полупустые, даже тюбик зубной пасты и тот почти весь выдавлен. Кроссовки, свитер — на мне. Еду не с юга, дыню не везу.

Сумка заняла в лифте полпола, и стоя на узкой оставшейся половине локтями к стене, они неудобно обнялись.

В том месте, где дорожка поворачивала от корпуса к шоссе, она остановилась.

— Клен совсем пожелтел, — сказала она, закидывая голову. — Прямо золотой, и красных листьев много. У тебя фотоаппарат с собой? — она взглянула на его небольшую плечевую сумку.

— Нет.

— Вот когда надо!..

— Так всегда.

Перейдя шоссе, они поднялись по той лестнице, по которой накануне, в темноте, спускались, возвращаясь с танцев. Теперь тут все казалось почему-то просторней, и он даже не сразу нашел глазами здание клуба. На скамейках, кое-где разбросанных по краям газонов, сидели постояльцы пансионата, в основном пожилые. Видя мужчину и женщину, идущих с сумкой, судя по всему, по направлению к станции, они замолкали и провожали их взглядом.

— Жуть какая! Они смотрят так, словно выносят покойника, — сказала она, убыстряя шаг.

Скоро аллея вошла под своды ив, низко склонившихся друг к другу. Они невольно замедлили шаги. Под этими деревьями хотелось бы идти долго-долго. И все же какая-то его часть словно отделилась от него и переместилась назад: он представил, как хорошо смотрелся бы этот кадр — две фигуры, друг к другу склоненные, под темным, как туча, сводом, в размытом по краям полукруглом просвете.

Когда показалась платформа, их руки, продетые одна под другую, сцепились крепче.

Она отошла купить билет, потом вернулась и как-то светло посмотрела на него.

— Ерунда какая-то, — сказал он. — Зачем ты уезжаешь?

Она шагнула, взяла его руку, а потом прижалась половиной тела, а он обнял ее.

— Я же вернусь. Послезавтра, постараюсь еще с утра. А сегодня я же — выписанная, ты что, забыл? Приди я сейчас снова — меня выдворят. Шучу. Побуду с дочкой, сегодня четверг, завтра пятница, а в субботу я приеду, останусь, ты что-нибудь придумаешь, а в воскресенье вечером мы уедем вместе, иначе выдворят уже тебя. Все кончается. Все — что временно. Мы уедем, дорогой, уедем, и уже сможем быть вместе, когда захотим или сколько захотим. Или сможем.

— Ты этого хочешь?

Он прижал ее к себе, и время остановилось.

Время остановилось, но не остановился ветер. Он налетел справа, и вместе с ним накатило что-то большое, зеленое.

— Жди меня там, где на ветру порхают занавески, а рыбки — трехглазы.

Она подхватила сумку.

— Да, возьми, — он едва успел скинуть с плеча сумку, вынуть и протянуть ей.

— Груша «аббат»? Когда ты успел? Я таких больших и не видела.

— «Двери закрываются!..»

И двери закрылись. Он ступил раз, другой. Она передвинулась из окна в окно, он пытался не упустить ее взглядом, а в голове почему-то звучало «и что ж ты так громко гудишь, электричка, ведь еще и скорость небольшая!»

Что он прошел весь путь обратно, он осознал, когда, не доходя до входа в корпус, взглянул в сторону и увидел ту дурацкую квадратную клумбу с густо топырившимся и низко свисающим по краям огнистым

львиным зевом. Он протянул руку и сжал холодные и влажные скулы цветка, беззвучно и безвольно раскрывшего свои вывернутые, никому не нужные губы.

21

В субботу он встал рано, как не вставал здесь почти никогда. Еще только приоткрывая дверь балкона, увидел, что день — безоблачен. Казалось, что занавеску чуть отводит не ветерок, а прохлада. Но полоска песка у воды уже радостно искрилась, обещая хороший и теплый день.

Долго сидел на балконе, еще бывшем в тени. Идти в столовую он не мог. Жутким чувством понимая, что, идя по проходу, не увидит еще издали ее волосы.

Солнце, поднявшееся над деревьями и вдруг наполнившее собой нишу балкона, словно толкнуло его. Уже в куртке он присел на корточках перед раскрытой тумбочкой, рассматривая лежавшие на нижней полке три фотообъектива. А ведь чаек он снимал мало. Подумал об этом, смотря на уложенный с краю пятисотмиллиметровый телевизор, узкий по всей длине, который он очень любил за хваткость и быстрый автофокус. Правда, установленный на камеру, он словно просился быть установленным и на ложе, превращающее ее в фоторужье, но и так, с руки, а уж тем более с упором на что-нибудь, он снимать с ним приноровился.

Закинув сумку за плечо, он пошел вдоль берега. В лучах утреннего солнца, золотистых и легких, даже «кирпич» вдали смотрелся весело.

Несколько раз он останавливался, всматриваясь в сидящих на камнях, далеко от берега, чаек, но сентябрьское солнце еще не набрало свою силу, и было ясно, что без штатива телевизором путного пока ничего не снять.

Он удивился, что кафе, расположенное прямо на песке пляжа почти напротив «кирпича», уже работает: он просто присел на деревянную скамью, соединенную со столом на манер школьной парты в загородке кафе — их стояло несколько перед павильоном, и к нему вдруг подошла официантка. Он заказал кофе, картофель фри и бокал белого вина.

Никого не было вокруг. Запотевшее стекло узкого бокала полупропускало лучи еще невысокого солнца, и его искринки поблескивали в вине. Стол тоже еще не совсем высох, и там, где официантка поленилась достать салфеткой, поблескивали капли росы.

Он вдруг вспомнил, как приехал сюда. Узкая темная лестница над столовой, решетка, почти тюремный коридор с далекой лампочкой над неподвижной фигурой охранника — все это, казалось, было в какой-то другой жизни. В жизни, в которой не было ее.

Наверно, он сидел долго — официантка несколько раз выглядывала из дверей павильона, ожидая или просьбы принести счет, или дополнить заказ.

Автобус тоже был пуст, и хоть возле одного приоткрытого окошка трепыхалась занавеска, салон пока был наполнен собственными

запахами резиновых ковров, смазки дверей и неизбежно проникающим запахом всего горячего в моторе. «И на самом деле — словно вздувшийся поблескивающий пузырь», — подумал он, когда, соскочив с автобуса, вошел в парк и с площадки в его начале взглянул на залив.

Едва он прошел по аллее, взгляд его словно сам собой нашел железного ежика. «Лиха беда — начало» — теперь на его торчащих в разные стороны иглах-прутках краснели уже три яблочка.

Георгины у Паркового домика поблескивали в росе. «Все же лепестки у них по цвету — какие-то однозначные, — подумал он, присаживаясь на корточки у палисадничка. — Желтый — так желтый, красный, так красный, фиолетовый — так фиолетовый. Даже полутона слишком уж четкие. Может, потому они и не пахнут. А ночью-то... Заморозок — не заморозок, а, что называется, утренник — так уж точно». Несколько крупных пчел и пара огромных шмелей недвижно поблескивали крыльшками на лепестках георгинов. Он протянул руку и тронул цветок. Но они лишь лениво пошевелились, даже не подумав, жужжа, оторваться от лепестка.

Поднявшись, он увидел себя — вернее, свое далекое отражение в зеркальном окне танцевального павильона. И ему вдруг показалось, что там, за площадкой, стоит и смотрит на него не он — а тот пятнадцатилетний мальчик.

Он пошел вдоль разрисованной каменной стены, тянувшейся от начала пляжа к самому заливу. Солнце было еще на той стороне, за яхт-клубом, и рисунки на стене почти не бросались в глаза, даже та знойная красавица. Две раздевалки ярко синели в пустоте пляжа, и куда-то далеко-далеко брели, склоняясь то вправо, то влево, зонтики.

Гряда огромных камней, начинаясь у самой воды в конце стены, уходила влево. Вскочив на один, другой, он увидел, что меж ними и заливом тянется полутораметровая полоса нежного-нежного песка. Спрыгнув на нее, он пошел, прикрытый слева каменной грядой, и сразу почувствовал, и даже радостно от этого зажмурившись, тепло бьющего в каменную стену солнца. На воду местами было нестерпимо смотреть. Мелкая рябь, полосами лежащая на воде залива, жестко блестела.

Дойдя почти до конца гряды, он осторожно опустил на песок за одним широким и плоским камнем сумку и сел на него. Прямо перед ним бесконечно далеко вперед и также в обе стороны синел залив. Он вытянул ноги, бросил руки перед собой на бедра и так замер, впивая тепло. В прикрытых глазах заплывали то темные, то светлые пятна. Он не знал, сколько он так сидел. Потом, через прищуренные веки он стал различать вьющуюся синусоидой цепь вешек, обозначающих фарватер, одинаково склоненных в одну сторону, и что на некоторых, тоже повернувшись тушками в одну сторону, сидят чайки.

Он снял кроссовки, носки, закатал джинсы и лишь слегка проминая плотно утрамбовавшийся песок, мелкий, почти с неразличимыми песчинками, прошел к воде и сразу ступил в нее так, чтобы лениво набегающая волна омывала щиколотки. Миллионы иголок небывалого наслаждения прошли вверх по ногам. Он так широко улыбнулся, под-

ставив лицо солнцу, что если бы кто ждал от него благодарности в этот миг, то остался бы доволен.

Барханчики начинали рябить дно примерно в метре от берега. Но и там было так мелко, что ему не потребовалось закатывать штанины еще больше. Не видный никому — гряда камней за его спиной поднималась метра на два с половиной — он бродил в воде, то останавливаясь там, где она была особенно теплая, то наоборот получая удовольствие от ее прохлады.

Слева от него гряда валунов в одном месте как бы раздваивалась, желтея и там тем же самым песком. Он сразу оценил, что именно оттуда, навалившись грудью на какой-нибудь валун, он сможет поснимать чаек, сидевших на вешках.

Он посмотрел на часы. Было начало двенадцатого. Еще около часа он сможет, наверно, пробыть здесь. Вряд ли она так рано уедет, появившись дома всего день назад.

Слева, из-за гряды, медленно показался нос катера. Почему-то совершенно беззвучно, хоть явно он шел на моторе, он вышел в начало фарватера, почти сразу повернувшись кормой. Он поспешил к камню, на который сначала и сел, достал из-за него сумку, и, расставив ноги и уперев в грудь локоть, навелся камерой на уходящий катер, видя в окуляр, как он вдруг выпустил клуб искрящегося дыма и сразу начал набирать ход, быстро уменьшаясь в размере, потому что и был-то не велик. Потом, встав на камень, он стал, прильнув к камере, просматривать фарватер. «Почему, как получилось, что линия его так удивительно изгибается? Ведь прочертили ее, наверно, исходя из глубин. Значит, это они образовались здесь не безобразным зигзагом, а вот этой чарующей линией, похожей на изящный росчерк пера».

Он заметил эту яхту, когда она только показалась вдали, возникнув на горизонте, как случайная пометка. Но приближалась, росла в размерах она быстро — и благодаря, наверно, хорошему ходу, и потому, что была очень большой. Он сразу понял, что ее контур вдали будет тем, что еще лучше сбалансирует все на снимке с чайками на вешках, и прошел к той двойной гряде камней. Большой наклонный валун словно звал навалиться на него грудью. Хоть лучи солнца скользили по нему как по касательной, тепло его камня он сразу почувствовал даже сквозь тонкий пуловер, надетый поверх рубашки.

Яхта подходила все ближе. Была она бело-голубая, огромная, с высокой, длинной, словно расслаивающейся в нескольких местах надстройкой. Он наводил фокус то на нее, то на чаек на вешках, часто нажимая на спуск. «А лапки-то у чаек, действительно, у одних — ярко-красные, у других — желтоватые».

Яхта была уже совсем рядом. Она замедлила ход, словно о чем-то раздумывая, и медленно повернулась боком, словно не решаясь все же войти в акваторию за грядой. Мотор автофокуса жужжал, не понимая, на чем он должен остановиться, когда маленькая зеленая рамка автофокуса в видоискателе перемещалась по борту и надстройке. Он выставил камеру как можно больше вперед, и приподнялся на носках, упирающихся в песок, чтобы лучше зафиксировать на камне локоть руки, поддерживающий тубус объектива. Теперь он сразу сфокусировался на корме.

Три человека стояли на борту между двух скосов, удерживающих верхний ярус надстройки. Один — пожилой, посередине, с залезанными седыми волосами, в ярком полосатом галстуке. Он смотрел прямо перед собой, стоя лицом к берегу. Двое других стояли по обе стороны от него, оглядывая все вокруг, и были чем-то похожи друг на друга. Вытягивая объектив все больше вперед, он, переключив фокус на ручной, покручивал колесо резкости, и тут его взгляд встретился с взглядом левого одинакового человека. Тот тут же что-то крикнул, второй одинаковый схватил за плечи пожилого мужчину, крутанул его, вмиг развернув спиной, и, набросив ему на затылок ладонь и прикрывая собой, с силой втокнул его в дверь. Первый одинаковый всунул руку за борт пиджака, выхватил что-то черное и длинное и, соединив на нем кисти рук, выбросил их перед собой.

Он машинально навел резкость на этом черном, и четко увидел темный кружок размером с шарик пинг-понга, с еще более темной дырочкой в центре. И на мгновение эта дырочка стала оранжевой.

Ему даже показалось, что он услышал хруст линз, разлетающихся в тубусе объектива.

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

г. Краснодар

Весёлый странник

Как звонок лёд на реках! –
Аж стон по жилам рек!
В тепле смежает веки
И зверь, и человек.

И я, весёлый странник
С нелёгкою судьбой,
Несу любовь и раны,
Спешу к себе домой.

На пашни, колокольни,
Ресницы малыша
Снежинкой новогодней
Летит моя душа!

Живи по солнышку

А солнышко на полюшке
Колосья золотит.
– Живи, сынок, по солнышку, –
Мне мама говорит.

Пускай босые ноженьки
Омоются росой –
Тебя одарит боженька
Здоровьем и душой.

Люби больных и стареньких,
Чти мать и отца.
Тебе откроют ставеньки
И окна, и сердца.

А людям дай по хлебушку,
Живой воды налей.
Тебя полюбит девушка
Всех краше и милей.

За лесом скрылось солнышко.
И птичек не слышать.
За солнышком и Вовушке
Пора ложиться спать!

По тонкому льду

Хрупок мой сон – как ледок на реке.
Горькие мысли – слезой в кулаке.

Люди душою скудеют, мельчают,
Словно сады без ухода дичают.

Рвётся, как нить, сострадание к близким –
Тоньше оно комариного писка.

Помню, как мама в военные годы
Нищим картошку несла с огорода.

Сами питались крапивою приторной –
Трое своих да и дети из Питера.

Грелись гурьбою под тёплой овчиной.
Печка топилась, светила лучина.

Нынче на улицах морюшко света.
Люди в роскошные шубы одеты.

Нет, не от стужи мне муторно, зябко.
Тут не помогут ни печка, ни шапка.

Как мне любилось легко и писалось!
Что же осталось? Ледок да усталость...

Ветер колышет рассветные ивы.
Господи, дай мне отваги и силы!

Утро не скрасит житейскую драму.
В комнате пол – как оконная рама.

Люди севера суровы.
Дружат крепко. Держат слово.

Край былинный, край отцовский –
Богатырский, васнецовский!

Провожали дядю Васю
С песнями и переплясом.

А любимая глядела
И душою каменела.

Им всего по девятнадцать!
Им бы жить да миловаться!

Провожала, руку жала,
Ждать до смерти обещала.

А потом дала украдкой
И платочек, и лошадку.

Ту игрушку не простую –
Дымковскую расписную.

Так ушла на фронт из Вятки
В красных яблоках лошадка.

Чтобы Он живым остался
И скорее возвращался...

Вижу в море парус белый.
Вижу хлебные поля.
А тогда Кубань горела –
Даже море и земля.

Дядя Вася – пулемётчик,
Ворошиловский стрелок.
Он стрелял, как снайпер, точно –
Высоту держал как мог.

Бой гремел в горах у моря.
Преграждая путь врагу,
Он врага косил под корень,
Как в родных лугах траву.

Но раздался взрыв косматый,
Бомбой солнышко закрыл

И геройского солдата
Глубоко похоронил...

Немцы к морю не прошли.
Где солдат?
А нет солдата!
Он сокрылся в глубь земли...

Сколько вёсен прошумело
Над землёй обледенелой!

Сколько лет Она подолгу
Всё смотрела на дорогу!

Долгожданный и желанный,
Он не мог без вести кануть!

В домик тихий, отдалённый
Не спешили почтальоны.

Женихи зато бывали,
Руку-сердце предлагали.

Только вся округа знала:
Ждать до смерти обещала.

Неужель судьба такая –
Ждать Ей весточку из рая?

Время слабых гнёт, калечит,
А любовь, увы, не лечит...

Хорошо на свете жить,
Слушать дождик, печь топить.
Нашу внучку-почемучку
В садик за руку водить.

Наша внучка – мой кумир,
Самый главный командир.
Если внучка ходит тучкой –
Для меня мрачнеет мир.

Ехать с внучкой веселей
На великий юбилей –
Деда ждёт на День Победы
Исторический музей.

Далеки от детской сказки
Автоматы, гильзы, каски.

Есть в музее даже пушки –
Это тоже не игрушки.

Далеко Кубань от Вятки.
Поезда и пересадки.
Погрустнела наша птаха
От усталости и страха.

Чтоб в музее видеть лучше,
Я поднял повыше внучку.
И услышал возглас краткий:
– Дед, смотри, стоит лошадка!..

7

Детский голос тонок, звонок.
Я и сам в душе ребёнка.

Возраст мой вполне почтенный.
Только он – послевоенный.

Не судите деда строго –
Вздрыгнул дед, всплакнул немного...

Боль не высказать словами...
Да, музей – живая память!

Пулемёт совсем разбитый
Откопали следопыты.

Следопытская лопатка
Откопала и лошадку –

В красных яблоках комочек...
Жив и вышитый платочек!

Сколько лет лошадка-дымка
Ожидала невидимкой!

Молодой, красивый, сильный
Воссиял солдат Василий!

Боль России вековая!
А лошадка – как живая...

8

Снова в белых платьях вишни,
Как невесты, к морю вышли.

Знаем – помним: очень долго
Ожидала князя Ольга.

Наше скромное сказанье
О солдатке тётке Мане.

О любви прочней металла
Вы
Впервые
Услышали.

В жизни сей – греховной, серой –
Всем урок Любви и Веры!

Семь десятков лет ждала,
А недавно умерла.

Спи под ивушкой на Вятке,
Наша гордая солдатка!

Спи, солдат, в цветах кубанских –
Верный сын земли славянской!

Песня с губ сама слетает.
Слышу: внучка подпевает.

Верьте: жизнь – неповторима,
А любовь – непобедима!

9

За деревней Лебедяню
Вековой тенистый пруд.
Птицы – лебеди с Кубани –
Здесь с военных лет живут.

Каждый знает: гордый лебедь
До скончанья лет и дней
Верен на земле и в небе
Лишь лебёдушке своей.

Что за жизненная сила
Их сюда звала – вела?
А солдатка птиц любила
И подружками звала.

Гонит птиц похолоданье.
Той осенью порой
Небо шлёт Ей на прощанье
Лебединое перо...

От автора: Эту невероятную, но правдивую историю помнят в родных вятских местах, а теперь, надеюсь, узнают и мои читатели. Мой дядя, солдат Великой Отечественной войны Василий Николаевич Архипов, уроженец деревни Коршуны Зуевского района Кировской области, погиб на Кубани осенью 1942 года и похоронен в братской могиле на берегу Черного моря...

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

г. Липецк

* * *

...Нет, не по сердцу траурный чехол –
Чужой, как сглаз,
Чужой, как злой язык.
Чужие люди место под ярлык,
МостЯт булавкой...
Странный люд пошёл –
ВолОк любовь мою в последний путь...
Она в бегА – проворная какая!..
Случайно, или планово, сбегая,
Схватила грусть с собой...
Нет, правда, грусть...

...Я помолчала ровно пять минут,
Или пять лет..
Серьёзно? Ну... не важно.
Любовь обычно и двух слов не свяжет,
И вдруг, как крикнет:
– Где-е-е ты-ы-ы?!..

* * *

...Я привыкаю пробовать предел...
По сторонам пытливо озираясь,
Ладонью детской зА волосы старость
Тихонько трогать...
Чуб её та-а-ак бел!..
Она пока – ком в горле чужеродный...
Взаимы взята у сморщенных людей
Для опытов разнuzданных детей –
Им всё забавно!..
Взрослой быть та-а-ак поздно...
Застрелены помадой зеркала,
Как засланные ушлые шпионы,
Пригревшие лазейки в дебрях комнат...
...Но старость с тувель мокрых натекла...

Незабудки

...Тех любим, кто уходит навсегда –
Старательно высвобождая пальцы...

Так вычурны моления страдальцев,
В попытках боль за пряники продать!..
...Где душный шарф,
Где порванный край куртки,
Где визг ключей,
Трясущий кротость стен –
Находим чуть живые незабудки,
Закрыв глаза на высушенность вен...
Цветут они, пока их как- то кормим
Несбыточным, отрёкшись от дорог,
Боясь переступить дверной пролог...

– Ту, помнишь... малахольную?...
– Не помню...

* * *

...Когда с тебя сползает кожа,
Там мякоть беззащитная сочится,
Там деточка без жданного гостинца
Рыдает на подушку, до утра...

...Когда с меня сползает кожа,
Там древесина кольцами кичится,
Там нюхает кормилица-волчица
Бульонный воздух, после топора...
Когда с меня сползает кожа,
Там травленный кусок полезной плоти
Не смеет заикаться о полёте,
На всякий случай веря докторам...

...Когда с тебя сползает кожа,
Там кто-то милый очень понимает,
Как я хочу тюльпанов каждым маем,
Просящих вазы из тюрьмы ведра...

Снег

– Сне-е-е-ег!!!...

– Что может быть банальней?
Каждый год одно и тоже...

– Каждый год?! Он – гениально
Грязь недавнюю итожит...
Как актёр с весомым списком
Масок, собранных годами –
Разный!.. Жертвенный и низкий...
Чистит совесть, душит пламя...
...Снег –
Любой,
Спаси
Спокойно
Так, как только ты умеешь –
Заморозишь, там где больно,
Дурь, как лишнее, отрежешь...

...Снег.

Чувства

...Выскребала по сусекам,
Засучила рукава...
Были ж в тысячи парсеков –
Чувства!..

Я... желала бы,
Если б было чем,
Я... жалела бы,
Если б – для,
Не посмела бы,
Не довылечив,
Не довыслушав,
Как болят...

...Только голая пустыня,
Необжиты острова...
А казались мне простыми –
Чувства...

Я желала бы!..
Если б было чем...
Я жалела бы!..
Если б – для...
Не посмела бы!..
Не довылечив,
Не довыслушав,
Как болят...

Лепесток

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...*

Тютчев

...Рискуя навредить своей строке
Возвратом к потребляемым
фонемам –
Зависим от харизмы хризантемы,
И, всякий раз, поём о... лепестке.

...Есть в поздней осени немного плутовства –
Задержка, остановка перед бездной...
Смирилась с тяжкой участью листва,
Холодных хризантем ушла помпезность...
Последний, всё же светел, лепесток...
Он трепетал, когда другие пали,
Так дерзко заявившие вначале,
Так шумно отыгравшие свой срок...
Вцепившись в заскорузлости ствола,
Он чувствовал всей кожей неизбежность,
Оправдывая зреющую снежность –
Рукой творца...

...К утру зима пришла.

* * *

– А... был ли он? Ну... был – вообще?..
– Не знаю... Светляков топила
Подтаявшей воды слюда...
И в кубометрах, в куботоннах льда
Отказывали их светила...
Жизнь состоит не из вещей...

– Как ты дышала без него?..
– Я, кульминацией строки,
Должна бы буйствовать в падучей,
И умирать, на всякий случай...
Как... там... Вода и... светляки?..
...Не изменилось ничего.

* * *

...Зажужжала вдруг
Струночка тонкая –
Ты ведь, дурочка,
Вдрызг одинокая...
Всё щетинилась,
Щёки морщинила...
Доморщижилась –
Где он, мужчина та?..
Защипнула, где горло –
Струна зашлась!..
Спинку выгнула гордо!
...Спаслась.

Я и ангелы

...Я ангелов не люблю.
В них жизнь – карамельною крошкой,
Они не стучатся в окошки нам,
Порхают в каком-то раю...
Написано сто-о-олько стихов,
Что их оперение кипельно,
Да... люди хронической гибелью
Готовы снискать их любовь...
Какое-то в них аномальное
Стремление к манной крупе...
...Мы ищем следы на горбе,
А там... кирпичами завалено...

Бесконечность

...Я теряю связь с корнями,
С головой забравшись в кокон...
Смысл отличий между днями –
Разность окон...

Раз... Такое золотое,
Тёплый хлеб, в прожилках специй –
Листья лечат. Нет покоя
В дебрях сердца...
Два... В чешуйках стылых капель,
В щели дует тлен ноябрьский...
Детских платьев ветхий штапель,
Кашель вязкий...
Три, четыре... Дольше сроки –
Белым, в лабиринтах ярких...
Духи новогодней ёлки...
Год. Подарки...

...Пять. Безумство отражений!..
Бесконечность держат рамы!..
Тихо.... Только кровь – движеньем...
Я... с корнями.

Я и птица

...Я – бессмертна... Посылочный ящик
Был сколочен мне в кухонном детстве..
Я дневала под запахи теста
В нём, молочным котёнком незрячим...
В законном пространстве загадочном
Только голубь казался привычным,

И, ручёнки раскинув по-птичьи,
Я за ним устремлялась припадочно...
...Лился бабушкин фаргучный ситец,
Выпекались творожные вафли,
А в стекле – запотевшие капли
Отражались ребёнком и птицей...

* * *

...Залило свинцом полнеба,
И попахивает снегом,
Мёрзнет воробей, напыжась...
Но, ведь, ты же?...
А, ведь, ты же...

И не спрятавшись от тлена,
Исчезает хризантема,
Ветер лепестки чекрыжит...
Но, ведь, ты же?!.
А, ведь, ты же...

День, как я, дождём зарёван...
В ожерелье ноябрёво,
Иней – бусиной нанижет...
Но... ведь, ты же...

* * *

...Мы так дружили хорошо,
Учась у пионергероев
Искусству бодрого настроения!..
А ночью... кожа... шла... паршой
От памяти прикосновений
Случайных пальцев о твой крест,
И статус мой "христа невест"
Сживался с кожей внутривенно...
...Мы так дружили хорошо,
Захлёбываясь новым виршем –
Очередным продуктом книжным...
Ты называл меня – душой.
А ночью... тлели... рук... костяшки
И с треском взламывали тело,
Что душу наглуую терпело
И кофе жёг десятой чашкой...
...Мы так дружили хорошо,
Но ввязли нАсмерть в мегадушях,
Тела как лишнее разрушив...
...Я умирала.
Ты – не счёл...

* * *

Кофты больничные,
Дети тепличные,
Краешек койки примят...
Дуют обидчиво
Личики птичьи,
В полдник – мензурочный яд...

Только на пользу бы
Все эти способы,
Между уколами сон...
Может... потом всё?
Дай силы им, Господи,
Кто ещё не умерщвлён...

Девочка с косами,
Птенчик с вопросами,
Вены закручены в жгут...
...Я до сих пор,
Между небом и взрослыми.
Волосы срезала,
Жмут...

Виват

...Так, каждый раз, в игольное ушко
Протискивать громады восприятий?!.
Мне день – попутчик, разовый приятель,
А с ночью – кровью скрещена...
Изгой.

...Я, ночью, спрыгнув с тыквенной кареты,
Пронзаю город звоном хрустала!..
И прячет траекторию земля,
Поддавшись ветру чувственной вендетты...
...Я, нагишом, что ж, прихоть сатаны,
Сминаю воздух пряностью полёта.
Мне, Маргарите, дьявольская квота
Дана на чудо бешеной весны!..
Я... умерла, а Крис не хоронил...
Солярис* мной откармливает совесть.
Я повторяюсь, как плохая повесть,
Азот мне не прожёт попытки крыл...

...Светает.
Пахнет тыквой и... азотом.
Мне холодно нагой, ищу халат,
И спички для вендетты кофе с чёртом...

* Солярис – планета из одноимённого романа С. Лемма

Дремлю до звёзд...
Скучай, театр!..
Виват...

* * *

...Меняла волосы и паспортА,
Чернилами пряча пальцы,
А он как-то мог возвращаться
На выжженные места...
Меняла паперти на обрег,
А рук ломотУ – на танцы,
Но он как-то мог докричаться,
Что тоже ещё человек...
Меняла слепленный свет на тень,
А память на чьи-то лица...
...И он как-то смог не родиться
В предутреннюю постель...

Межсезонье

...Межсезонье – ломка шёлка,
Обрыванье "крыльев" с платьев...
В лёгких сетках сколько толку,
Если ношей- день... Что брать их?..

Если взрослые вопросы
Не дотянут до ответов...
От вопросов сколько спросу,
Если губы в коме с лета?..

Межсезонье – ломка шёлка,
Бинтованье дырок драпом...
...Разъедает ржой подпорки,
Тихой сапой, тихой сапой...

Карамель

...Забывала до смерти любовь,
Не желая жить противоядием...
Смаковала крайность пятой стадии,
Но не долго... Яство не для ртов.

"...Выживу – смиренно попошусь,
Выношу льняное одеяние,
Прослежусь о всех сердечно раненых...
Грусть найдет?.. Поглубже спрячу грусть..."

...Осенью достала старый плащ,
А в кармане, вместе с пыльной мелочью,
Спит любовь в обсыпке карамелечной...
Как её не съесть?.. Тут, прячь не прячь...

ОЛЕГ КАПАНИН

г. Великие Луки, Псковская обл.

Разноцветные шалости...

Порой я откровенней декольте
И здесь случайней, чем метеорит.
Во мне давно, даже тет-а-тет,
Романтик с циником о скуке говорит.

А взгляд молчалив, как всегда,
Застыл нерешенным вопросом.
Все хорошо, да только беда –
Я падаю,
падаю
в осень...

Скуино...

Чуть приглушенный свет экрана
На глянец, матовый, столов.
И скука, с привкусом обмана,
От непрочитанных стихов.

В тумане стоят города,
Вздыбились улиц торосы.
И я улетаю, не зная куда...
Я падаю,
падаю
в осень...

Коммуналка...

Боялась ты движенья лишнего,
Давила в горле настроение...
За стенкою такая слышимость!
А там, за нею, население.

Это мы?

Гремя стихов незримыми цепями,
Превозмогая боль, летим за синей птицей.
Обрывки снов и пятна под глазами
Спешат в слова и рифмы воплотиться.

На развалинах...

Мои стихи линялой штукатуркой
Осыпались со стен вчерашнего дворца
Проказница Любовь со мной играет в жмурки
И Одиночество давно томится у крыльца.

Похоже, нас совсем не лечит время,
Мечты и мысли чаще иллюзорны.
И, как Сизиф, мы катим это бремя
Теряя кожу в лабиринтах терна...

Но задирает нос еще Максимализм,
Остатками былой любуясь славы.
Сквозь щель в заборе лезет Пессимизм
И топчет Оптимизма жухнувшие травы.

Путник в ночи...

Наступает раскованность ночи,
Обнажаются матово плечи.
За окном, сквозь гардин междустрочья,
Проступают неяркие свечи.

Падаю...

Зеркально застыла вода,
И в ней отражается просинь.
На облаках не оставив следа,
Я падаю,
падаю
в осень...

Свечи-звезды горят неизменно,
В канделябрах далеких галактик.
И я твой очарованный пленник,
Звездной пылью осыпанный странник.
.....
Станут свечи к рассвету короче,
А я хочу удлинить твои ночи....

Виртопоэт....

Не Петрарка я, ты не Лаура –
Рок-н-рольная верткость пера.
И Эвтерпа такую же душой
Будет завтра, сегодня, вчера...
Рифмы в строки сплетаем уныло,
Зажав пустоту в кулаке.
Зазеркальное счастье уплыло
По далекой забвенья реке.
Наши судьбы нам кто-то назначил,
Сушит душу бессмысленный рок.
И, как страусы, головы прячем
В иллюзорно-дисплейный песок.

Март....

Я в потрепанном пальто
По весне бреду, сутулясь.
И не ждет меня никто
В подворотнях мокрых улиц.
Лунный луч завязан в узел –
Я в разладе с звездным миром...
Попадаю солнцем в лузу
И путь млечный стал кефирным.
Закрутил спираль галактик
Кто-то там, в межзвездной пыли.
Черная дыра, как ластик,
Небыль делает из были.
Март за ворот мне капелью
Проникает прямо в душу...
Ночь весенняя апрелем
Пахнет... и ступаю прямо в лужу...

Интер... февраль...

Холодный Невский ветер, как клинок,
Дворцовый мост разрезал пополам.
И Троицкий, халтура Батиньоль,
Раскинул иней фонарей по берегам.
Литейный отливает только лед,
А Большеохтинский сутулится горбом.
По Малой Невке мы гуляем "вброд"
И Чижик на Фонтанке не поет...
Лед в вечерних отблесках блестит,
Близкого тепла нам не суля.
Игла Адмиралтейская торчит
В заднице промерзшей февраля.

Гостья...

Подвину я к камину кресло,
Плесну вина, наброшу плед...
С тобою не были мы вместе,
Уже забыл я... сколько лет.
Закатным сполохом горит
Огонь в стекле бокала.
И ты мой одинокий скит
Давно не посещала.
Судьба, спасибо, снизошла.
Пусть вечер был не жарок,
Сегодня в гости ты зашла –
Вот царственный подарок!
Я что-то путано и длинно
Ей повторяю вновь и вновь...
Укутав ноги, у камина
Сидит уставшая Любовь.

Безумие осени...

Ночь, одинокий гобой,
Звуков печальный обряд...
Она была рядом со мной
Одно мгновенье назад.

Вокзал, холодный перрон,
Осенний сумрачный взгляд...
Отстучал зеленый вагон
Одно прощанье назад.

Ветер, усталый, без сил
Упал на безлиственный сад.
Я вспомнил... было... любил
Одно безумье назад...

Свидание...

Пропать лежит между мной и тобой,
Любовь, словно искра ночная.
И снова печально играет гобой,
Луну в колыбели качая.
Элегией хрупкой и нежной Масснэ,
Любовником страстным и тайным,
К тебе на свиданье приду я во сне –
Я твой очарованный странник...

Муза, как чужая жена...

На кой мне лавровый венок,
Когда пишу я, как умею?
Талант зачахнул между строк,
Лишь Муза, Анною на шее.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Вот так когда-то соблазнил
Жену чужую Дон Гуан.

Любовью страстной осенил...
Но как печален тот роман.
И я боюсь... неровен час
Бездарности гонима стрессом,
Мне бросит взгляд в последний раз
И ляжет Анною на рельсы.

Аккордеонист и женщина...

Слезы упреков горьких
День разобьют на минуты.
И спотыкаются строки
На клавишах перламутром.
Ночь свою милость явит
Звуками павших листьев.
Кого-то опять обманет –
Надсадно крутятся мысли.
Стонут аккорды страстно,
Тишину разрывая в клочья.
Женщина диссонансом
Плачет... уйти не хочет...

Пора...

Что-то совсем не сложилось,
А что-то лежит не там.
Скажите же мне на милость,
Каким молиться богам?
Какой напиться воды –
Мертвой, живой, святой?
И кто раскует те льды,
Что на душе броней?
Оглохнувший от пальбы
Жизни баталий давних,
На поле своей судьбы
Я собираю камни...

Одинокая звезда...

*Лариса Брижак писала:
В Большом Магеллановом облаке обнаружили
одинокую гигантскую звезду – 25 Мая 2011...*

Расстояния сжав в световые года,
В Большом Магеллановом облаке,
Луч одинокий шлет нам звезда
Сквозь звездную пыль в ярком проблеске.
Тысячи парсеков луч пролетит,
Наплевав на иные пророчества.
Чтобы кто-то однажды на Млечном пути
Заметил ее одиночество.

Прогулка...

Как жить хорошо и жизнь хороша –
Исполнилось все, что мечталось!
По венскому лесу иду, не спеша,
Смотрю, а навстречу мне Штраус.

Гобой тополей за собой поманил,
Со скрипками белых акаций,
Вальс Венского леса меня закружил,
На травку я рухнул в прострации.

Но сам Амадей меня оживил
Рондо турецким, аллегро,
Исполненным листьями плачущих ив,
И сердце наполнилось негой.

Звучит ностальгия свирелью в крови
По русскому лесу, до слез.
Сыграют там Ноченьку мне соловьи
На гусях белых берез...

* * *

*Мама моя так и умерла с двумя осколками,
спустя много лет после войны...*

На ваших плечах гимнастерки
Зеленой лежали волной,
Запах полынный и горький,
Запах военный, густой...
Старые раны, болезни,
Нелегкий труд за спиной...
Вы не просто ушли из жизни –
Вы убиты войной.

Геометрический психоз...

Таинственность немислима,
Как облака неведома,
Пишу геометрическим
Слова и рифмы методом.
Хорей летит параболой,
И бредит ямб гиперболой,
Из междустрочий Шамбала
Глядит заледенелая.
Анапест биссектрису
Расчертит строку надвое,
А дактиль я затискивал
Ну, там... по это самое.
Гексаметр, строгим вектором,
Указывал дистанцию,
А дохмий, капель веером,
Рассыпался под пальцами...

НИНА БЕЛАНОВА

г. Днепропетровск

Вместо снега – снова морось

Вместо снега – снова морось,
Терпко пахнувшая взвесь...
До сих пор мы, милый, порознь,
Только знаю: мой ты весь!

Кот сидит, в окно уставясь,
Ждёт, когда начнёт снежить...
Майский цвет оставит завязь,
Только б зиму пережить...

Подсластить разлуки горесть,
Отогреть сомнений стынь...
Пусть вольётся в нашу повесть
Солнца свет и неба синь!

Я рисовала, как могла

Я рисовала, как могла,
Судьбы своей шаги,
Но получалась только мгла
И на воде круги...

Любви ждала я много лет,
Вела со сплином бой...
Теперь ты есть, мой Ясный Свет!
Мы так близки с тобой!

Пусть опыт наш – различных трасс
И разных виражей,
Ведь свой, у каждого из нас,
Набор карандашей...

Мы будем каждый новый день
Совместно рисовать:
Наполним цветом грусти тень,
Сведём тоски печать...

И всё равно, чей карандаш
Окажется видней.
Творит Любовь рисунок наш –
Вот что всего важней!

Без перчаток зябнут пальцы

Без перчаток зябнут пальцы,
Зонт всюду терзает ветер!
Зимний дождь слывёт страдальцем,
Будто он за всё в ответе!

Ветер псом за мною бродит...
Ждёт меня холодный ужин...
Дождь идёт и не проходит,
Будто он кому-то нужен...

Я отравлена тоскою,
Душу рвут рыданий грозы!
Хватит слёз! Хочу покоя,
Белых улиц и мороза.

Стаи хлопьев белоснежных
Для меня – бальзам на сердце!
Я в твоих объятьях нежных
Так мечтаю отогреться!

Звёзды падают

Звёзды падают, как будто
Жемчугов порвалась низка...
Мне бы с милым, на минутку,
Оказаться близко-близко...

Виснет грядкой рыхлой небо,
Там луны желтеет репка...
Размечталась я... Ах, мне бы
С ним обняться крепко-крепко!

Платья тонкого оборки
Теребят смущённо пальцы...
Мне бы с ним, до самой зорьки,
Нежно-нежно целоваться...

Может зря мечтаю, поздно?..
Но, сдержать себя не в силах,
Я любви у ночи звёздной
Всё просила и просила...

*Только милостью
Божией*

Как шары тонкокожие,
Этот хрупкий мирок.
Только милостью Божией
Продлевается срок...

На краю мироздания
Могут рухнуть мосты!
Не пугают страдания,
Лишь боюсь пустоты...

Может статься, пророчества
Не дождусь я плодов...
Не страшусь одиночества,
Но боюсь холодов!

Мою жизнь безмятежную
Может время крушить...
Лишь любовь нашу нежную
Я боюсь пережить!

Предзимье

Пестреющих платочков кружевных
Уж не найти в предзимнем палисаде.
Свободны от обёрток золотых,
Стоят кусты в молочном шоколаде.

Уж срезаны и проданы цветы.
Хрустит ковёр пожухлый под ногами...
Однажды шоколадные кусты
Морозной ночью занесёт снегами.

Зима-хозяйка, тучами шурша,
Укроет землю диво-простынями...
И чистоты исполнится душа,
Благих надежд и ожиданий днями...

Пройду неслышно

Пройду неслышно за тобою следом
Осенним парком и в конце аллея
Тебя, продрогшего, как тёплым пледом,
Окутаю я нежностью своей...

Не сможешь ты, родной, не улыбнуться,
Взорвёт печаль твоей улыбки свет!
И выйдет солнце золочёным блюдцем,
И выпьет, как росу, ненастья след.

Мечты над нами радугой повиснут –
Ни слова от тебя не утаю,
Согрею неба серебристый висмут
И радугой раскрашу жизнь твою!

*Зима берёт решительный
разбег!*

Зима берёт решительный разбег!
Ноябрь – ещё не время зимней стужи...
Снежит с утра, но тает первый снег,
Блестит асфальт и остывают лужи.

Цветы от ветра прячут лепестки
В снегу пушистом, будто в одеяле...
Разлука наша – мой родник тоски,
Разлившийся во мне рекой печали.

Ты мне на раны льёшь святой елей,
В мечты меня уводишь из ненастья.
Лишь ты – источник радости моей
И сладких грёз, и неземного счастья!

С тоской моею битва

С тоской моею битва
Привычна тропарю –
Я по пути молитву
Безудержно творю...

О Господи! Как нужен
Решительный ответ!
Стеклит морозом лужи,
А снега нет и нет...

Вороны – враспышную!
Сверкают купола...
Любовь свою земную
Я кротко приняла

И в сердце поселила,
А с ней вселился Свет!
Мощней любви горнила
Во всей вселенной нет!

И нет в любви изъяна,
Коль помыслы честны.
И слаще нет романа,
И горше нет вины...

Похолодало уж всерьёз

Похолодало уж всерьёз –
Ворчат вороны!
Опало золото берёз,
Прозрачны кроны...

У неба тучи в рукава
Воруют просишь.
Сплошным ковром лежит листва.
Поблекла осень.

Дождём холодным смывает узор
В шитье убогом...
Одна, потупив долу взор,
Стою пред Богом!

Ты – далеко, и птичьих нет
Разноголосий...
Совсем одна держу ответ,
А в сердце – осень.

*Что в жизни может быть
грустней?*

Что в жизни может быть грустней
Кривых обочин?
А я, в плену ненастных дней,
Тоскую очень...

Ты мне во сне и наяву,
Как солнце, светишь!
Когда тебя я позову,
Скажи, приедешь?

Покуда мы чего-то ждём,
Настигла осень.
Каштаны, сбитые дождём,
Стучатся оземь!

Зажато сердце, как в тиски.
Постыла слякоть...
Когда умру я от тоски,
Ты будешь плакать?

Соберу теплой одежду

Соберу теплой одежду
И в окошко погляжу...
Вместо сахара надежду
В чёрный кофе положу,

Радостью намажу булку –
Вот и завтрак мой готов!
И – скорее на прогулку,
Не боюсь я холодов!

Шарф надену трикотажный,
В косу счастье заплету –
Не посмеет ветер влажный
Растрепать мою мечту!

Мне не страшен дождь злословья,
Пусть он хлещется хлыстом!
Милый мой, твоей любовью
Я укроюсь, как зонтом!

У молитвы – два белых крыла

У молитвы – два белых крыла,
От молитвы всё чище я!
Но прошу у тебя я тепла,
Как на паперти – нищая.

Ни слезинки на веках сухих –
Знать, уже не надеется...
Да и мне, вместо писем твоих,
Листья под ноги стелются...

В неуточное время никто
Не несёт подаяния...
Так и мне, вместо ласковых слов, –
Затяжное молчание!

Не сгореть бы сердечку дотла
Недолитой лампадою!
У молитвы – два белых крыла...
Что же камнем я падаю?

Роняет небо облака

Роняет небо облака
В объятья серых луж.
У клёнов на воротниках
Позолотился рюш.

Туман клубится над рекой –
Осенняя печаль...
И лодка мокрою щекой
Стучится о причал.

В прореху неба синий шёлк
Взирает свысока...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Не прячу я от Бога щёк –
Нежна Его рука.

Он усмирит сомнений шквал,
Уймёт потоки слёз...
Кто так смертельно тосковал –
Узнает сладость грёз!

Я по любви взойшла на эшафот

Я по любви взойшла на эшафот,
И жизнь моя казнит меня рачительно!
Как редкого дождя пустыня ждёт,
Так жду тебя все дни, порой, мучительно...

Сдаётся мне, что ты – кусочек льда,
Заноза в сердце, острая окалина...
Я терпеливо жду тебя всегда,
Как на окошке кошка ждёт хозяина.

Тебя я буду ждать из года в год
И обожать невзгод моих виновника!
Мне прямо в душу грустно смотрит кот
Глазами, цвета спелого крыжовника...

Надежды

Парят в душе моей надежды,
Безмолвно, как в немом кино.
Белы их крылья и одежды.
Они в любви – почти невежды,
Хотя с любовью заодно!

Разлуку сносят терпеливо:
Смиренны, кротки и тихи.
Мои надежды молчаливы,
Лишь только мысли их, на диво,
Красноречивые стихи!

Ты забеги, хоть на минутку,
Погладь их ласковой рукой,
Ведь без тебя тоскуют жутко,
Они воспрянут – не на шутку,
И строки потекут рекой!

В чём застану

Солнце село в тучу золотую,
В тишине притихли дерева...
Снова вечер ставит запятую,
Значит, не исчерпаны слова!..

Ведь слова последними бывают...
Что скажу, когда мой час пробьёт?
Пусть любовь слова те согревает
И душа от радости поёт!

Гулким эхом в сердце отзовется:
"В чём застану, в том и осужу!"
Пусть любовь цветёт, когда придётся
Пересечь последнюю между!

Когда-то настанет время

Время расставит всё по местам.
Время поправит... Время подскажет...
Время когда-то настанет, и даже,
Даст воплотиться заветным мечтам!

Время научит и примет зачёт.
Время излечит... Время рассудит...
Только боюсь я, пока это будет –
Жизнь утечёт, как вода утечёт...

На всенощной

Светла, тиха Рождественская ночь!
Белы, чисты под снегом церкви плечи.
И дивно пение, и ждать уже невмочь...
И ярко в храме польхают свечи.

Спаситель наш рождается уже...
И светятся немым восторгом лица!..
Он всякий раз рождается в душе,
Когда дерзаем таинств причаститься.

Когда мы каемся, без лишних слов,
Он плачет вместе с нами и прощает.
Оковы исповеданных грехов
Под ангельское пение спадают.

Никто любви Господней не лишён!..
"Христос Рождается!" - зываем дружно.
Взрывает небо колокольный звон
И сонмы звёзд качаются послушно!

Хранитель

Любовь живёт в безумном мире
И кротко терпит муки ада!
Висят грехи на ней, как гири.
А где-то теплится лампада...

И кто-то там творит молитвы –
Хранит любовь от смерти лютой,
Сражается на поле битвы
И побеждает... почему-то...

~ • ~

МАЙЯ ШЕРЕМЕТ

г. Санкт-Петербург

~ • ~

* * *

У Вечного огня, зажженного Страной
В честь победивших, павших и почивших,
Стоим с тобой одни с склоненной головой
И в толк не можем взять – как жить
Во времени, сегодня наступившем...

Мой старый друг, мой верный друг, как брат
Из времени, нам подарившем встречу,
Я говорю – дороги нет назад,
Но есть ещё дороги, что нас лечат.

Ещё мы живы, значит, помним всех,
Кто не остался в жизни вместе с нами.
И мы склоняем головы с тобой, как если бы
Пред павшими склоняли знамя.

Салют! Ты слышишь его зов – набат.
Так не сдавайся даже в час разлуки.
Я тоже обещаю тебе, брат,
Что до последнего не сдамся на поруки.

* * *

Есть на свете город на Земле –
Юности моей извечная отрада.
В стрезень его царственной реки
Смотрится коронная ограда.
Высока, божественно стройна,
И легка, как ветра дуновенье,
Гордость убежавшего в века,
Символа к высокому стремленью.
Есть на свете город на Земле,
Детства моего святая слава,
Стойкости и верности судьбе
В битве небывалой и кровавой.
Мы же с этих самых страшных дат
В сердце сберегаем те знаменья
Потому, что наше поколение
Выросло под грохот канонад.
И теперь нельзя нам отступить,
Хоть и велика Россия наша,

Снова Родина зовет нас – Мать,
Просит из руки ее убрать
Горечью наполненную чашу.

Молитва

Жизнь моя, приди ко мне,
Наклонись над изголовьем,
Озари меня любовью,
Защити в тяжелом сне.

Подыми знамена чести,
Сохрани от злобной мести,
Вспомни все мои деянья –
Боль, утраты и страданье.

Дай надежду, дай мне волю
Устоять на бранном поле,
С силой злобной и лихой
Помоги осилить бой.

Я тебя не заневолю,
Как окончу смертный бой,
Отпущу тебя на волю
И расстанусь вмиг с тобой.

* * *

Был теплый день, почти что летний,
Осенней раннею порой.
Меня с подругой в подворотню
Загнал сирены дикий вой.
Тревога! Мы к стене прижались.
Звук самолета, близкий взрыв.
Все ниже мы к земле склонялись,
В молчаньи ужаса застыв.
Фугасный свист все эти годы
В моих ушах кричал и выл,
А грохот падающих сводов
До дней сегодняшних дожил.
И память дожила, не скрою,

До ужаса последних лет,
А вот подруги моей нет,
Осталась только боль и горе.

Юнову А.Ю.

Мы все войны прошедшей дети,
Мы все защитники Земли,
Прекраснее которой нет на свете,
Какие бы к ней беды не пришли.

Мы все двадцатого столетия потомки.
Мы рождены в истоке грозных дней,
Мы не сдаем отцов и матерей,
Когда приходит час неожиданной ломки.

Стоять нам насмерть не одно столетье
Приказ был отдан, мы ему верны,
И потому мы, дней ушедших дети,
Стоим на страже вверенной страны.

* * *

ВОЙНА таится в каждом доме,
Забуть так трудно о ВОЙНЕ,
Живущей в трепете агоний,
Сегодняшнем проклятом дне.
Забуть так трудно о ВОЙНЕ!
Она звучит оркестром взрывов,
Свистящим воем бомб в ночи
И страшной тишиной в квартирах,
Где жизнь забросила ключи.
Не скрипнет дверь, все мертвы в доме,
Лишь белый иней на висках
И рук заломленных ладони
На болью скованных глазах.
Война не расстается с нами.
Она наш бред и наш исток,
Она наш крест и наше знамя
И с боем выстраданный долг.

* * *

На то она и Русь,
Чтоб век насмерть стоять,
И побеждать в любых
Годинах лихолетья,
И верить, и любить,
И знать. Наверно знать,
Что лучшее она

Всегда оставит детям.
Славянской крови
Эликсир живой
Живителен для душ
Исконно русских.
Мы видим мир
Двумя, а не одной главой,
С высот азийских
До границы прусской.

* * *

Русские лица! О, русские лица,
С синью пронзительной ласковых глаз,
С ясной улыбкой, что где-то таится,
Но никогда не видна напоказ.

Русские лица с высокими скулами,
С лбом, что широк и по русскому крут,
Русские лица по внешнему смуглые,
Русские лица мне спать не дают.
Вижу их в поле, в морях,
В дальних странствиях, в горе и радости,
В дни их побед, Русь, ты была
И останешься ясною, сколько б
Ни кануло в Вечности лет!

* * *

Сегодня я как брошенный маяк,
Фонарь уже разбит,
А крышу ветром сносит,
Но сердце рвется
Сквозь пришедший мрак,
К живым и мертвым
Страстный зов несется.
То вспыхнет,
То погаснет яркий свет,
Быть может на него,
Сквозь путь свой запоздалый,
Придет ко мне
Мой старый друг усталый,
Седой как лунь
Товарищ давних лет.
Воспоминанья
Станут пиршеством,
Молчанье гимном
В честь путей пройденных.
Мы вспомним
И об этом и о том,
Ничуть не сожалея о былом,
Сочувствуя лишь
Только что рожденным.

~ • ~

ВАЛЕРИЙ ОРЛОВ

г. Санкт-Петербург

~ • ~

* * *

Мне вырвали гортань жестоко
И запретили говорить.
Не успокоившись от жизни
Моя душа могла лишь выть.

И возмущенная природа,
Не дав словам моим уснуть,
Холодным отблеском сиянья
Разлила крови моей ртуть.

И та рукою по бумаге,
Срывая линий черноту,
Отбразала, с заиканьем,
Словес чудесных наготу.

* * *

Бинтую руки. Тишина.
Какое-то напало безразличие.
Мой бой придет. Еще есть полчаса.
Пока расслаблен я и... в этом все величие.

Тихонько тренер в ухо мне бубнит:
«Бей правой реже. Левую – вперед.
Дистанция – твоя опора власти.
Удары реже, четче и... проход!»

Дверь приоткрыли. Шум из зала слышен.
Отчаянный крик. Удары гонга. Визг.
А мне до «фени» все. Я в полном безразличии.
И даже «начхать» на этот дамский писк.

Перчатки кожу чувствую тугую.
И запах пота в ноздри бьет сильнее.
Пора вставать. На ринг выходишь биться.
Где чувствуешь себя смелее и вольней.

* * *

Ты вбегаешь на ринг,
Словно крылья выносят.
Все шумят в нетерпеньи –
Боя сильного просят.

Твой противник не промах.
Сильный малый! Удал!
И в тяжелых боях
Многих на пол послал.

Но на ринге и ты
Тоже богом бывал!
От крутого удара
Кое-кто и лежал!

Вот три раунда вихрем
Пронеслись пред глазами.
Синяки и подтеки
Вам расскажут все сами.

Бой прошел и... не помнишь,
Как бил! Кто лежал?
Только врезалось в память –
Зал отчаянно кричал!

* * *

В жестокой на ринге битве
Туманом одет черноты.
Нокаута злобно силой
Ты сброшен с чужой высоты.

Лежит одряхлевшее тело.
В пространстве сознание течет.
Лишь сердце тихонечко бьется,
И рефери тянет свой счет.

Дошла до восьмерки цифра,
И медленно глаз ты открыл,

Желание было подняться,
Но... рухнул ты снова без сил.

* * *

Я – боец поневоле.
Что-то рвется во мне,
А энергия злости –
Даже в утреннем сне.

Мне без ринга и света,
Не пройти жизни путь.
Но как часто я помню –
Снов зловещую жуть!

* * *

Крик души, отчаяние, злоба –
Снова выбита рука.
Боль такая, что слезою
Захлебнулась бы река.

А противник, в яркой схватке,
Бьет и бьет в круг роковой.
Мне б сдержатъ его... мгновенье!
Гонга звук – спаситель мой!

* * *

Два боксера на ринге
Танец сложный ведут.
И смеется их тренер:
«Так к чему же придут?»

Но один сделал выпад,
А другой – вдруг упал.
Не до смеха всем стало.
Образ страха витал!

Разорвалась аорта.
И покрыт кровью ринг,
И умолкнул наш зритель –
Страшно стало всем вмиг.

Смерть застала внезапно,
Серой тенью дыша,
Проскользнула в канатах,
Меж перчаток шурша.

Футбол

Футбол – какое наслаждение
Для тысяч зрителей и игроков.
И мяч, не знающий волнений,
В воротах ищет свой улов.

И тренер, на поле не глядя,
Употребил свою всю власть.
Игрок отчаянно ловит воздух,
Набегавшись сегодня всласть.

Защита ждет его стеною.
Вратарь перчатками скрипит.
И мяч, подброшенный ногою,
В «девятку» верную летит.

Судья свистит. А свист – не слышит!
Огромный рев – кто победил?!
Команды поле покидают,
Собрав остатки былых сил.

* * *

Иконы образ золоченый
В углу недвижимо висит.
Цветок небрежно оброненный
Пред ним искусственный лежит.

И в тишине благоговейной,
Где запах ладана и снов,
Душа спасение обретает,
Минуя тяжести оков.

Сюда стремимся мы порою,
Минуя жизни суеты.
Любви, блаженства и покоя
Мы просим – предложив цветы!

* * *

Сминая кромку ледника,
След в след ступая осторожно,
Рюкзак огромный ты несешь,
И думаешь – как все возможно!

Налево – глыбы снеговые
Нависли каменным мостом,
А справа – пропасти провалы,
С разинутым от страха ртом.

Ступая, думаешь, кряхтишь:
«Зачем сюда забрался в горы?»

Да в этом каменном мешке
Для мертвецов лишь только норы».

Попробуй оступись немного –
И в трещине за снеговой чертой
Своим костям найдешь надолго
Прохладный, мертвенный покой.

Ну вот, настала остановка
Меж каменной стеной и льдом.
Ручей играет песню звонко:
«Вот вам ночлег и отчий дом!»

На примусе сварили каши.
Заварка чая – хоть куда!
Сейчас не лишне было б выпить –
Запрещено! Под страхом льда!

А ночь украдкой опустила
Покров иссиня-черный свой.
Луна и звезды заблестели,
Всех приглашая на покой.

Под тонким, жестким одеялом,
Спаявшись, четверо лежим,
Но дрожь охватывает тело,
Как будто мы куда бежим.

Помаявшись от хладной ночи,
Затекших членов не размять.
И затверделый хруст коленей
Рукой тяжелой не унять.

Когда покинем эти камни
И флаги горные вершин,
Мы откровенно друзьям скажем:
«Что только в горы – путь один!»

* * *

Вертолет винтами крутит.
Значит, я еще живой.
В шлемофоне матом кроет
Чей-то голос, очень злой.

Винт прострелен не на шутку,
Где-то хлюпает вода.
И от «Стингера»* на крыльях
Не укрыться никуда.

Но надежда – знак последний,
Никогда не подведет.

* «Стингер» – американская ракета

Без винтов и фюзеляжа
Может, сядет самолет.

И тогда меня обнимет
Старый друг мой боевой.
К сожалению погибший
Прошлой, раннею весной.

* * *

Все не то! Все не так!
Вроде были мы вместе,
И хлестали мы водку, и курили табак.
Золотую кайму на погонах ласкали –
Голубые просторы зачернил страшный мрак!

Вот один я из нашей когорты остался.
Не здоровый, калека. Но все же живой.
И ко мне по ночам вы приходите вместе,
И к утру умываюсь я горькой слезой!

* * *

В офицерском клубе тихо.
Два портрета на стене.
И улыбчивые лица,
Нам припомнятся во сне.

Вчера пришел приказ на «дембель»:
На высоте, крутили срок.
Но молодые капитаны
Попали под жестокий рок.

Их «спарка», бешено вращаясь,
Сумела выйти из «петли».
К земле в надежде прижималась –
Ты о спасении – моли!

Не удержала сила духа.
Движок от напряжения сдал.
И в сумасшедшей «вертопляске»
Их самолет на землю пал.

И прапор из санбата
В болоте под Ольхою
С солдатами откапывал
Полчерепа с рукою.

Похоронили молча
На кладбище сыром.
И два любимца неба
Уснули крепким сном.

Наталья Менендес

РАЗВЕДЁННЫЕ МОСТЫ

(повесть)

ПРОЛОГ

Платформа, разбухшая от котомок, корзинок, чемоданов и пассажиров, стремительно надвигалась на вагоны. Будто боясь столкновения, ярко-зелёный состав пыхтел и отдувался. Последний толчок возвестил, что поезд прибыл в Одессу, прекрасный город у Чёрного моря, многократно воспетый поэтами.

Пассажиры, в основном едущие на летний отдых, толпились в проходе. В лицах людей угадывалось приятное ожидание предстоящего отпуска. Молодая женщина среднего роста с пышными тёмными волосами, яркой запоминающейся внешностью, замешкавшись, тщетно пыталась пробраться к выходу. Её озабоченное и расстроенное выражение лица не вписывалось в курортную идиллию. Выбравшись из вагона, она почти бегом бросилась к остановке. Таксист в светлой кепке распахнул дверцу и, качая головой, сказал:

— Куда это торопится такая красивая?

— В порт, и побыстрее, — резко ответила она, расположившись на заднем сиденье.

— Неужели наш прекрасный город красавица не удостоит своим присутствием?

Женщина молча уткнулась носом в прохладное стекло окна.

Таксист понял её нерасположенность к диалогу и резко рванул с места.

Через несколько минут она уже шла по причалу. На нём ярким пёстрым пятном издалека виднелась большая толпа народа. Женщина пристально вглядывалась в лица людей, ждущих посадки на большой морской корабль.

— Eloina! Hola! — навстречу ей устремились сразу несколько человек. Родные лица, голоса и со всех сторон родная испанская речь. Кажется, она уже целую вечность не разговаривала на родном языке.

— Друзья мои, как я рада, что всё-таки успела!

— Ты решилась, едешь с нами? — спросила её женщина, стоящая рядом с мужчиной, держащим на руках ребёнка. — Кстати, познакомься, это мои новые знакомые, они тоже из Хихона. Мануэль и его племянник Хоакин с женой и детьми.

Мануэль широко раскинул руки и притянул её к себе. «Значит, он всё-таки уезжает...» — мелькнуло в голове. Она утонула в его объятиях.

В носу некстати защекотало, глаза увлажнились. «Ещё не хватает тут разреваться, ему и так не сладко», — разозлилась она на себя.

— Всё-таки решился, Маноло? Фашисты не жалуют детей руководителей республиканской армии. Может, не стоит так резко здесь всё разрывать?

— Если ты о семье, то склеить ничего нельзя. Я прощать не умею. Так будет лучше.

— Маноло, но это ещё не повод совать свою голову в петлю.

— Дело не только в моих личных делах. Не хочу, Элла, говорить высокими словами, но что-то неодолимо тянет на родину, особенно последнее время. Ты ведь знаешь, я никогда не был таким идейным, как ты.

— Для Франко мы все дети, выросшие под крылом коммунистов. И значит, доверять вам не будут.

— Спорт вне политики, Элла.

— Ты так думаешь?

— Я всё решил!

Элоине хотелось возразить, убедить его, но со всех сторон подходили знакомые попрощаться, а за руку нетерпеливо теребила подруга. Ей так и не удалось толком поговорить с Мануэлем. И вот уже все они — и близко знакомые, и не знакомые ей — поднимаются по трапу. Заслонившись рукой от солнца, Элоина смотрит вверх. Там все эти люди кажутся меньше и как-то беззащитнее. Она смотрит на них, но видит маленькие хрупкие фигурки, чумазы заплаканные лица и полные страха глаза детей. Видит их такими, какими они были двадцать лет назад...

Шел 1956 год. Теплоход увозил из Одессы на историческую родину первых из тех, кто приехал в Советский Союз во время гражданской войны в Испании. В то далёкое время они были или подростками, или совсем маленькими детьми. Как родных приняла их Россия, обогрела, приласкала. Там, в Испании, на далёкой, но не забытой ими родине у многих остались родители, братья, сёстры. Но двадцать лет здесь, в России, они не просто жили — они вращались в её землю: проливали за неё кровь в схватке с фашизмом, работали, не жалея сил. Достигали выдающихся успехов в спорте, удивляли талантами в искусстве, влюблялись, заводили семьи. И сейчас они уезжали уже не из чужой страны, а со своей второй родины. Оставляли здесь не просто отрезок своей жизни, а то, что стало их частицей, отрывая от себя самих себя...

Теплоход все дальше и дальше уходил от причала. Люди стояли на палубе и молча смотрели на уплывающую полоску берега. Даже дети, чувствуя что-то печально-важное, затихли, перестали дёргать и теребить родителей. Кто-то из женщин заплакал, но этот одиночный всхлип показался абсолютно неуместным и резко оборвался на протяжной ноте, словно струна гитары. У Мануэля побелели от напряжения пальцы, которыми он сжимал поручень. Он пристально вглядывался вдаль, в тёмную, с перламутровым отливом воду. Смеркалось, и лишь где-то вдалеке, словно последнее напоминание, прощально вспыхивали огоньки. Но и они постепенно таяли. Палуба опустела, а Мануэль всё не мог оторвать взгляда от сгущавшейся темноты. Уже не первый раз она поглощала всё, что было ему так дорого.

НА БЕРЕГУ

С высокой кручи, именно с этого места, Волгу было видно далеко-далеко, почти с одного конца города до другого. Лучи заходящего солнца разукрасили речную зыбь перламутровыми крапинками, напоминающими маленькие ноготки, — как будто миллионы русалочек плыли, высовывая на поверхность красивые пальчики. На противоположном берегу яркой иллюминацией вспыхивали отблески заката.

Молодые люди, остановившись у края убегающей вниз тропинки, невольно залюбовались. Шумная беседа смолкла.

— Красотища-то какая! — послышался восторженный девичий голос.

Кудрявая головка прислонилась к плечу Мануэля. Приятное тепло чего-то родного и близкого окутало его, словно пушистым пледом.

— Нравится? — спросила его Валентина.

— Конечно, Валеська, — ответил он и взял её за руку.

С самого первого дня их встречи, лишь только он увидел эту светло-волосую красавицу, его непреодолимо тянуло к ней. Сильный и мужественный парень, рядом с ней он всегда становился стеснительным и немногословным. Ему нравилась и в то же время ещё больше смущала её неуёмная энергия и весёлость. Да, внешне она очень отличалась от того далёкого образа, к которому уносила его память, была, пожалуй, даже противоположностью испанской девушки из его детства. И в то же время чем-то постоянно напоминала ему его первую безответную любовь.

Мысленно он часто обращался к той — с тёмными волосами, гордой осанкой и ослепительной улыбкой, к той, что всегда была с ним и ласковой, и насмешливой.

Валентина тоже была полна лучезарной энергии; и в её глазах постоянно вспыхивали искорки-огоньки. Мануэль отчётливо помнил свою первую встречу с Валентиной. В тот день он зашёл в клуб за своим другом Луисом Фернандесом. Луис занимался вместе с Валентиной в драматическом кружке, а с Мануэлем ходил в акробатическую секцию. Друг Мануэля всё никак не мог разобраться, что же ему больше нравится — художественная самодеятельность, спорт или занятия рисованием. Хотел успеть везде и поэтому очень часто куда-нибудь опаздывал.

Мануэль торопил его:

— Идём скорей, на тренировку опоздаем!

Луис стоял среди группы молодых людей, которые что-то горячо обсуждали. Молодая испанка, их общая знакомая, с досадой обернулась к Мануэлю:

— Маноло, подожди, мы серьёзные вещи решаем. У тебя свои интересы, а у нас свои.

Мануэль отступил, он всегда уважал эту строгую, серьёзную девушку, которую знал с самого приезда в Советский Союз.

— Не сердись, Тереза, я подожду.

В этот момент к ним подошла Валентина. Зелёные глаза смотрели то ли насмешливо, то ли с вызовом — разобрать он не мог, но сердце его ёкнуло.

Потом он будет приходить ещё и ещё раз, будет подолгу ждать, когда закончится их репетиция, будет провожать её до общежития, терпеливо сносить её колкости и насмешки...

По дороге Валентина всегда болтала без умолку, рассказывала об очередном спектакле, который они репетировали, о предстоящих гастролях их народного театра, хорошо известного в городе и за его пределами.

Мануэль не показывал вида, но очень волновался, когда она уезжала. Ему хотелось, чтобы она всегда была рядом, и к тому же он её безумно ревновал — около неё постоянно крутилась куча парней. Валентина чувствовала свою власть над Мануэлем и порой нарочно его дразнила. В то время желание Мануэля быть вместе с Валентиной казалось ему совершенно неосуществимым. Но прошло два года, и Валентина стала смотреть на него более благосклонно, понимая, видимо, что из всех её многочисленных поклонников он самый верный.

И вот теперь его мечта уже почти сбылась. Скоро, скоро она станет его женой, а все её многочисленные родные его родственниками. Ему всегда хотелось иметь такую большую, дружную семью, где и тети, и дяди, племянники, сёстры, братья. И они так радушно встретили его, совсем чужого парня из далёких мест! Среди них ему казалось, что он приехал домой. Он ведь так давно не чувствовал себя дома — не будешь же считать своей семьёй соседей по общежитию, как бы вы хорошо с ними ни жили. А сейчас, наконец, он обретает свой дом и семью.

Отчего же необъяснимая тревога, где-то глубоко-глубоко спрятавшись, не даёт ему покоя? Он стоит на берегу, смотрит на огромную реку, на эти огоньки и блики, на золотистые переливы волн, а перед глазами совсем другие, тёмные и бурлящие воды, и в ушах — тот незабываемый, страшный свист и грохот. И он чувствует, как неведомая сила тянет его куда-то, и щёки холодит влага слёз.

Чьи это слёзы — его или матери, которая наклонилась над ним?

Он закрывает глаза и старается вспомнить, но воспоминания отрывочны. Руки, прижимающие его голову, губы, трогающие его щёки и глаза, — всё это неотчётливо, расплывчато. И только запах, далекий материнский запах — он и сейчас с ним, в памяти. Этот запах становится тоньше и куда-то уплывает. Его рука тянется за ним, но кто-то заставляет сжать в ладони чью-то маленькую ладошку.

— Мануэль, ты чего? — Валентина теребит его за руку. — Зову тебя, зову!..

Он вынырнул в реальный мир, как пловец из глубины, и понял, что рядом с ним его невеста и это её рука крепко сжата в его ладони.

Шумная компания начала спускаться с высокого берега прямо к воде. На песке, у кромки воды, неудержимая энергия молодости выплеснулась радостными возгласами, весёлой суматохой. Шлёпали босиком, толкались, брызгались. Кто-то из парней предложил:

— Пошли купаться?

Девчонки зашумели:

— С ума сошли, вода ещё очень холодная!

Но какой-то отчаянный смельчак уже раздевался и со всего разбега прыгнул в воду.

— Маноло, пошли искупаемся!

— Что ты, Валеська, ещё очень холодно.

— Да ну тебя! — Валентина вырвала свою руку и, скинув лёгкое платье, не стесняясь отсутствием купальника, с разбегу бросилась в воду.

Холодные брызги, словно горячим кипятком обожгли Мануэлю лицо. Он вздрогнул.

И снова ощущение чего-то знакомого, но того, о чем он не хотел вспоминать, нахлынуло на него. Оно ещё больше усилилось от вида небольшой пристани и кособокого трапа. Он поднялся на пристань, облокотился на поручень.

Яркие краски заката блекли и растворялись в узенькой полоске горизонта. Вода темнела, приобретала сначала серый, а потом чёрный оттенок. Мануэль не мог оторвать взгляда от этой непрозрачной таинственной черноты. Он стоял совершенно отрешенный: ни резвящаяся на берегу компания, ни веселая и возбуждённая Валентина, за которой он обычно наблюдал очень ревниво, сейчас совершенно не трогали.

Очнуться заставила тяжесть чьей-то руки на его плече.

— Что, друг, взгрустнулось? — услышал он мужской голос.

— Немного, — ответил он, обернувшись.

На него пристально смотрел брат Валентины.

— Понимаю, Мануэль. Мы такие молодые, что и прошлое наше, вроде, невелико, а вспомнить и вздрогнуть есть от чего. Нашему детству не позавидуешь, хоть и воевать не пришлось, — сказал Виталий.

— Вспоминать не очень хочется, но и забыть нельзя, — грустно отозвался Мануэль.

— Не грусти! Помнить, конечно, надо, но жизнь есть жизнь, и она продолжается. No pasaran, samarada! Разве вам у нас плохо?

— Хорошо, Витя, но родина — это не фраза. Россия приняла нас, поделилась, как это у вас говорят, хлебом и солью. Мы не чужие здесь, только родина всё равно зовёт...

— Да, Маноло, я сочувствую тебе. Меня в войну тоже занесло далеко от дома, нахлебался досыта. Госковал, засыпал и просыпался с одной мыслью: «Хочу домой». Хоть и дома было не сладко. Работать начал с четырнадцати лет, и работали на износ. Нам, мальчишкам, казалось, что мы мало делаем, что самое важное происходит без нас. Рвались на фронт, убегали, нас снимали с поездов, возвращали. А сколько искалеченных судеб, подорванного здоровья, смертей! Похоронки приходили почти в каждый дом. Мы вот считаемся семьёй счастливыхиков. Отец жив, дядьки тоже все живы, а ведь все воевали. Просто чудо!

— И правда, Витя, — чудо. Такое редко бывает.

— Но ведь бывает! Значит, и ты верь, как говорит наша тётушка, — сказал Виталий.

— А кто это такая?

— Помнишь, приходила к нам — маленькая такая, строгая?

— О, нет! Мне показалось, не строгая, а грустная и добрая.

— Ты прав, Маноло, добрая. И ещё очень верующая. Родные считают, что это она вымолила у бога наше чудо, хоть об этом говорить не принято. Вот так-то!

И, посмотрев на резвящихся в воде молодых людей, добавил:

— А Валентину ты держи поостроже, она девка хорошая, да уж больно резва. Мы в детстве частенько с ней вместе шлодились.

Виталий обнял Мануэля за плечи.

Внизу тихо плескалась вода. Резкий гудок парома, надвигающегося на них, заставил их разом поднять голову. Высокий борт был уже близко, рядом с ними. Тёмная громада остановилась. Послышались крики, шум. Люди стали сходить по трапу с парома, вслед за ними начали съезжать автомобили.

Небольшая защитного цвета машина остановилась перед трапом. Послышался резкий мужской голос: «Выходите, с пассажирами нельзя съезжать!»

Из машины вышло несколько человек. Они остановились у борта парома. Машина въехала на трап, как-то неуклюже подпрыгнув, и через несколько секунд была уже на берегу. Кучка людей, стоявших у борта, двинулась к трапу. Последними, замыкая группу, шли двое ребят. Невысокий паренёк вёл за руку упирающегося мальчика лет пяти.

— Перестань реветь! — говорил он ему.

— Стлашно, стлашно! — не выговаривая «р», пищал тот.

— И ничего не страшно, я ведь держу тебя за руку, — отвечал старший.

Они вышли на берег, и их фигурки растворились в вечерних сумерках.

Мануэль смотрел им вслед, и ему казалось, что это он идет, держа за руку кого-то маленького и незащитного.

Да, это именно он шёл в эту надвигающуюся темноту...

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАШЕ БУДУЩЕЕ

Сквозь плотные шторы в узенькую щёлку протиснулся тоненький лучик солнца и защекотал Мануэлю ресницы. Но открывать глаза совсем не хотелось.

— Наверное, рано, посплю ещё, — ленивая мысль выплывала из глубины сознания, думать и вставать не хотелось. Казалось, стоит лишь покрепче закрыть глаза, и то, что он только что видел, вернётся к нему опять.

— А что же я видел? — подумал он и вспомнил. — А! Ту вчерашнюю девушку...

Словно наяву, она улыбнулась ему, потрепала по жёстким чёрным волосам, а потом развернулась и пошла вверх по тропинке с гордо поднятой головой, упираясь одной рукой в бок. А он почему-то застенялся, но продолжал смотреть ей вслед. Его очень удивило, что она, неся что-то тяжёлое, могла идти в гору так легко и такой горделивой поступью.

Снова уплыть по зыбким волнам приятного сна ему не удалось. Непривычно громкий и резкий голос матери окончательно разбудил его.

— Ни за что! Нет! Нет! — говорила она кому-то.

— Ты ничего не понимаешь. Они ни на кого не посмотрят: ни на твой род, ни на твоих знакомых. Здесь будет поголовная резня. А я не смогу защитить ни тебя, ни своего сына, — отвечал сдержанный, но жёсткий голос.

— А, это папа! — догадка мгновенно подняла Мануэля с постели.

— Папа, папа! Ты приехал!

Дверь нараспашку. Он бежит по ступенькам вниз. Сильные тяжёлые руки отца на его плечах.

Отец Мануэля поддерживал республиканцев ещё с 1931 года, когда они впервые победили на выборах. Даже «чёрное двухлетие» с тридцать третьего по тридцать шестой год, когда у власти находилось профашистское правительство, не поколебало его уверенности в том, что республика — единственно правильная форма правления. Власть должна принадлежать тем, кто стоит за интересы простого рабочего человека, считал он.

Отец Мануэля и сам был выходцем из семьи горняка. Здесь, в Хихоне, он стал одним из тех, кто безоговорочно принял и поддержал новую власть, когда в феврале 1936-го на выборах победил Народный фронт. Не отказался он от своих взглядов и после семнадцатого июля, когда в Испании начался фашистский мятеж.

Мать Мануэля, напротив, была из состоятельной хихонской семьи и считала своё замужество ошибкой деда Мануэля, который выдал свою дочь за сына друга.

О причинах столь странного поступка приходилось только догадываться. В городе говорили, что друг оказал ему какую-то важную услугу и спас ему жизнь, но точно никто не знал. И всё-таки, по какой-то странной прихоти, случился этот брак простого горняка и дочери известного горожанина с дворянскими корнями, да к тому же с хорошим приданым.

Мать свысока поглядывала на своего мужа, что было абсолютно не свойственно испанским семьям. В присутствии отца недовольный вид матери был настолько привычным, что нисколько не удивлял Мануэля. Вот и сейчас, не обращая на неё внимания, он теребил отца за рукав.

— Папа, папа, на этот раз ты непременно возьмёшь меня с собой. Я уже большой. Смотри, как я вырос!

— Да, Маноло, ты уже совсем взрослый. Конечно, собирайся скорей.

— Мы будем воевать, папа? Мы будем вместе бить фашистов? No pasaran!

— Pasaremos! Ведь у нас такие храбрые солдаты, как ты, мой мальчик.

Рука отца на плече Мануэля вздрогнула и соскользнула, оставив ненадолго ощущение своего тепла. Сердито посмотрев на жену, тоном, не терпящим возражений, он сказал:

— Собирай сына. Много вещей не надо. Они будут всем обеспечены. Мы должны уберечь наших детей. Они — наше будущее.

Потом они ехали в маленькой машине, и мать уже не кричала и не плакала. А только крепко прижимала Мануэля к себе.

Всё остальное было как во сне: парход у причала, много людей, суета, шум, плач маленьких детей.

Потом, через много лет, что-то будет всплывать в его памяти из того дня, что-то сотрётся, а что-то он и сам будет прогонять из своих воспоминаний. И только материнское тепло, её запах да тяжесть руки отца на его плече навсегда останутся с ним.

Город его детства — Хихон. Это был один из важных центров антифашистской Астурии. Рабочий портовый город, вокруг которого было много горняцких деревень.

Горняки, корабли и другие рабочие были основной опорой республиканцев. В Хихоне тех, кто воевал на стороне республики, было очень много, все они искренне верили в свою победу. Боевой клич — «No pasaran!» («Они не пройдут!») — был слышен здесь на каждом шагу. То был надёжный тыл республиканцев, и поэтому здесь держали пленных фашистов, которых к тридцать восьмому году скопилось несколько тысяч. Сейчас, когда территорий, занятых республиканцами, оставалось всё меньше, когда всё уже сжималось кольцо вокруг Мадрида, жители Хихона оказались в большой опасности. Республиканское правительство обратилось в Лондонский комитет с просьбой вывести отсюда как можно больше беженцев и особенно детей, — ведь в случае сдачи города франкисты никого бы не пощадили.

Мир уже увидел смертельный оскал фашизма, осознал страшную угрозу для человечества. Со всего мира в Испанию съезжались лучшие люди, среди которых были известные писатели, поэты, публицисты. Они объединялись в интербригады, это была ощутимая помощь, но недостаточная для того, чтобы победить. На стороне Франко в Испании воевали пятьдесят тысяч солдат фашистской Германии, сто пятьдесят тысяч итальянских фашистов, двадцать тысяч португальцев и сто тысяч марокканцев. Они это делали открыто, несмотря на соглашение о невмешательстве, которое подписали двадцать семь европейских стран, а также СССР и Германия. Советское правительство оказалось под пристальным вниманием и легально помогать Испании не могло. Европейские правительства не меньше, а иногда и больше фашистов боялись распространения коммунистических идей, ведь среди республиканцев было много и коммунистов, и социалистов. «Из двух зол надо выбирать меньшее». Но какое зло меньше? Часто в странах с устоявшейся демократией правительства старались столкнуть коричневые и красные силы и предоставить им свободу убивать друг друга, надеясь тем самым избавиться от тех и других сразу.

В Испании война была не с внешним врагом, когда всё ясно и понятно. Здесь шла гражданская война. Нет ничего страшнее, когда по разные стороны оказываются люди, которые совсем недавно могли быть братьями, родными, соседями. Ещё вчера они сидели за одним столом на празднике, на свадьбе. Ещё вчера они вместе горевали, потеряв близкого человека. А сегодня они враги. Так было когда-то в России, так стало сейчас в Испании, так было и будет в любой другой стране, где сограждане, не сумевшие понять друг друга, пойти на вза-

имные уступки, окажутся по разные стороны баррикад и возьмутся за оружие.

Как разобраться, кто прав, кто виноват? Это будет трудно сделать и через многие годы. Пройдёт не одно десятилетие, прежде чем в Испании перестанут делить людей на франкистов и республиканцев.

А тогда два близких Мануэлю человека — его отец и мать — смотрели друг на друга ненавидящими глазами.

Отец говорил:

— Ты можешь поехать с ним. Это трудно, но я постараюсь помочь тебе. Ты знаешь, что я не последний человек в Республике.

— Разве я могу поехать в эту страну — страну безбожников? Они отказались от Христа. Лучшие люди их страны — писатели, поэты, философы и учёные — уехали оттуда.

— Если всё дело только в писателях и учёных, то посмотри, сколько их приехало поддержать нашу власть, а ты её ненавидишь. Уезжают, приезжают, остаются или нет — разве в этом дело? Причины разные, и разобраться сразу во всём нельзя.

— А что разбираться? Где хорошо, оттуда не уезжают.

— Говоришь, разбираться нечего? А твой любимый Лорка тоже никуда не уезжал! Ты ведь всегда восторгалась его стихами. И где он сейчас? Тебе не жгут сердце эти строчки?

«Когда умру,
Схороните меня с гитарой
В речном песке,
В апельсиновой роще старой...»

Он и умер в апельсиновой роще. Убили, не посмотрели, что великий поэт, что гордость Испании.

— Это нелепая случайность!

— Такая «нелепая случайность» угрожает и нашему сыну. Я хочу спасти его.

— Ты отнимаешь его у меня.

— Уезжай с ним.

— Я не могу туда ехать, я уеду к дяде.

— К этому фашистскому прихвостню? Ты предаёшь не только меня, но и нашего сына.

Растерянный Мануэль стоял между матерью и отцом. Он ничего не понимал. Ему было страшно и одиноко среди такого большого количества людей.

Потом снова суета. Небольшой кораблик у покосившегося трапа. Откуда-то взялся рядом с Мануэлем маленький мальчик, который раньше бывал в их доме. Мануэль знает, что это его племянник. Он берёт его за руку и крепко сжимает пухлую тёплую ладошку.

Последний наказ отца:

— Я надеюсь на тебя, Мануэль. Знаю — ты не подведёшь меня. Заботься о своём племяннике, защищай его, ведь он ещё маленький.

Мануэль кивает головой и зовёт:

— Мама!

Руки матери прижимают его голову, губы касаются его щёк, лба. Куда-то уплывают её родной запах и её последние слова: «Я люблю тебя,

сын! Прости меня, когда-нибудь ты поймёшь. Я буду ждать тебя, Маноло, я верю, что скоро это закончится и мы встретимся. Не забывай меня, сынок!»

Запах моря, крик чаек. Нет, это ему показалось. Кричат не чайки, крики со всех сторон. Он идёт по трапу и крепко держит за руку Хоакина. Тот хнычет и упирается, но Мануэль не отпускает его. Резкий порыв ветра. На губах солёные слёзы. Или это солёная морская вода?

Полоска берега всё уже и уже. Он не может оторвать взгляда от этой узенькой полоски. Там его отец, мать, родной дом. Там, в заветном месте на чердаке, остались самые дорогие вещи — Мануэль не успел их взять. Это пилотка, которую подарил ему отец, красивая коробочка из-под конфет и белая лодочка. И только в кармане у него маленькая серебристая чашечка, которую положила ему мама. Он так любил пить из неё. Это всё, что осталось от его дома. Неужели только это?

— Держись, мой друг, вы ещё вернётесь домой.

На его плече чья-то тёплая тяжёлая рука. Он даже не заметил, что остался один, что смолкли ребячьи голоса. Маленькое судёнышко раскачивает на волнах, которые, высовывая длинные белые языки, лизнут ему ноги. Сыро и холодно. Не от этой ли мокроты ему так неприятно и какой-то озноб пробегает по всему телу? Руки на плече такие сильные и надёжные, они подталкивают его к трюму.

— Иди к маленьким. Ты нужен им. Завтра мы будем во Франции.

— Во Франции? А разве мы идём не в Россию?

— На нашем кораблике до России вряд ли дойдём, парень. Не переживай, скоро будете и в Стране Советов.

Мануэль спускается по узкой железной лестнице в трюм. Позади хлопнула дверь и темнота поглощает его. Он не сразу привык к темноте, но почувствовал, что не один, по голосам, всхлипываниям и стонам, которые раздаются с разных сторон.

— Маноло, мне страшно! — раздаётся рядом с ним.

Глаза начинают привыкать. Рядом с ним хрупкая маленькая фигурка Хоакина. А вокруг на грязных просаленных матрасах копошатся дети: и совсем маленькие, и те, кто ближе к его возрасту. Несколько взрослых женщин и молоденькая девушка переходят от одного к другому, стараясь приласкать и успокоить малышек. Мануэль садится на матрас и прижимает к себе своего племянника. Через несколько минут тот, уткнувшись ему в грудь, засыпает. Становится теплей и уютней.

Его качает, качает. Кто-то заботливо закрывает его тёплым одеялом, и он слышит как будто издали:

— Вот, Элоина, тебе и помощник нашёлся.

— Тоже мне помощник, он сам маленький.

— И всё же толковый мальчишка. Между прочим, наш и его отец хорошо знали друг друга.

Девушка заинтересованно посмотрела на спящего Мануэля.

— Ладно, мама, время покажет.

— Да, — эхом откликается женщина, — время покажет.

На огромном серо-чёрном пространстве моря маленький кораблик кажется совсем игрушечным. Какая-то невидимая рука тянет его за верёвочку. Кораблик тычется носом в крутые волны, которые вот-вот

поглотят его. Но надёжная верёвочка снова вытаскивает на поверхность утлое судёнышко, которое упрямо идёт, везя свой драгоценный груз, навстречу чему-то далёкому и неведомому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДАЛЬНИЕ ДАЛИ

Гражданская война шла в Испании больше года. Ожесточённые бои всё ближе придвигались к Астурии, а в Хихоне всё больше и больше мужчин были вынуждены братья за оружие. И хоть опасность нависла над родным городом, но Элоина несколько не сомневалась, что победа будет за республиканцами. Да и как она могла сомневаться, если её любимый отец был тоже в этом уверен? Вечером, каким бы усталым он ни возвращался, он обязательно находил минутку, чтобы заглянуть к своей любимой дочке.

— Папа, как наши дела? Мы ведь победим фашистов?

— Конечно, моя девочка, непременно. No pasaran!

— Ты знаешь, папа, я сегодня ходила на собрание. Ребята собираются поехать в Советский Союз. Говорят, что там они смогут получить хорошее образование. Это всего на несколько лет. Как ты считаешь, а мне поехать?

— Я не буду возражать, Элла. А что говорит мама?

— Мама не хочет. Но если ты разрешаешь, я всё равно поеду. Завтра же пойду и запишусь.

— Не горячись, Элла, я обязательно поговорю с мамой. Обещай, что не будешь делать необдуманных поступков.

— Папа, но скоро уже отправляются первые ребята, а мне надо записаться сопровождающей. Между прочим, Мелькиадес тоже очень хочет поехать.

— А вот твой брат ещё мал, чтобы решать такие вопросы. И ты, пожалуйста, не сердь маму. Знаешь ведь, как она относится к идеям социализма. И хоть я уверен в нашей победе, но скоро здесь будет небезопасно. Так что в этой поездке есть смысл.

— Вот видишь, папа, я права.

— Всё, Эло, «подушка — хороший советчик».

Отец наклонился, чтобы поцеловать в лоб свою любимую девочку.

— Что ты читаешь?

— Рафаэля Альберти.

— Достойный выбор. Спокойной ночи, моя девочка.

Отец тихонько прикрыл дверь комнаты Элоины и остановился на ступеньках лестницы, ведущей вниз, в гостиную комнату. Сегодня у Селедонио Менендес был трудный день. Внутренние разногласия раздирали на части единый республиканский строй. Очень уж пёстрые были ряды: коммунисты, социалисты, анархо-синдикалисты. Коммунисты занимали слишком жёсткую, неприемлемую для Селедонио позицию — и в вопросах городского устройства, и по тактике сопротивления. С анархистами тоже всегда было сложно договориться, они

делались абсолютно непредсказуемыми в обстановке, требующей строгой дисциплины и порядка. Особенно это стало ясно, когда в мае нынешнего года анархисты подняли путч в Барселоне. А ведь какое приподнятое настроение царило в рядах республиканцев после победы под Гвадалахарой в мае тридцать седьмого! И вот теперь все усилия и испанских бойцов, и интербригад насмарку. Опытный партизнец не сомневался: скоро здесь будет очень жарко, ведь в Хихоне скопилось несколько тысяч пленных фашистов. Этот город был обречён на истребление. Фронт приближался, а силы были не равны. «Надо уговорить жену поехать. Там они будут в безопасности. Вернуться они всегда смогут», — размышлял он.

Когда рано утром Элоина спустилась в гостиную, отца уже не было дома. С кухни доносились привычные звуки и запахи, и девушка направилась именно туда. На её приветствие мать ответила очень сдержанно, было видно, что она очень расстроена. На лице Рамоны Меана лежала печать бессонной ночи, а припухшие глаза выдавали следы слёз.

— Мама, что ты на меня не смотришь. Где папа?

— Добилась своего, негодная девчонка. Радуйся, и собирай чемоданы. Через два дня мы выезжаем.

— Ой, мамочка, как прекрасно!

— Что ж прекрасного, глупая, — уезжать из родного дома? Иди, крикни Мелькиадеса. Надо подумать, что мы возьмём с собой.

— Мама, а ты тоже поедешь с нами?

— Что же, я вас отпущу одних? Этого только не хватало! Ты там натворишь каких-нибудь глупостей.

Мать ещё что-то говорила девушке, но она, охваченная радостными мыслями, почти ничего не слышала.

Два дня приготовлений пролетели, как одно мгновение. И вот они вместе с отцом идут к причалу, у которого стоит небольшое судёнышко, похожее на рыбацкое. Элоина не на шутку удивлена.

— Папа, а что, мы поедем в Россию на таком маленьком судне?

— Сначала вы поедете во Францию, а там пересядете на другой корабль. Это в целях безопасности.

— Я знаю, папа, алеманос* стерегут наши корабли, но я не боюсь, — стараюсь обратить на себя внимание, громко проговорил брат Элоины.

Отец одобрительно посмотрел на него.

— О, мой сын настоящий мужчина. Ты должен заботиться о нашей маме и сестре, сынок. Обещаешь?

— Конечно, папа.

И вот они уже поднимаются по кривому трапу на борт обычного рыбацкого судна. Моряк на палубе принимает из их рук скромную поклажу и направляет их к двери в трюм. Отец обнимает Элоину и подталкивает её к двери. Она смотрит на него без особой грусти, ведь она уверена, что расставанье ненадолго. Её увлекает предстоящее путешествие, и даже немного обидно, что мать не разделяет с ней её оптимизма.

— Но *pasaran*, папа! Я знаю, что скоро вы разобьёте всех фашистов. А мы приедем и будем вместе строить нашу республику. Мы многому научимся в России. Это будет замечательно!

* В переводе с испанского — немцы

— Конечно, моя девочка, я буду вас ждать.

Элоина спускается вместе с матерью в полупустой трюм. После яркого дневного света глаза не сразу привыкают к полумраку. Через несколько минут она уже спокойно ориентируется и начинает помогать матери раскладывать на полу матрасы, наваленные кучей в углу.

— Поторапливайся, Элла, скоро приведут детей, говорит ей мать.

И вот уже в ярком просвете от открытых дверей появляются первые хрупкие фигурки. Элоина протягивает к ним руки и принимает драгоценный груз, который постепенно заполняет всё пространство трюма. Становится всё тесней. А вот и последние. Один совсем маленький, его держит за руку подросток лет тринадцати. Они садятся на матрас, и маленький, уткнувшись носом в бок подростка, потихоньку всхлипывает. «Наверное, братья», — думает Элоина. Мать тоже обращает внимание на этих ребят, пристально вглядывается в их лица, а потом говорит Элоине, что это дети их знакомых. Но дочь не обращает на это внимания. Усталость даёт о себе знать, и она быстро засыпает. А вот матери не до сна. Тревоги одолевают её. Впереди неизвестность. И перспектива оказаться в стране, где забыли бога, где женский домашний труд не считается за работу, где верят в то, что если всё сделать общим, то это вполне справедливо. «Куда меня несёт? Боже, боже! Ну что ты наделал, Селедонио!» — думает она. Ворочаясь с боку на бок на жёстком засаленном матрасе, она никак не может ещё поверить, что она не дома, не в своём родном Хихоне.

Они выехали из этого небольшого астурийского города двадцать третьего сентября 1937 года. А через два дня они погрузили на советское торговое судно несколько групп испанских детей, среди которых были и Мануэль с Хоакином.

Справиться с большим количеством детей, которые впервые остались без родителей, было не простым делом. И Элоина оценила помощь Мануэля, хоть он и сам был ещё ребёнок. Мальчишка побаивался девушку, не очень понимая, где она говорит серьёзно, а где шутит, но его непреодолимо тянуло к своей воспитательнице. Он старался быть ей во всём полезным, не обращая внимания на насмешки ребят, решив для себя, что он выполняет наказ отца быть во всём полезным. И она подыгрывала ему, отдавая распоряжения строгим голосом, но вот глаза не слушались и часто выдавали её.

На красивую девушку обращали внимание многие из команды корабля, и это очень сердило мать Элоины. Она наказывала её брату всегда быть рядом и ругала иноземцев, благо они не понимали, что она говорит. А Мануэлю понравились добрые и весёлые светловолосые и светлоглазые люди, говорящие на непонятном чужом языке, в котором слышалось шуршание и шелест листьев. Там, в далёкой стране, он научится понимать этот язык, говорить на нём, но произнести, так как они, «тише, тише, малыши», у него не получится никогда. Моряки вкусно кормили всех ребят и даже не наказывали их, когда те залезали в неположенные места, но Мануэлю с Элоиной не просто было справляться с шумными и непоседливыми ребятами весь их долгий путь.

В тот первый день на корабле они с большим трудом собрали и разместили всех, после того как помыли и накормили.

— Ну, всё, Мануэль, иди и ты отдыхать, — скомандовала девушка.

И он покорно пошёл к Хоакину, который, как всегда, хныкал в углу, держа в руках узелок со своими вещами. Он уложил его и прилёг рядом. Как будто издали доносились обрывки речи, которую он не понимал, но понимать теперь будет необходимо. Веки тяжелели и слипались.

— Совсем сморило мальчишку.

— Да, хороший, шустрый пацан. Всё время помогает малышам.

— Наш теплоход в Одессу?

— Нет, мы идём в Ленинград.

«Ленинград...» донеслось до улывающего сознания Мануэля. Он слышал это имя. Это город Ленина. Значит, он будет жить там. Отец любил Ленина, а мама нет.

...Его берёт за руку незнакомый усатый дядя. Он стоит на высокой веранде, вдалеке виднеются горы.

— Это — Ленинград? — спрашивает Мануэль.

— Нет, мальчик, это Грузия, моя родина. В Ленинграде холодно, а в Грузии тепло. Тебе тепло, не правда ли?

Да, ему тепло, но что-то щемит в груди, и на губах солёный вкус морской воды.

Теплоход плывёт навстречу его новой Родине.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕВЕРНАЯ ВЕНЕЦИЯ

Бесконечное сине-серое тревожное море, долго-долго то шептавшее, то оглушительно рокотавшее свою монотонную увертюру, вдруг как-то неожиданно оборвалось разноцветьем берега. И пассажирам корабля показалось, что они снова плывут по морю — волнующему, яркому, излучающему радость и свет. Элоина даже зажмурилась от неожиданности. «Так вот ты какой, Советский Союз! Ты ждал нас, ты рад нашему приезду...»

На берегу улыбающиеся лица, цветы. Ожидание неизвестного сменилось радостью и необычайным воодушевлением. Девушка тормозила брата и мать, которая оставалась спокойно-безразличной. Под ногами крутились пронзливый мальчишки, и юная воспитательница не сразу вспомнила, что нужно снова быть собранной и выполнять свои обязанности. На помощь ей пришёл Мануэль. Он строил ребят парами и передавал морякам, которые бережно сводили малышня по трапу.

И снова были волнения, ведь их стали распределять по разным местам. Элоина боялась, что мама и брат окажутся не вместе с ней. Брату нужно было учиться в школе, и он с нетерпением ждал этого. Элоина поддерживала рьяное желание брата, но сама она учиться не хотела. «Выберу какую-нибудь интересную профессию и буду работать», — думала она. К счастью, её не стали разлучать с матерью, разместили в общежитии вместе. Мелькиадеса и ребят постарше ждал организованный для них в Ленинграде «Дом испанской молодёжи» (его со-

кращённо называли ДИМ). Здесь они должны были жить, учиться, поводить досуг. Для младших детей, в основном из Астурии, были открыты несколько детских домов в Ленинграде и в пригородах. Остальные, прибывшие из других районов Испании, отправлялись по всему Советскому Союзу.

Мануэль с Хоакином попали в детский дом, который располагался на Тверской улице. Здесь же должна была работать и мать Элоины, хоть эта радостная для дочери перспектива саму Рамону и не очень устраивала. В том не было ничего удивительного: женщине, долгие годы занятой лишь собственной семьёй, трудно привыкнуть к совершенно новому образу жизни.

А Элоине казалось, что она как будто попала в сказку. С первого же взгляда она влюбилась в удивительный город, который носил имя Ленина, и в его жителей, а заодно полюбила и всю страну, которая так гостеприимно распахнула для них двери. Впечатления первого её дня на ленинградской земле не стёрли потом никакие ни радостные, ни трагические события. Она смотрела во все глаза в окно автобуса, везущего их к новому месту жительства, и удивлению её не было конца.

— Мама, мама, посмотри какие красивые дворцы, какие интересные мосты, набережные. Этот город похож на Венецию. Нет, он даже красивей! Посмотри, посмотри, мама, — теребила она Рамону. — Мы как будто попали в сказку. Так вот он какой, город Ленина!

— Не Ленина, а Петербург, — поправила её мать.

Сидящая рядом с ними переводчица, девушка-француженка, наклонившись к испанкам, прошептала.

— Не советую обсуждать эти вещи. Хорошо, что нас никто не понимает, но всё-таки название «Петербург» понятно и без перевода. Если меня спросят, придётся как-то смягчать ваши слова. Вам здесь жить, так что надо приспособливаться, тем более, что встретили нас так хорошо. Да и вообще-то, мне кажется, здесь достаточно интересно.

— Неужели, Мари, ты так считаешь? — удивилась Рамона.

— Конечно.

— Ну а мне бы хотелось поскорей вернуться домой, в Хихон.

— А я из Бордо, но Ленинград очень впечатляет, поэтому торопиться с отъездом домой не буду. Мне предложили сопровождать группу ребят в южный регион, наверное, соглашусь.

— Вы думаете, всё не так уж плохо? — тихо проговорила женщина.

— Вне всяких сомнений, особенно для вас. Переждать войну здесь гораздо безопаснее. Ведь когда-нибудь она закончится. «No pasaran»!

На боевой клич сразу откликнулись ребята и даже взрослые русские, сопровождавшие их. Через некоторое время они уже размещались в просторной светлой комнате, но жить должны были не одни с матерью, а ещё с двумя женщинами. Элоину, давно мечтавшую о жизни коммуной, это несколько не смутило, и матери пришлось с этим смириться, а кроме того, уже на следующий день отправиться в особняк на Тверской и помогать в столовой кормить ребят.

Элоина стала ходить в вечернюю школу, организованную для них. Ей не терпелось поскорей выучить русский язык, чтобы можно было свободно гулять по этому прекрасному городу.

Сколько любимых уголков появится у неё здесь, когда она будет бродить под шелест листопада или в морозный день, подставляя лицо снежинкам или прячась в тени развесистых деревьев, и даже под дождём, шлёпая резиновыми ботинками на каблучках по лужам... Но это будет потом, а сейчас, в свой первый месяц, она усиленно учила язык, который казался ей ужасно трудным, а некоторые буквы и буквосочетания просто непроизносимыми. Она бегала в гости к маме на её работу, где ребята жили в хороших условиях и учились на испанском, чтобы не забыли родной язык. Там их вкусно кормили — правда, не очень привычной для них пищей.

«Но разве стоит на это обращать внимание? Здорово, очень здорово, что мы приехали в Советский Союз. Всё здесь интересно, весело, задорно. Особенно на фабрике, где работают молодые девушки — вышивальщицы. Я тоже обязательно буду вышивальщицей, — думала Элоина. — А завтра замечательный праздник — Октябрьской революции, и мы вместе с русскими братьями пойдём на демонстрацию. Жаль, что отец не с нами».

Воспоминания об отце омрачили её радостное настроение. Вести из Испании были неутешительны. Но в конце 1937 года надежды всё ещё не покидали республиканцев. Они верили в свою победу, надеялись на русских братьев, которые им помогут, а особенно — на советских лётчиков, которых они считали своими главными защитниками.

На другой день, прислонив нос к прохладному оконному стеклу, она с изумлением рассматривала белую снежную улицу с яркими красными мазками от флагов и транспарантов. Всё это показалось ей изумительно красивым.

А потом они шагали по Дворцовой площади, кричали вместе со всеми странное русское «Ура!». Кругом были улыбающиеся лица, и ей было тоже очень весело. Грустным мыслям не осталось места — она была уверена, что такая огромная и сильная страна не оставит в беде её любимую Испанию и поможет разбить проклятых алеманос. Элоине казалось, что вся эта огромная толпа народа здесь, на этой площади, слилась в нечто единое, которое нельзя разъять. Как будто кто-то неведомый вдохнул в них единую жизнь, единое дыхание, мысли, чувства, слова. Они радуются и ликуют, и она, девчонка из далёкой Испании, тоже маленькая частичка этого целого, она сопричастна к этой общей радости и ликованию.

— Товарищ испанка, поддержите, пожалуйста, флаг, я завяжу ботинок.

Элоина не сразу понимает, что молоденькая светлоглазая девушка обращается к ней, но взгляд и жест лучше слов всё ей объяснили. Она радостно закивала, принимая из рук драгоценное красное полотнище на деревянном, отполированном до блеска древке. Испанка терпеливо ждала, когда девушка завяжет шнурки, чтобы попытаться задать вопрос: как та угадала, что она не русская? Но девушка, понимая, видимо, что говорить Элоине ещё трудно, сама сказала ей:

— Я запомнила тебя! Вы же были с экскурсией на нашей фабрике...

И, чтобы убедиться, что испанка понимает её, сделала характерное для швеи и вышивальщицы движение.

— Пася?

Элоина, внимательно посмотрев на девушку, вспомнила стахановку-вышивальщицу Пашу Мордвинову, работу которой им показывали, рассказывая о её успехах.

— Да, да! Я Паша Мордвинова! А тебя как зовут?

— Элоина Менендес.

Они попытались поговорить, но Элоина ещё плохо понимала все русские слова. Митинг заканчивался. Паша, прощаясь, вскинула руку, сжав кулак: «No pasaran!» — и, получив ответный клич и улыбку испанки, помахала рукой и побежала догонять своих подруг.

А Элоина ещё долго в тот вечер размышляла о том, что самое хорошее было бы — работать рядом с такой удивительной девушкой. Она твёрдо решила, что нужно как можно скорее выучить русский язык и начинать работать. Упорство и старательность помогли ей. Уже через несколько месяцев она почти свободно говорила на русском, правда, с характерным испанским акцентом, который сохранился у неё на всю жизнь. Свою мечту она осуществила, но не сразу. До восемнадцати лет ей и её новым испанским подругам пришлось учиться в школе. Только в конце тридцать девятого она пришла на понравившуюся когда-то фабрику «Красная работница», в ту самую бригаду, где работала знакомая ей Паша Мордвинова.

Эти два года были трагическими в судьбе Испании. Рухнули надежды на победу республиканцев. 5 июля 1938 года «Комитет по невмешательству» принял решение об удалении из Испании интербригад. Без их помощи удержать оборону было невозможно. В начале 39-го года Народный фронт распался, а столица Испании оказалась в руках предательской хунты обороны, которая 28 марта сдала Мадрид. На город наступали четыре колонны, с которыми сражались республиканцы, — хунта оказалась пятой. С тех пор слова «пятая колонна» стали нарицательными, означающими предательство. К 1 апреля вся территория республики была занята франкистами. Испания захлебнулась кровью. Двести тысяч испанских антифашистов были расстреляны, два миллиона брошены в тюрьмы. Франкисты с лихвой отомстили за свои потери, за красный террор местных мильянос (народных ополченцев), уничтоживших за годы гражданской войны семь тысяч лиц духовного звания. Этот факт был одним из самых важных аргументов, подогревающим ненависть ко всем республиканцам, а особенно к баскам и астурийцам как наиболее верным революционным идеям. Лишь немногим взрослым удалось скрыться, по горным дорогам перейти границу с Францией или уплыть на маленьких рыбацких кораблях. Верные своей идее, проклиная предавших их генералов, антифашисты сражались до последнего. А вот детей вывозили от обстрелов и весь 38-й год. Но теперь корабли, приходящие в ленинградский порт, уже не встречали цветами и овалциями. Их разгружали поздними вечерами или ночью и, спешно рассортировав драгоценный груз, отправляли детей по разным детским домам.

Когда детский дом на Тверской пополнялся очередными беженцами, мать Элоины приходила домой с работы темнее ночи. Её надежды на скорое возвращение домой уходили в небытие. Элоина тоже пере-

живала, но не столь трагически. Она пыталась утешить мать, но та всё больше мрачнела и замыкалась. А Мелькиадес был абсолютно уверен, что события, которые помогут освобождению его родины, еще впереди. Они не заставили себя ждать, хоть сначала и принесли разочарования испанским республиканцам.

Тридцать девятый год был очень сложным и для Советского Союза. После долгих и бесплодных попыток заключить военную конвенцию с Англией и Францией, СССР, чтобы обезопасить своё будущее, подписал пакт о ненападении с фашистской Германией. Договор этот больно ударил по мечте об освобождении Испании. Но когда 1 сентября Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война, у испанцев вновь появилась маленькая надежда.

Всем было ясно, что война СССР с фашистской Германией была не за горами. А пока хитроумные генералы с той и другой стороны ломали головы над картами и донесениями разведчиков, Страна Советов продолжала жить мирной жизнью.

В конце 39-го года Элоина пришла на свою первую смену в цех, и уже через несколько месяцев она самостоятельно вышивала сложнейшие узоры на таком тончайшем материале, как шифон. Вместе с ней в бригаду к Паше пришли другие девушки-испанки, но никто не работал так хорошо, как Элоина. Именно на неё показал мастер шустрому пареньку-фотокорреспонденту и сказал, что она самая достойная. И вот уже её фотография красуется в газете «Смена», и каждый день ей приносят горы писем из редакции. И снова статьи в газете про неё и про эти письма.

Элоине приятно получать письма, а вот ответить всем не успевает. Но одно письмо особенно удивило. Оно было написано по поручению бойцов-артиллеристов, а главное, очень уж понравились в нём незатейливые поэтические строчки:

«Элоина Менендес, ваши дивные глазки
В наших мыслях нашли постоянный приют...
Мы заменим Вам солнце Испании лаской
За примерный, искусный стахановский труд».

Кому из женщин во все времена, а тем более в девятнадцать лет, не будет приятно получить в подарок стихи? «На это письмо надо обязательно ответить и оставить его на память», — думает Элоина. Все вечера она сидит, разбирая очередную корреспонденцию, сортируя и раскладывая её в разные кучки.

— Элла, дочка, ты совсем запуталась в этих своих русских женихах.

— Почему ты считаешь, что все они русские? Вот этот, который написал стихи, совсем и не русский. Мне сказали, что грузин, потому что фамилия его Любошвили. В Советском Союзе много разных народов, не только русские. Ты у меня мама тёмная.

— Что значит тёмная? Ты, по-моему, тоже не светлая, то есть не блондинка.

— Тёмная, мама, это значит не очень грамотная. Так русские говорят.

Элоина весело рассмеялась и чмокнула мать в щёку.

— Ты лучше послушай, что я написала ему в ответ.

Элоина берёт в руки письмо и читает его матери на русском языке, так, как она написала.

«22 ноября 1940 года. С первых же строчек, плохо написанных, шлю горячий антифашистский привет вам, героическим бойцам Советского Союза, которые с таким энтузиазмом и жаром защищают свою Родину, вызывающую восторг в целом мире. Я горжусь, товарищи, тем, что даю небольшой продукт своего труда славной советской стране, которая с такой любовью и лаской приняла нас. Кроме того, я счастлива сотрудничать с нашими русскими сёстрами, которые, вспоминая о жуткой трагедии, постигшей Испанию, окружают нас лаской и заботой. Когда вы в холодные дни жестокой зимы отдавали ваши жизни на фронтах Финляндии во имя освобождения угнетённых народов, мне вспоминались мои шестнадцать лет, когда я вносила свою маленькую лепту для спасения независимости моей родины. А сейчас я приложу все силы к тому, чтобы делом своим помогать вам. Заканчивая своё письмо, я хочу пожелать вам, чтобы благодаря вашей доблести и самоотверженности никогда бы не открывались замки ваших границ, даже если вашей кровью увлажнятся советские поля. Я мечтаю, чтобы вы освободили все народы, которые находятся в когтях врага и ждут своего освобождения. Дочь испанского народа, живущая бок о бок с вами, готовая в любой момент защищать вашу славную Родину, Элоина Менендес».

Элоина поднимает голову и вопросительно смотрит на Рамону.

— Ну как, мама?

— Написано красиво, дочка, но как будто и не про войну. «Увлажнять поля кровью» — это же страшно. И тоскливо у меня на душе, ночами Хихон снится. Кажется, никогда я его больше не увижу.

— Мама, этого не может быть. Идёт война. И она обязательно закончится нашей победой. Я уверена, что Советский Союз в стороне не сможет остаться.

Женщина потрепала свою любимую неугомонную дочку по голове.

— Сдаюсь, сдаюсь. Ложись спать, грамотейка. Меня ведь, доченька, волнует сейчас другое — то, что ты пошла работать на фабрику. Разве это перспектива для девушки из приличной семьи? О таком ли будущем я для тебя мечтала? Ох, Селедонио! Натворили бед со своими революциями. И ведь жили мы нормально, не нищие были.

— Ладно, мама, не ворчи. Ложусь я. И папу не ругай. Как он там? Сама ведь переживаешь о нём.

— Муж он мой, от бога муж. Тебе пора это понимать, девочка.

Вспомнив о далёкой совершенно недостижимой родине, они легли спать. Мать, как всегда, ещё долго ворочалась, вздыхала, но, постепенно, прислушиваясь к ровному дыханию дочери, заснула и сама.

А девушке снился интересный сон. Он шла по аллее Летнего сада навстречу Аполлону. Белые пушинки кружились над его красивой головой и погонами закрывали его мужественные плечи. Она потянулась, чтобы стряхнуть снег, а он взял её за руку и привлёк себе. И его мраморный торс почему-то был тёплым, и ей очень неудобно было смотреть на него, а особенно на нижнюю часть тела, ведь он был обнажённым. А он засмеялся и сказал: «Ну что ты стесняешься, дурочка, ведь я твой муж».

А утром за окном кружил белый снег, и она была рада, что кончилась слякоть. И совсем не хотела вспоминать свой сон, потому что представлять при свете дня этого Аполлона, то ли мраморного, то ли живого, было ей очень стыдно. Она шагала на работу по хрустящему снегу, напевая на ходу любимую астурийскую мелодию. А когда она сидела за своей работой и по пунктирной линии рисунка бежала игла, ей казалось, что и машина тихо пела ей эту же песню.

У неё всё хорошо. Она живёт в прекрасной стране. Она трудится на благо этой страны. Она стала стахановкой. Её уважают и любят на её новой родине. И ею непременно будет гордиться её отец.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Такое тихое, спокойное и расслабленное утро бывает только по воскресеньям. «Буду спать, сколько влезет. Отосплюсь за всю неделю», — думает Элоина. «И здорово, что мама не пристаёт к ней, как дома в Хихоне, поднимая спозаранку на воскресную мессу. Здесь такие походы не только не обязательны, а даже осуждаемы. Как это сказала вчера Паша? А, да: религия — опиум для народа. Думаю, это не совсем так. Кто, как не Господь, помогает мне? Но ведь к нему обратиться можно везде. Зачем для этого вставать так рано?» — успокоила она себя, переворачиваясь на другой бок. Соблюдать все церковные ритуалы ей никогда не нравилось. А теперь для этого была веская причина — осуждение её новых русских подруг.

Элоина ещё немного потянулась в постели, но привычка вставать в одно и то же время одержала победу, и она окончательно проснулась. Вечером вместе со своей бригадой она должна была идти в Александрино на новый спектакль. Билеты им дали в профкоме бесплатно — как победителям социалистического соревнования. Но впереди был целый день, уйма времени, а значит, можно сходить в гости на Тверскую и навестить ребят, с которыми она приехала. И ещё ей непременно нужно повидаться с братом, которого она давно не видела. Мелькиадес с таким удовольствием окунулся в учёбу и занятия спортом, что почти не бывал у них в общежитии. А сегодня, ей об этом сказала мама, он хотел прийти на воскресный обед в детский дом, так как там среди воспитанников проводилось соревнование по акробатике. «Сегодня у нас получится настоящий семейный обед, так что надо собираться, да побыстрей», — дала она себе команду.

Дом на Тверской встретил Элоину радостным гомоном детских голосов, знакомыми, родными ей лицами. Ребята окружили свою бывшую воспитательницу и стали её поздравлять. Они уже знали о её успехах и гордились ею. Как же, ведь она их соотечественница! А теперь её знает вся Страна Советов. Она — стахановка! Ребята теребили её, приставали с расспросами. Ей, конечно, это было приятно, но хотелось побыстрей увидеться с Мелькиадесом.

— Элла! — окликнули её из-за спины.

Она обернулась навстречу широкой улыбке Мануэля. За три года из нескладного тринадцатилетнего мальчишки он превратился в подтянутого, спортивного юношу.

— Ты пришла посмотреть на наши соревнования?

— Конечно, как я могла пропустить такое событие? Ты ведь тоже будешь выступать?

— Да. Наша команда — из пяти акробатов. Болей за нас.

— Непременно!

— Ой, Элла, я забыл тебя поздравить. Ты ведь у нас теперь знаменитость. Стахановка!

— Спасибо, Маноло. Меня сейчас все поздравляют и письмами засыпали, не успеваю отвечать.

— Но это же хорошо. Пойдём в спортзал. Я видел там Мелькиадеса. Он спрашивал, не пришла ли ты.

— Да, Мануэль, идём, а то я отсюда никак не выберусь, — и она с улыбкой посмотрела на малышню.

— Понятно, — кивнул Мануэль. — Эй, ребята, марш в спортзал, соревнования сейчас начнутся! — прикрикнул он на детей.

Толпа моментально рассеялась. Элоина с Мануэлем вошли в просторную комнату, приспособленную для выступления. В переполненном шумном помещении девушка не сразу увидела брата, но он сам протиснулся к ней.

Выступало несколько коллективных команд. Болельщики дружно и громко поддерживали свои команды. Пирамиды, выстроенные акробатами, были сложными и красивыми. Тренировки в спортивных секциях не прошли даром, ребята делали успехи. После соревнований все пошли на обед в столовую. К ним снова подошёл Мануэль, довольный и счастливый, — ведь его команда заняла первое место.

— Маноло, садись с нами. Сейчас мама принесёт обед, — пригласил его Мелькиадес.

Мануэль в нерешительности замялся, ведь он сидел за другим столом с ребятами.

— Садись, садись, победитель! — притянула его за руку Элоина.

Густой румянец покрыл щёки Мануэля. Словно старая его симпатия к этой девушке снова выскочила неожиданным предателем из глубины сознания, с головой выдавая его. Но он присел рядом. К их столу подошла мать брата и сестры, неся на подносе ароматную вкусную еду.

— Быстро не уходите, подождите, пока я всех накормлю, — сказала она.

За разговорами о спорте, о выборе профессии, о стахановском движении время пролетело незаметно. Единственное, о чём они не хотели говорить, — это о том, как там, в Испании, их отцы. Вести с родины приходили с каждым днём всё страшней: многие из тех, кто воевал за республику, или расстреляны, или сидят в тюрьме. Эти неутешительные новости приносили те, кто пробрался через Пиренеи и смог попасть в Союз.

Столовая опустела, ребята расходились по комнатам, и Мануэль тоже с ними попрощался. Когда он ушёл, Мелькиадес улыбнулся сестре.

— Эх, сестрёнка, чувствую я, не дождёшься ты, когда Маноло подрастёт. А ведь жених был бы хороший.

- Ты, Мелькиадес, придумываешь невесть что. Больше мне делать нечего, как с малышкой возиться!
- А хорош малыш, видел, какой здоровенький. И силен, стоит всё нижним.
- Это вы про кого? — подходя к ним, спросила Рамона.
- Да про Мануэля я, мама. Вот, говорю, жених хороший для Эллы. Он в неё с 37-го года влюблён, я-то уж точно знаю.
- Mam, ну что он глупости болтает!
- Ладно, дети, угомонитесь, давно не виделись. Мелькиадес, расскажи лучше, как твоя учёба.
- Мама, ну ты же знаешь, что тут для меня проблем нет. Ты ещё будешь мной гордиться, твой сын будет профессором.
- Горе вы моё, профессора-стахановцы! Что-то сегодня беспокойно у меня на сердце. Отец ваш приснился, всё прощения у меня просил да говорил, что скоро свидимся.
- Ну, вот видишь, мама, значит, наоборот — всё хорошо. Я знаю, что война эта не обойдёт Советский Союз, несмотря на все их договоры. А значит, русские победят и нам помогут, — стал успокаивать её Мелькиадес.
- Хотелось бы верить, но всё равно как-то тревожно на душе...
- ...Как часто женщины явственно чувствуют то, что ещё только должно произойти, даже не умея это объяснить логически... Они отталкивают от себя свои предчувствия, не придавая им значения, и лишь потом, когда событие уже происходит, узнают, что всё это было им открыто раньше. Зачем? Кто? Это тайна, которая вряд ли до конца будет открыта. Но женщины видят своих умирающих мужей, сыновей, чувствуют их боль, их страдания. Может, потому, что те не просто любимые люди, а часть их естества, их плоти и души.
- И Рамону не обмануло предчувствие. В это самое время её муж Селедонио Менендес умирал в фашистской тюрьме, но узнать об этом она не смогла. Тайна откроется значительно позднее, только её дочери.
- Рамона, помогите, пожалуйста, на кухне, — послышался рядом голос.
- Да, конечно, Анатолий, иду.
- Элоина подняла голову и натолкнулась на пристальный взгляд молодого мужчины.
- Рамона, познакомьте меня.
- Знакомьтесь, это мои дети — Мелькиадес и Элоина.
- Что ж, очень приятно познакомиться с детьми такой добросовестной и старательной работницы, как Рамона.
- Вы даёте лестную характеристику нашей матери, — Мелькиадес пожал Анатолию руку.
- А вы, видимо, тот прекрасный повар, о котором нам говорила мама? — засмеялась девушка.
- А вы, видимо, та прекрасная дочь, о которой говорила Рамона? — вторя ей, сказал парень.
- Почувствовав, что он дразнит её, девушка отвернулась, с досадой подумав: «И что воображает? Ну, красивый, конечно, но у меня сейчас без него выбор большой. Так что гордиться нечего».

- Неужели я вас чем-то обидел, Элла? Я не хотел.
- Зачем мне на вас обижаться? Вот ещё!
- О, мы такие гордые?
- Я астурийка.
- А это что — особые испанцы?
- Астурию никогда не завоёвывали ни арабы, ни франки.
- Вы хотите сказать, что мне не завоевать вашего сердца? А я так мечтаю это сделать.

— Ни фиги! — с каким-то особым, только ей свойственным выражением сказала она очень нравившееся ей русское словечко.

Элоина любила вставлять в свою русскую речь колоритные выражения, которые она перенимала от своего брата, чем удивляла всех своих воспитанных испанских подруг. А сейчас ей вдруг стало неудобно за свою несдержанность, да и мать, глядя на неё, укоризненно качала головой. Девушка, чтобы не выслушивать нравоучения матери, поспешила уйти, объяснив всем, что очень торопится.

Выйдя на улицу, она направилась в сторону Смольного, сначала торопливо, потом всё замедляя шаг. Она сама не понимала, что с ней происходит. Светлые глаза продолжали смотреть на неё, как будто она никуда не уходила, а по-прежнему была там, в маминой столовой, рядом с этим русоволосым красавцем. Она погуляла по Таврическому саду, не спеша, зарывая свои башмачки в рыхлый снег, который сегодня не успевали убирать дворники. Снег легонько поскрипывал, на нос садились холодные снежинки, щекотали лицо. Волнение её постепенно прошло. Горячее негодование на нахального красавца уходило в замерзающие ноги, и она поспешила домой, чтобы успеть понаряднее приодеться в театр.

Вечером, на весёлом спектакле, сидя в красивой ложе, она уже совсем забыла о своих неприятно-приятных впечатлениях дня и в антракте горячо обсуждала с подругами, испанками и русскими, не только игру артистов, но и очередные письма, пришедшие ей и другим девчонкам, с пылкими признаниями моряков, красноармейцев и рабочих.

Прошло несколько недель и ещё несколько выходных дней. Мать, целый день занятая на работе, много раз приглашала её прийти на Тверскую, но Элоина под разными предлогами постоянно отказывалась.

Накануне католического Рождества мать Рамона не на шутку рассердилась на дочь за очередной отказ.

— Что-то я тебя, Элоина, не понимаю. Раньше то и дело бегала ко мне, а сейчас и носу не показываешь. Вот и Анатолий уже несколько раз про тебя спрашивал. Говорит, может, он тебя чем обидел или очень невкусно накормил?

- Вот как! Этот нахал ещё и спрашивает?
- Почему «нахал»? Я этого не замечала.
- А потому, что высокомерный и неприятный тип.
- Мне кажется, он очень культурный и воспитанный молодой человек. Заботливый. Один воспитывает младших сестёр, родители у него умерли.

— О, сколько у него достоинств! А я и не знала, — съехидничала Элоина.

— Нет, дочка, я решительно не понимаю. Дети спрашивают про тебя, завтра сочельник, и непонятно, причём здесь он? Нам и так здесь отме-

чать наш праздник непросто. Конечно, будут красивые новогодние ёлки. Но это их праздник, а не наш. А ведь детям нельзя забывать своё, родное. Мне кажется, ты должна прийти, и не просто, а с подарками.

— Ты думаешь, что меня уговорила?

— Я надеюсь.

...Не зря русские говорят, что утро вечера мудренее. На другой день, торопясь, как всегда, на работу, девушка уже обдумывала, какие подарки купить своим ребятам. Так она мысленно называла детей, с которыми приехала. Она делала это каждый год, никогда не забывала. Видимо, поэтому мать и недоумевала. В этом году знакомых ей ребят в детском доме стало поменьше, некоторые, подрастая, перемещались в другие центры и учебные заведения, готовясь к взрослой жизни. После работы она пробежалась по магазинам и, нагруженная всякой всячиной, отправилась в ставший ей родным дом на Тверской.

Она пришла к ужину. Вся столовая была украшена вырезанными из тетрадки снежинками и разноцветными флажками, а в углу стояла красивая живая ёлка. Воспитатели и преподаватели поторопились с украшениями, хоть открыто и не признавались, что это из-за Рождества.

Дети, как всегда, повисли на ней, ведь им так не хватало материнской ласки, несмотря на то, что все так тепло к ним относились. Официально это был обычный день, но ужин был праздничный. Элоина раздала свои подарки, настрого приказав открыть только утром. Дети отправились спать, а девушка заторопилась домой — завтра снова рано на работу.

— Мама, я не буду тебя ждать, у тебя ещё много уборки.

— Дочка, поздно уже. Может, дождёшься нас с Луисой?

— Нет, так хочется спать. Я устала сегодня.

— Рамона, а разрешите я провожу вашу дочь? — раздался знакомый голос. И, предупреждая строптивницу, добавил: — Разрешите, Элоина, чтобы мама не волновалась.

— Да, Анатолий, проводите, я буду вам признательна, — опередила дочь Рамона.

Элоине ничего не оставалось, как согласиться. Мужчина галантно помог ей одеться, подал руку у выхода на скользких ступеньках. «И правда, воспитанный», — мелькнула у девушки мысль. Первые минуты они шли молча. Девушка держалась отстранённо, с притворным равнодушием, но где-то в глубине маленький червячок глодал её девичье самолюбие оттого, что и парень оставался совершенно спокойным. В последние месяцы она привыкла к восторженным взглядам и похвалам. «И наплевать мне на этого воображалу!» — успокаивала она себя. Но почему-то было не наплевать. От раздражения на саму себя она зашагала быстрее и поскользнулась. Анатолий успел поддержать её.

— Вы ходите в скользких ботиночках. Что, не признаёте нашу национальную обувь — валенки?

— Ну, почему же, у валенок есть много достоинств...

— Держитесь за мою руку, и без возражений.

С валенок и началась их беседа, которая на удивление ей самой потекла ровно и непринуждённо.

— Вам, наверно, трудно привыкнуть к нашей обуви, одежде, еде? — спросил Анатолий.

- Нет, многое мне очень нравится, и зима русская тоже нравится.
- Это интересно, а я думал, что вы замерзаете здесь.
- В Хихоне климат не очень жаркий, это северо-запад Испании. К тому же на берегу океана, поэтому нам, астурийцам, как и баскам, здесь лучше.
- Есть надежда, что вы станете настоящей ленинградкой.
- Мне кажется, что я уже ею стала, но мама говорит, что мы с русскими очень разные.
- Это не совсем так. Наши два народа очень близки духовно.
- Из-за революции?
- Этот факт играет роль, но мне кажется, что искать надо в исторических параллелях. Только два наших народа стояли веками между Западом и Востоком, сдерживая столкновение этих двух цивилизаций. Пережили завоевание своих территорий: мы — татаро-монголами, а вы — арабами. Выстояли, освободились. Культуры наши впитали и западные, и восточные традиции, поэтому они такие своеобразные. А отсюда и особый дух, как русского, так и испанского народа.
- Значит, мама неправа?
- Не совсем. Разницу накладывает религия. Мы православные, а вы католики. Правда, сейчас про религию лучше не говорить. Она ведь «опиум для народа», — усмехнулся он.
- О! На религию мне наплевать. Мне кажется, разницы никакой для бога нет, если он, конечно, есть. Как ты думаешь?
- Тут надо подумать хорошенько, — уклонился от прямого ответа Анатолий.
- Элоина, вспомнив громкие споры своих новых подруг, решила не продолжать дальше.
- Идти было не близко, почти час, и за это время тонкий невидимый мостик уже крепко связал их. От руки Анатолия к ней шло неведомое ей доселе тепло, которое грело где-то изнутри и даже выходило от неё, как будто от излишества, наружу ярким, совсем не связанным с морозом румянцем. У крыльца он попрощался, предварительно спросив, а не согласится ли она встретить Новый год вместе с его семьёй.
- Подумаю, — неожиданно для себя самой произнесла Элоина и опять сама на себя рассердилась, встретившись с глазами улыбающегося молодого мужчины.
- Ворочаясь в кровати и вздыхая, как иногда вздыхала её мать, она долго не могла заснуть. Даже помолилась, вспомнив, как это делала раньше. Потом решила загадать рождественское желание. Но желания не шли на ум, а перед глазами снова и снова стоял Анатолий. Она поздравила себя с Рождеством и наконец уснула. Ей снилось что-то приятное и красивое, но утром она отряхнула свой сон и тут же его забыла.
- В выходной Элоина отказалась от воскресной прогулки с подружками, которые собрались покататься на лыжах и застаться к Новому году сосновыми ветками. Ноги сами повели её туда, где она снова могла встретиться с полюбившимися ей глазами. Эти глаза смотрели ласково и, как ей теперь казалось, совсем не нахально. Она уже ждала, когда ей

снова предложат проводить её, и та минута показалась ей самой счастливой, а воскресенье самым прекрасным из всех, которые были у неё здесь, в Ленинграде.

А потом она встречала Новый год, загадывала желания и была уверена в том, что этот, 1941-й, будет для неё самым счастливым...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РОДНОЙ ДОМ

У каждого человека должен быть родной дом. И это не просто место, знакомое с детства. Там всё совершенно не такое. И даже если это всё — самый обычный дом или квартира, лучше их нет ничего в мире.

Неприметная для чужого глаза мелочь кажется абсолютной ценностью. Ты, задумавшись, протягиваешь руку, чтобы взять то, что всегда было рядом с тобой, то, к чему ты привык: ручку, чашку, подушку, да и мало ли что ещё! Все эти вещи так естественно вписывались во все уголки твоего большого или маленького дома.

Родной дом — это дорогие тебе родные люди. Там, с близкими тебе людьми, ты всегда остаёшься самим собой. Несмотря на все твои недостатки, ты дорог и любим. «Мой дом — моя крепость».

Если у тебя нет дома — как будто почва выбита из-под ног. Ты как щепка в бурном потоке жизни. И ты мечтаешь только об одном — найти то единственное место на земле, которое ты зовёшь родным домом. И, задумавшись, представляешь царапинку на потолке, куда попал стрелой из самодельного лука; или старую цветочную вазу с отбитым краешком: когда-то ты уронил её; или светлое пятно на обоях из-под упавшей рамочки, в которой была фотография твоей мамы.

И ещё ты обязательно вспоминаешь родные запахи: цветов или пряностей, пшеничного пирога или щей, — и неповторимый запах самого дорогого и близкого тебе человека — твоей матери.

Можно ли было назвать родным домом то место, где жил теперь Мануэль?

Его окружали заботливые люди. Он ни в чём не нуждался. У него были и одежда, и еда. Он занимался акробатикой — самым любимым спортом. Даже учиться он мог на родном языке. Но он очень тосковал и по ночам видел сны, в которых бежал по знакомой тропинке возле своего дома в Хихоне. Иногда он просыпался оттого, что на плече у него лежала рука отца или его щеки касалась прядь волос матери.

И он долго не мог заснуть. Лежал с открытыми глазами, смотрел в окно, за которым сквозь ветви деревьев проглядывало синее небо и где-то вдалеке мерцали звёзды. Они были здесь не такие яркие, как в его родной Испании. А чаще всего их вовсе не было видно из-за серых непроницаемых туч. И ещё в этом городе очень часто шёл дождь. Но как-то незаметно для самого себя он полюбил этот город — город Ленина.

Прошло три года, и понемногу отступали воспоминания о войне. Она стала казаться чем-то далёким и нереальным, лишь изредка напоминая о себе во время приездов к ним гостей — их взрослых со-

отечественников. Но и участники прошлых сражений — герои республиканцы не очень любили вспоминать о прошлом, слишком больно это было. Они привозили гостинцы, играли с ними в мяч, пели песни на родном языке. Гости старались окружить их домашним теплом и лаской. Воспитатели и учителя тоже заботились о них, как о своих детях, приветливы и внимательны к ним были все, кого они встречали за стенами детского дома.

После падения Республики мечты о быстром возвращении уступили место реальной прозе жизни. В начале их приезда руководители и преподаватели-испанцы были против общения своих маленьких соотечественников с русскими, из-за боязни, что они забудут родной язык. А теперь подросшим детям нужно было выходить во взрослую жизнь, осваивать какие-то профессии, вливаться в русские коллективы. Нужно было привыкнуть к мысли, что теперь это их новая родина, — не хотелось думать, что навсегда, но, по всей вероятности, надолго.

Над детским домом шефствовали моряки Кронштадта, курсанты военно-морского училища и рабочие «Электросилы». Ребята ходили на экскурсии не только по городу, но и на заводы, присматриваясь и выбирая себе будущую профессию. Здесь, в Ленинграде, в основном жили дети из потомственных семей корабелов Хихона, горняков Овьедо, металлургов Бильбао. И стремились они, как правило, выбирать рабочие профессии.

Дети-испанцы стали настоящими ленинградцами. Они жили жизнью этого прекрасного города. Занимались в спортивных, драматических, хореографических кружках районного Дома пионеров, тренировались в спортивных секциях и на стадионах. Их баловали: перед ними были открыты двери лучших театров и музеев, перед ними выступали лучшие писатели, поэты, артисты, спортсмены, и не только города на Неве.

Мануэль не на шутку увлёкся акробатикой. Недалеко от них был хороший спортивный зал, где он тренировался со своим другом Луисом. Оба делали успехи, и тренер говорил, что они перспективные спортсмены. Мануэль за эти три года возмужал: был широкоплечий, мускулистый и очень выносливый. Его часто ставили в нижнем ряду пирамиды, и он спокойно мог удержать на себе по нескольку человек. Тренировался упорно и ежедневно, не то что Луис, который старался поскорее убежать с тренировок в свой любимый драмкружок.

В спортзал приходило много ребят с разных концов города, и занимались они в разных секциях. Многие после своих занятий оставались посмотреть акробатику. Это был модный вид спорта. Мануэль заметил, что один паренёк каждый день наблюдает, как они строят пирамиды. Он спросил его:

— Что, друг, нравится?

— Да, только меня не берут в вашу секцию, плохая физическая подготовка.

— Не беда! Если хочешь, я помогу тебе.

И с этого дня Мануэль стал с ним заниматься, оставаясь в спортзале ещё на час.

Постепенно они стали хорошими друзьями. Сергей, так звали нового знакомого, был младше его на два года. После тренировок они часто

ходили домой пешком. Как правило, Мануэль провожал Сергея, а потом шёл к себе, а иногда заходил к нему в гости, где его встречали, как родного. Особенно Мануэлю нравилась бабушка Сергея. Завидев его, она, радостно всплеснув руками, торопилась на кухню и обязательно старалась сунуть ему то тёплый душистый пирожок, то плюшку с маком или ещё какие-нибудь сладости. Мануэль всегда отказывался:

— Да не голодный я!

Но спорить было бесполезно.

— Бери и ешь, пирожок тёплый, только испекла. Пирогоми-то вас, наверное, не кормят?

— Не беспокойтесь, Надежда Петровна, нас хорошо кормят.

Мануэль удивлялся про себя: «Странные они, эти русские, сами ведь очень скромно живут, гораздо скромнее, чем его семья дома, да и здесь их детский дом на особом положении, но все их жалеют, все стараются им что-то сунуть из еды».

— Нет, нет, раздевайся, поешь, — хлопотала бабушка Сергея. — Всё равно кормят не как дома.

— Да, дома была другая пища.

— Мануэль, расскажи про Испанию, — тут же приставал Сергей. Его очень интересовала жизнь этой страны и всё, что происходило в Испании в период революции. Такие расспросы были Мануэлю в тягость, он не хотел ворошить былое, а особенно вспоминать войну. Было больно думать о том, где теперь его революционер-отец, где его гордая аристократка-мать. Ни одной весточки он не получил от них после падения Республики.

Он жил в Советском Союзе — стране, которая во многом, особенно для испанских коммунистов, была примером. Он видел, как рабочие гордятся своей страной, хоть живут и небогато. Во время экскурсий на предприятия он наблюдал, как скромно одеты рабочие, как скудно питаются, а встречаясь с русскими школьниками, он также убеждался в непритязательности и их жизни. И постепенно стал понимать, что сытая и беспечная жизнь в детском доме была организована не от богатства, а от желания поддержать и помочь.

Наблюдательный, пытливый юноша внимательно вглядывался в окружающую его жизнь. То, что до изобилия при коммунизме, о котором говорил его отец, ещё очень далеко, он разгадал очень быстро. Но он уважал стремление полюбившегося ему народа упорным трудом достигнуть желанной цели. Когда он видел весёлые лица идущих с работы рабочих, улыбающихся шефов-моряков, которые, засучив широченные клёши, азартно мыли их детский дом на субботниках, приучая к этой не очень интересной работе воспитанников, у него теплело на душе. Отец с детства привил ему уважение к труду, и здесь самым хорошим для него было то, что уважали человека труда. Но они жили не в полной изоляции, некоторые события больно отзывались в его сердце и заставляли вспоминать слова матери, которые она говорила отцу перед отъездом.

Испанцы не очень осуждали репрессии, которые обрушились на высокие чины в Советской Армии и на крупных партийных руководителей. Предательство собственных генералов и некоторых членов их

республиканского правительства было для них показателем того, что русские поступают правильно. А разобраться в то время, враги ли эти люди, не могло большинство и советского народа, который безоглядно верил в «честь» и «совесть» своей партии. Но вот когда страдали от простых нелепостей те, кто был рядом, возникал протест, который, конечно, не всегда могли открыто высказать, но от этого было ещё больней. Среди испанцев пострадало всего несколько человек. Если сравнивать это с масштабом того, что происходило тогда, то кажется, что это сущие пустяки. Но для детей, потерявших и родных, и родину, новая потеря близких им людей была страшным ударом.

Когда становилось особенно плохо, как сегодня, для Мануэля спасение было в одном — спуститься в подвальную квартиру к их дворнику дяде Якову. Посидеть с ним, послушать его бесконечные рассказы, в которых было трудно разобрать, где правда, а где сплошной вымысел.

— Ну, заходи, заходи, Маноло. Что-то ты сегодня очень мрачный. Случилось что?

— Дядя Яков, как ты считаешь, наш учитель Николас вернётся к нам?

— А разве он ещё не вернулся?

— Нет, он сначала перестал преподавать, а потом его увезли в Москву. Но ведь я точно знаю, что он верный антифашист. Он случайно бросил мел в портрет Сталина, не специально. У него был тяжёлый день, сообщили, что его старший брат погиб, он был расстрелян ещё в 39-м. А письмо от его друга, которому удалось перейти Пиренеи, пришло только сейчас. Он объяснял нам, писал на доске, и у него сломался мел. А он так нервничал, вот он и швырнул обломок, не глядя.

— Я думаю, Маноло, во всём обязательно разберутся.

— Ты, уверен?

— Конечно, мой мальчик.

Мануэль не стал больше ничего спрашивать, понимая, что лучше промолчать. Но вопросы, на которые он не находил ответа, у него возникали всё чаще. О случившемся знали только ребята. Значит, кто-то донёс? А разве так можно — доносить на любимого учителя, да ещё меняя смысл произошедшего? Вспомнился случай со знакомой ему девушкой, она была подругой Элоины. Тоже арестовали по доносу, и Элла даже знала, что донесла на неё их общая знакомая, которая была влюблена в русского парня, а он почему-то стал ухаживать не за ней, а именно за той девушкой. Вот и оговорила она свою подругу из ревности. Разве в этом нельзя было разобраться? Почему ни в чём не виновный человек должен кому-то доказывать свою невиновность? Значит, и в этой стране, которая должна быть примером для всего мира, нет справедливости?

От этих мыслей было так горько, что он не сразу понял, о чём на этот раз рассказывает ему их начитанный дворник.

— Какой веник, дядя Яков?

— Да ты меня не слышишь, сынок. Рассказываю я, слышал ли ты такую сказку?

— Нет, расскажи.

— А вот. Жили вместе несколько братьев. Вместе и поле пахали, и хлеб вкушали, и землю свою обороняли. Соседи их уважали, да и побаивались — никто на их владения не покушался. Да только захотелось братьям быть самостоятельным врозь. Отца своего не послушали, каждый свой надел взял. Лето жаркое было, засушливое. У трёх братьев и у отца в низинке хороший урожай был, а у других на возвышенности почти всё погорело. Те, кто без урожая, помощи просят. Но братьям жалко: «Моё, — говорят, — не дадим». Отец, конечно, спас сыновей от голода. А на другой год, как пошли дожди хлестать, в низинке-то всё и вымокло, и те, кто на высоких местах, на высоте и оказались. Да не хотят они с братьями делиться, как отец ни уговаривает. «Тебе дадим, а им нет». И вот тут прознали злые вороги про урожай братьев, решили разорить их. Напали неожиданно. Бьются братья, кровью истекают... Послали дочурку одного гонцом к другим братьям. А те: «Ещё, мол, чего! Как нам помочь — так нет, а тут иди кровь свою проливай». Надевает на себя доспехи старый отец, кряхтит. Сжалились над ним сыновья. «Ладно, отец, сиди дома, поможем им ради тебя». Все вместе и победили врагов. Собрал их тогда отец и говорит: «Сыновья, видите у меня в руках веник? Попробуйте сломать его». Каждый из сыновей, какой сильный ни был, не смог сломать крепкий большой веник. «А теперь»? Отец развязал веник и каждому дал по прутику. Что и говорить, сломать ничего не стоило.

Понял сказку, Мануэль?

— Конечно, понял, дядя Яков. Нужно быть вместе. Спасибо тебе, пойду я.

— Ну, иди, иди, сынок.

Отлегло немного на душе у Мануэля, надежда появилась, что снова вернётся их учитель Николас. А вот над сказкой дворника дяди Якова он долго размышлял. «Понятно, — думал он, — помогать друг другу нужно, врага разбить тоже можно только вместе. И наша война это показала, и войны других народов. Но вот он говорит, что отец просил жить братьев вместе. А как вместе? Я бы тоже хотел, создав семью, уйти от родителей, строить свой дом. Конечно, это только сказка, но она ведь к чему-то призывает. А к чему? Как сделать, чтобы и вместе быть, и своё, собственное иметь? Я не хочу жить в детском доме, хоть здесь и хорошо. Я не хочу жить в общежитии. Я очень хочу иметь свой родной дом, как тот, который у меня был в Хихоне. Чтобы хозяйка в нём была. Я не хочу, чтобы моя жена уходила работать на фабрику, как Элоина. И мне не нужно, чтобы она была стахановкой. Мне гораздо приятнее думать о ней как о матери своих детей». На этом месте его мысли как будто споткнулись, ему стало неловко. Он даже почувствовал, что краснеет. Но мысли опять возвращались к Элоине.

...Первая любовь — ничего нет прекрасней этого чувства, но как редко бывает у неё взаимность и ещё реже — продолжение на долгий жизненный промежуток, тем более на всю жизнь. Но, наверное, ни один человек на свете не забыл своей первой любви. Не забыл, как перехватывало дыхание, как гулко билось сердце не только при виде любимой, но даже при мысли о ней. И кажется, что твоя любимая самая прекрасная, самая умная, самая достойная девушка на свете. И всему находится оправдание, даже неблагоприятным поступкам. И всегда в душе те-

плится надежда, что вот она откроет, как ты любишь, и не сможет не оценить, она тоже обязательно тебя полюбит. И даже когда все самые маленькие надежды разбиваются в прах, любовь ещё живёт. Она вытекает из сердца маленькими каплями, вместе с юностью. Человек взрослеет, снова влюбляется. Но и эта новая любовь удивительно похожа на его первую, хоть он в этом не признаётся даже себе. Конечно, он может поменять брюнетку на блондинку и наоборот. Но в них обязательно будет какая-то неуловимая схожесть. Человек наступает и наступает на те же грабли многократно...

На другой день в детском доме был праздничный ужин, хоть взрослые воспитатели не говорили про предстоящее Рождество. У Мануэля радостно заколотилось сердце, когда он увидел девушку. Но она едва кивнула ему. Её взгляд был устремлён в его сторону, но мимо него. На душе стало тревожно и неудобно. Потом она поздравила его с предстоящим Рождеством, но это не принесло ему радости. Из раны в его юном сердце вытекала первая капля первой любви.

Впереди были новогодние праздники. Этот Новый год — тысяча девятьсот сорок первый — встречали особенно радостно. Дети не успевали переезжать с одного новогоднего праздника на другой, с полными руками подарков. Утренники, концерты, спортивные соревнования, посещения театров, цирка... От всего этого голова шла кругом и настроение было приподнятое. Новый год в Стране Советов был очень весёлым праздником, которым, по всей вероятности, старались вытеснить воспоминания о религиозном Рождестве. Впрочем, детям это было совершенно безразлично. Они веселились от души. На две недели в воздухе любого дома преобладающим ароматом стал запах хвои. Такого количества ёлок Мануэлю никогда не приходилось видеть. Ему нравился этот удивительный праздник, рождающий в душе новые надежды и мечты, в которые хотелось верить. И в то же время непонятная грусть охватила его накануне новогодней ночи. Какая-то неясная тревога и волнение, которые он, как ни старался, понять не мог. Вроде и загадал, как всегда, желание, вроде и есть планы на будущий год, и возможности их осуществить, но — какое-то опасение: что-то обязательно всему помешает.

Праздник прошёл, и как-то незаметно прилетела весна, за которой их ждало лето. Страшное лето сорок первого года.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕСНОЙ ПРИЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Элоина не почувствовала в эту зиму ни январских морозов, ни февральских выюг. Русская зима не пугала её и раньше, но эта зима была особенная. Банальная фраза — «её грела любовь», была ей понятна, как никому. Рядом с любимым ей было уютно, комфортно и как-то по-особенному тепло. Её бурный темперамент странным образом уживался со спокойной рассудительностью Анатолия. Парень, который работал самым обыкновенным поваром, оказался очень интересным, интеллигентным, начитанным молодым человеком. Он обладал мане-

рами, напоминавшими героев старинных романов, и в этом девушка видела некую тайну. Постепенно ей начало приоткрываться то, о чём она не могла даже предположить.

Анатолий был заботливым братом своих двух младших сестрёнок, которые ещё учились в школе. Но где их родители? Неужели они оба умерли или погибли? Это была для Элоины загадка, которую она разгадала далеко не сразу. Оказалось, что Анатолий имел аристократические корни, он принадлежал к старинному, но обедневшему роду. К началу революции у семьи мало что осталось из их дворянских владений, но хорошее образование детей давало им возможность получить достойную службу или работу. Отец, как и очень многие интеллигенты, ратовал за перемены в жизни простого народа. Он встретил первую февральскую революцию одобрительно, но и после Октября его родители не захотели уезжать из страны. И даже когда от этажа, который они занимали, им оставили только небольшую часть, он не стал роптать. Перенёс свою обширную библиотеку в маленькую комнату, в которой не осталось места даже для дивана. Всё её крохотное пространство занимали письменный стол и стеллажи книг. Его святая святых. Место, где он не просто работал, а фактически жил. Для остальной семьи остались ещё две маленькие комнаты. Правда, многим одноклассникам Анатолия казалось, что они всё равно живут по-буржуйски, ведь сами ребята, в основном из пролетарских семей, жили в более стеснённых условиях. Кто-то откровенно завидовал их дружной семье, тому, что отец, преподавая в институте, содержит всех ребят в сытости, что они хорошо одеты. Никому было невдомёк, что долгими вечерами их мать перешивает старые свои платья на костюмчики и штанишки. Пригодились уроки рукоделия в институте благородных девиц. Кто и о чём написал донос, Анатолию было неизвестно. Отца арестовали, а потом и мать, а их старшему сыну пришлось поставить крест на своём образовании и выбрать рабочую профессию. Вернее, с точки зрения их класса, профессию прислуги. В детстве Анатолий любил проскользнуть на кухню к их повару. И тот обязательно баловал его чем-нибудь вкусненьким, «пока не видит мадам». А теперь юноша счёл, что, работая поваром, ему будет легче помогать своим сестрёнкам. Он блестяще освоил профессию, а его воспитанность и манеры стали решающим фактором для определения его на работу в испанский детский дом. К тому же он неплохо знал французский язык — подспорье для какого-то минимума понимания испанцев. Испанский в то время в Ленинграде знали очень немногие, и французский становился мостиком к испанцам, так как он был им близок.

И вот судьбе стало угодно, чтобы встретились на пороге страшных грозных лет двое людей, по которым судьба эта уже прошла, оставляя печальный след.

Он — юноша из семьи репрессированных аристократов, она — дочь испанского революционера. Он — утончённый, воспитанный, спокойный. Она — резковатая, прямая, импульсивная. Ну, просто как в знаменитом романе — сошлись лёд и пламень. Но они так прекрасно дополняли друг друга. Она превращала лёд в пар, и он лёгким облаком рядом с ней воспарял в небеса. Лёд, закрывая собой огонь, рождал озеро, и оно своими тёплыми волнами нежности обволакивало и ласкало его.

Тайна и феномен любви, которая никогда не будет разгадана людьми до конца, потому что это подарок, данный нам свыше. И не пытайтесь! Просто идите друг другу навстречу, раскрывая объятия, пока любовь с вами рядом, пока она дарит вам трепет, замирание сердца, неописуемый восторг прикосновений, пока молчание ваше так красноречиво и вы понимаете друг друга без слов. А все, кто рядом с вами, тоже сразу видят и понимают, что перемены эти могла сотворить только владычица-любовь.

Видела и понимала это и мать Элоины, и как ни хорошо она относилась к Анатолию, но она скорей бы согласилась выдать свою дочь замуж за подросткового Мануэля, чем за этого русского, хоть и очень приятного юношу. Рамона не теряла надежды вернуться на родину, и ей казалось, что любовь эта может стать препятствием к возвращению дочери.

— Элла, ты куда опять собралась? У меня сегодня выходной, и я думала, что мы проведём его вместе. Мелькиадес тоже хотел прийти.

— Мама, ну погуляйте без меня. Мы хотели с Толей сходить в Эрмитаж, или в Летний сад.

— Девочка, я давно хотела с тобой поговорить. Мне кажется, что твои отношения с Анатолием, хоть я и хорошо отношусь к этому молодому человеку, заходят слишком далеко.

— Что ты имеешь в виду? — щеки девушки полыхнули румянцем.

— Я не говорю о плохом, дочь. Я верю в воспитанность Анатолия, и понимаю, что для него честь девушки значит очень много. Но уже всем ясно, куда идут ваши отношения.

— И куда же?

— Я думаю, что он захочет попросить твоей руки, а мне бы этого не хотелось.

— А тебе, мама, не кажется, что в этом вопросе главное — моё хотение?

— Элла, ты стала в этой стране очень своевольной.

— Причём тут страна, мама? Я всегда была не такой благовоспитанной католичкой, как бы тебе хотелось.

— Революционный дух твоего отца живёт в тебе, к сожалению. Но неужели его печальная участь ничему тебя не научила?

Их перепалка была остановлена просунувшейся в дверь лукавой физиономией Мелькиадеса.

— Каков ворон, таково и яйцо, — вставил он испанскую поговорку в их шумный разговор.

— И ты туда же, — проворчала уже более миролюбиво Рамона, завидев своего любимца.

— Мамулечка, красотулечка, не ругайся, — чмокнул её в щёку Мелькиадес. — О чём спор?

— Всё о том же, о женихах нашей стахановки.

— О! Она у нас невеста хоть куда.

— Зато женихи маме не нравятся, — заметила Элоина.

— Почему же не нравятся? Все разные. Главное, чтобы ты выбрала своего, испанца.

— Ай-яй, мамуля, да ты у нас националистка. Стыдно, стыдно, ведь мы с сестренкой интернационалисты.

— Хватит тебе, Мелькиадес, насмешничать. Никакая я не националистка. Просто надо думать о возвращении на родину, а ведь Анатолий с ней в Испанию не поедет.

— Так жениха зовут Анатолий? Это уже кое-что проясняет. А если серьёзно, мама, то когда появится у нас возможность возвратиться домой, наступит время отмены всех границ. Это будет мировая революция! А она непременно произойдёт, вот увидишь!

— Ох, дети, дети, ну что мне с вами делать?

Рамона покачала головой и постаралась перевести разговор на другую тему. Обсуждать идеи мировой революции она не собиралась, понимая, что говорить об этом со своими детьми бесполезно. Так же бесполезно было отговаривать её упрямую дочь идти на свидание. Уже через несколько минут Элоина, весело помахав им рукой, скользнула в дверном проёме, и мать с сыном стали собираться на свою прогулку одни.

Выйдя на улицу, девушка на секунду приостановилась, подняв голову и подставив лицо тёплому весеннему ветерку и ласковым солнечным лучам. Прищурившись, она в вытянутом прямоугольнике неба разглядела стаю птиц, мелькнувших в голубом разрыве серо-белых облаков. «Весна наступила. Это здорово!» — с удовольствием подумала она.

Завернув за угол, она сразу же увидела знакомый и такой родной ей силуэт.

Анатолий стоял, прислонившись спиной к дереву и запрокинув голову.

— Что ты там разглядываешь? — спросила Элоина.

— Птицы пролетали. А вот и ещё одна прилетела.

Он наклонился к ней и прикоснулся губами к её щеке. Не поцеловал, а именно прикоснулся, скользнув от щеки к нежной девичьей шее.

— У-у, — отстранилась она, но про себя с удовольствием подумала: «А он тоже птиц разглядел, хороший знак».

— Куда пойдём?

Вопрос показался ей лишним.

— Мы же хотели в Летний, прогуляться.

— Ну, в Летний, так в Летний, — неохотно протянул молодой человек.

— Ты что, не хочешь?

— Нет, просто у меня мало времени, нужно будет идти на Тверскую.

— Но у тебя же выходной?

— Обстоятельства выше меня, заболела моя помощница, а на кухне без неё не управятся.

— Возьми меня с собой, я давно не была у ребят.

— Хорошо. Погулять тоже немножко успеем, но в Таврическом саду.

— Согласна, но в следующий выходной обязательно пойдём в Летний.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой генерал!

Они весело зашагали в сторону Тверской улицы, тем более что идти было не так уж и далеко.

Погулять в Летнем саду они смогли только через месяц, когда новая листва окутала старые деревья нежной зеленоватой дымкой. Они шли по центральной аллее, держась за руки. С Невы дул прохладный ветерок. Он забирался за воротник и прядкой непослушных волос щекотал Элоине щеки и лоб, и она то и дело поправляла свои пышные, выбивающиеся из под берета локоны.

— Прохладно, Эллочка, пойдём посидим на скамейке у Лебязьей канавки, я прикрою тебя от ветра.

— Что меня прикрывать, я не тепличное растение.

— Ты лучше. Ты испанская роза.

— Почему роза?

— Такая же красивая и такая же колючая.

— Ни фига.

— Что, что? Моя королева ругается?

— Ругаюсь я не так.

— Даже не так можешь?

— Вот и могу.

— У кого же ты научилась? Небось, какой-нибудь разбитной мужичок на работе вас так поругивает. Или стахановок ругать не полагается?

— Меня на работе ругать не за что, недавно опять для газеты фотографировали.

— Вот беда-то моя, теперь точно у меня ничего не выйдет.

Элоина посмотрела на Анатолия. Говорил он вроде серьёзно, но глаза улыбались. «Опять насмехается», — подумала она сердито и непроизвольно вырвала свою ладонь из его руки и отстранилась. Но Анатолий снова притянул её к себе и крепко обнял за плечи.

— Кисуля, не сердись, пойдём, я с тобой поговорить хотел, и серьёзно.

Девушка притихла, понимая, что сейчас её действительно ждёт что-то важное. И она догадывалась, что именно, — интуитивно чувствовала, что приближается момент, которого она и ждала, и боялась. Щеки полыхнули румянцем, который немного скрадывала смуглость лица. Они выбрали укромный и довольно тихий уголок сада. Присели рядом, но на небольшом расстоянии, повернувшись друг к другу лицом. Анатолий снова взял девушку за руку.

— Эллочка, ты ведь понимаешь, как я к тебе отношусь, как ты мне дорога. Нет, не то я говорю. Я тебя очень люблю. Я понимаю, что ты достойна совсем другой жизни, такой, какую я тебе предложить не могу. Я живу скромно, и у меня две сестрёнки, о которых мне надо заботиться. Я очень хочу быть с тобой, предложить тебе мою руку, но в тоже время я боюсь, что не смогу дать тебе всего, что должен дать муж такой девушке, как ты.

— Что-то я не пойму: ты делаешь мне предложение или наоборот, говоришь, что этого предложения я никогда не дождусь?

— Я делаю тебе предложение, Элла, но боюсь, что ты ответишь мне отказом.

— Я астурийка, а наш народ никто и никогда не завоёвывал. Но давай будем считать, что это я завоёвала тебя.

— Ты не будешь меня убивать, как Психея своего мужа Амуре? Вон, посмотри на эту прекрасную пару.

Наклонившаяся над Амуром мраморная Психея действительно чем-то неуловимым напоминала молодую испанку, и, заметив своё сходство в обнажённой скульптуре, девушка невольно снова смутилась.

— Глупенькая, они же супруги.

Ей показалось, что она уже слышала эти его слова или нечто подобное, но вспомнить не смогла.

Через две недели они отпраздновали скромную свадьбу, на которой были только близкие, и Элла переехала из общежития к Анатолию. Начиналось теплое лето. Их взяли в плен головокружительные, сладкие белые ленинградские ночи медового месяца, который оборвала начавшаяся война.

Вадим Петров

ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СССР?

Для того, чтобы ответить на вопросы о причинах распада СССР, необходимо сначала осветить причины и обстоятельства его возникновения.

РСФСР. Российская Советская Федеративная Социалистическая республика. В октябре 1922 года она была гораздо больше по территории, чем нынешняя Российская Федерация. Практически все восточное побережье Каспийского моря было российским. Гурьев и Актюбинск, Ташкент и Пишпек (нынешний Бишкек), Ашхабад и Кушка, Алма-Ата и Красноводск (нынешний Туркменбаши), Акмолинск (ныне Астана) и Караганда, все они были российскими городами. Почти вся Средняя Азия, за исключением сравнительно небольших Бухарской и Хорезмской независимых республик, была российской провинцией, в том числе, значительная часть Памира. Только что с Россией воссоединилась ДВР (Дальневосточная республика), простиравшаяся от озера Байкал до Тихого океана. На территории бывшей Российской империи существовали еще советские республики: Украина, Белоруссия и Закавказская федерация, включавшая Грузию, Азербайджан и Армению. Западные регионы бывшей Российской империи либо стали самостоятельными (Эстония, Латвия и Литва), либо были присоединены к выделившейся Польше (Западная Украина и Западная Белоруссия) или к Румынии (Бессарабия). Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния образовали с запада так называемый санационный

барьер против России. В литературе по отношению к этим странам можно встретить также термин лимитрофы.

Ряд обстоятельств заставил РСФСР, Белоруссию, Украину и республики, входящие в Закавказскую федерацию, искать способы тесного взаимодействия. Это были события времен гражданской войны. И. В. Сталин в беседе с корреспондентом газеты «Правда» в ноябре 1922 года достаточно подробно осветил историю взаимодействия независимых советских республик за предыдущие четыре года. В беседе было указано на три фазы объединительного процесса, которые прошли советские республики. Первым было осуществлено военное объединение, затем дипломатическое, а к концу 1922 года началась третья фаза – хозяйственного объединения [1]. В этой же беседе, отвечая на вопрос о том, по чьей инициативе началось движение за объединение независимых республик, И. В. Сталин подробно пояснил: «Инициатива движения принадлежит самим республикам. Еще месяца три тому назад руководящие круги закавказских республик поставили вопрос о создании единого хозяйственного фронта советских социалистических республик и об их объединении в одно союзное государство. Тогда же был перенесен вопрос на широкие партийные собрания в некоторых районах Азербайджана, Грузии и Армении, вызвавший, как видно из соответствующих резолюций, небывалый энтузиазм. Почти одновременно с этим был возбужден вопрос

об объединении на Украине и Белоруссии, вызвавший там среди широких партийных кругов, так же как и в Закавказье, определенно восторженное отношение. Это обстоятельство несомненно говорит о жизненности движения и о том, что вопрос об объединении республик безусловно назрел» [2]. Последовал логичный вопрос по поводу того, чем вызвано это движение за объединение, каковы его основные мотивы. На что последовал весьма важный, на наш взгляд, ответ: «Мотивы эти, главным образом, хозяйственные» [3]. То есть, по мнению Сталина, хозяйственные, или, говоря современным языком, экономические мотивы, были основными, побудившими независимые республики к более тесному их объединению. И. В. Сталин в конце беседы с корреспондентом снова подчеркнул: «Что касается международного значения этого Союза, то оно едва ли нуждается в особых пояснениях. ... объединение советских республик в одно союзное государство, несомненно, создает такую форму всестороннего военно-хозяйственного сотрудничества, которая, в корне облегчив хозяйственное преуспевание советских республик, превратит их в цитадель против покушений со стороны международного капитализма» [4].

Венгерские ученые Л. Беллади и Т. Краус считали, что обстоятельства, предшествовавшие созданию Союза ССР, носили следующий характер. Они так описывали события. «22 февраля 1922 года восемь советских республик – Азербайджан, Армения, Белоруссия, Бухара, Грузия, Украина, Хорезм и Дальневосточная Республика [ДВР не была советской, формально она являлась буржуазно-демократической республикой и была создана в качестве «буфера» между РСФСР и Японией. – В. Петров] – записали в протоколе, что РСФСР представляет, защищает их интересы и вступает в

контакт от их имени с представителями других государств, а также может заключать договоры. Таким образом, по отношению к внешнему миру было декларировано политическое единство этих республик. Однако многое зависело теперь от решения правовых вопросов. С весны 1922 года быстрыми темпами шла работа по выработке этих деталей. РСФСР, которая являлась федерацией автономных республик и краев, имела систему двусторонних договоров о военно-политическом союзе с самостоятельными советскими республиками. Но эта модель оставляла открытым главный вопрос – об отношении этих республик к Советской России. Договоры такого рода могли создать впечатление, будто эти республики просто вступают в РСФСР. И это имело реальную перспективу уже в течение 1922 года. Подобный план «автономизации» связан с именем Сталина. Такая инициатива встретила поддержку узкой группы старых большевиков. Однако накопленный исторический опыт и анализ, проведенный прежде всего Лениным, показывали перспективу решения этого вопроса на базе федерации равноправных национальных республик и частей страны, уже находившихся в союзе друг с другом. В тот период наряду с национальными республиками, каковыми были, например, Украина или Белоруссия, существовали две федерации – Российская и Закавказская» [5].

Согласно взглядам разработчиков будущего соглашения об объединении советских республик в одно государство, важнейшим обстоятельством была степень власти центра над составными частями. И тут возникла коллизия между двумя основными точками зрения на этот вопрос. Одна точка зрения, которую можно обозначить как сталинскую. По мнению И. В. Сталина, будущий СССР должен быть построен на принципе «ав-

тономизации». То есть, все союзные республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных республик. Тем самым, РСФСР превратился бы в СССР. Этот тип союзного государства соответствовал требованиям «строгого единства и наибольшей концентрации усилий независимых советских республик, он обеспечивал сильную центральную власть» [6]. Вторую точку зрения можно назвать ленинской. Согласно взглядам В. И. Ленина, будущий Союз ССР должен был быть образован на основе полного равноправия всех без исключения независимых союзных республик с одновременными гарантиями суверенных прав этих республик. Победила ленинская точка зрения, что, как показали последующие события конца 1980-х – начала 1990-х годов, заложило мину под устойчивость СССР как единого целого. Но в 1922 году еще мало кто мог предвидеть вероятность тех событий, которые развернулись спустя почти семьдесят лет. Скорее всего, ленинская точка зрения победила потому, что исходила не столько из внутриэкономических, сколько из внешнеполитических соображений. Создание СССР на таких принципах должно было, как казалось в то время многим руководителям РКП(б), резко активизировать борьбу пролетариата во всем мире за социалистические революции в своих странах. Касаясь данного аспекта, доктор юридических наук Л. С. Мамут писал: «... великую роль создание Союза ССР было призвано сыграть в деле пробуждения угнетенных империализмом народов колоний и развертывания ими революционной борьбы за свое национальное и социальное освобождение» [7].

В литературе существуют сведения о том, что в августе 1922 года Иосиф Виссарионович Сталин в «Проекте резолюции о взаимоотношении РСФСР с независимыми республиками», сде-

лал предложение независимым Советским республикам вступить в состав РСФСР на правах автономий. Азербайджанская и Армянская республики ответили согласием. Украина же и Грузия твердо настаивали на независимости [8].

Одним из немногих, кто предвидел, какие опасности могут возникнуть после объединения независимых социалистических республик, был именно И. В. Сталин. В качестве иллюстративного материала будет уместным привести строки из письма И. В. Сталина, направленного им В. И. Ленину 22 сентября 1922 г.:

«... 4. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик;

5. Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстаивать фактическое единство советских республик» [9]. Правда, отстаивать «фактическое единство советских республик», а, точнее, созерцать развал Союза ССР, пришлось не И. В. Сталину, а жителям страны в 1991 году. Впрочем, речь об этом пойдет далее. Пока же возвратимся к периоду создания и становления СССР.

10 декабря 1922 года В. И. Ленин направил приветственную телеграмму Всеукраинскому съезду Советов.

«10. XII. 1922 г. Приветствую открытие Всеукраинского съезда Советов.

Одним из самых важных вопросов, который предстоит разрешить съезду, является вопрос об объединении республик. От правильного решения этого вопроса зависит дальнейшая организация нашего государственного аппарата, вопиющие недостатки которого так выпукло и наглядно обнаружены последней переписью советских служащих, произведенной в Москве, Питере и Харькове.

Второй вопрос, на который съезд должен обратить особое свое внимание, — это вопрос о нашей тяжелой промышленности. Поднятие Донбасса, нефти и металлургии до довоенной производительности — это основная задача всего нашего хозяйства, на разрешение которой должны быть направлены все наши усилия.

Я выражаю твердую уверенность в том, что съезд найдет правильный путь к разрешению этих задач, и от души желаю ему полного успеха в работе. Ленин» [10]. Отсюда следует, что В. И. Ленин ключевым моментом в будущем Союзе ССР видел прежде всего «правильную» организацию государственного аппарата. Но каким образом этот съезд рассматривал вопрос об образовании Союза ССР? В примечаниях редакция и составители тома коснулись этого вопроса. «VII Всеукраинский съезд советов происходил в Харькове 10-14 декабря 1922 г. На съезде присутствовало 824 делегата, из них 782 с решающим и 42 с совещательным голосом... В порядке дня съезда стояли вопросы: 1) Отчет правительства (т. Фрунзе); 2) О финансовой политике (т. Новицкий); 3) Итоги работы по поднятию сельского хозяйства (т. Клименко); 4) О союзном объединении советских республик (т. Фрунзе); ... Съезд, приняв постановление об основах конституции Союза Социалистических Советских Республик, явился первым инициатором

образования Союза. Больше всего внимания съезд уделил вопросам земельному и возрождению промышленности [Выделено мной — В. Петров]. Телеграмма Ленина была оглашена 10 декабря, в день открытия съезда» [11]. Из приведенного следует, что вопрос об объединении советских республик в СССР был для организаторов Всеукраинского съезда далеко не первостепенным. А более важными для них были все же хозяйственные проблемы.

Свой доклад, сделанный 26 декабря 1922 г. на X Всероссийском съезде Советов, И. В. Сталин завершил следующими словами: «Будем надеяться, товарищи, что образованием нашей союзной республики [Союза ССР. — В. Петров] мы создадим верный оплот против международного капитализма, что новое союзное государство [Союз ССР. — В. Петров] послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в Мировую Советскую Социалистическую Республику» [12].

И. В. Сталин также выступил с докладом «Об образовании Союза Советских Социалистических Республик» на I съезде Советов СССР. В день этого съезда, 30 декабря 1922 г., он подытожил свое выступление таким образом: «... сегодняшний день является не только итоговым, он является вместе с тем днем торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии. Сегодняшний день является днем торжества новой России... превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики» [13].

Но после своего образования в декабре 1922 г. Советский Союз в качестве государственного образования продолжал развиваться и изменяться. «5/XII 1936 ЗСФСР была упразднена, и Закавказские республики вошли непосредственно в СССР. 27/X 1924 на территории Туркестанской АССР, входившей в состав РСФСР, были образованы две новые союзные республики – Узбекская и Туркменская. 5/XII 1929 была преобразована в союзную республику Таджикская автономная республика, входившая до того в состав Узбекской ССР. 5/XII 1936 были преобразованы в союзные республики Казахская и Киргизская автономные республики, входившие до того в состав РСФСР. ... 12/III 1940 по мирному договору между СССР и Финляндией была установлена новая советско-финляндская граница. В состав СССР были включены: ... Часть этой территории вошла в Карело-Финскую ССР, которая была преобразована 31/III 1940 из Карельской АССР, входившей до того времени в состав РСФСР. Другая часть вошла в состав Ленинградской области РСФСР. ... 13/X 1944 в состав СССР вошла Тувинская народная республика (ныне Тувинская автономная область в РСФСР)...» [14]. Отсюда наглядно следует, что в тот период времени РСФСР была постоянным донором для выделения из нее союзных республик, которых за период с 1924 по 1940 годы из ее состава и за счет ее территории выделились целых шесть: Узбекская, Туркменская, Таджикская, Казахская, Киргизская и Карело-Финская. Три союзных республики, Грузинская, Армянская и Азербайджанская, выделились в 1936 году из ЗСФСР, благодаря чему последняя прекратила свое существование. В 1940 году из состава Украинской ССР выделилась Молдавская АССР, с присоединением части Бессарабии, став Молдавской ССР [15]. Следует отме-

тить, что к РСФСР присоединялись различные территории, например, часть Восточной Пруссии, Курильские острова и южный Сахалин в 1945 году. В том же 1945 году часть территории Чехословакии вошла в состав Украинской ССР. Исходя из обстоятельств военного времени в 1941 году была ликвидирована АССР Немцев Поволжья. Единственным примером «снижения уровня представительства» была ликвидация в 1957 году Карело-Финской ССР и создание Карельской АССР в составе РСФСР. В 1954 году, по инициативе Н. С. Хрущева, из РСФСР в состав Украинской ССР была передана Крымская область, до 1944 года бывшая Крымской АССР. С конца 1950-х годов и вплоть до «эпохи Перестройки», изменений в национально-государственном устройстве СССР не происходило. Отметим, что после 1945 года ни одной внешней территории в состав СССР не вошло.

Но с теоретической точки зрения, научные основы дальнейшего развития СССР были не установлены. С 1956 года И. В. Сталин был официально исключен из числа «классиков марксизма-ленинизма». Политиков уровня Ленина или Сталина, способных генерировать идеи развития государства, с 1953 года в нашей стране не просматривалось. Последняя крупная политическая идея, сформулированная Н. С. Хрущевым, о построении через двадцать лет коммунизма, прозвучала в 1961 году с трибуны XXII съезда КПСС. Уже в 1970-х годах, ввиду выявившейся полной утопичности, данная идея потихоньку была отменена. Таким образом, с 1961 года – ни одной масштабной государственной или политической идеи, которая позволила бы на теоретическом уровне осмыслить дальнейшие направления развития СССР. Все партийные идеи существовали только на базе «вечно живого марксистско-ленинского учения». Причем, «шаг вправо или шаг

влево» от него жестко преследовался идеологическими органами КПСС. Равным образом не выдвигалось понятных и выполнимых экономических идей, рамки которых, к тому же, были ограничены тем самым «вечно живым учением». Государство, экономика и общество начали погружаться в эпоху, которую впоследствии назовут «застоем».

Если в начале периода правления Л.И. Брежнева еще пытались проводить хоть какие-то половинчатые «косыгинские» реформы, то с начала 1970-х годов они были свернуты и экономика СССР начала стагнировать. «Процессы, которые происходили в 1960-1970-е, с одной стороны, сближали разные части Советского Союза, а с другой – создавали центробежные тенденции. В этом не было бы никакой беды, если бы это были демократически ориентированные центры» [16]. Советский народ, который, согласно официальным утверждениям, в начале 1960-х годов приступил к развернутому построению в СССР коммунизма, на самом деле представлял собой весьма печальное зрелище. «Если читать собранные материалы, показания людей, то предстает взбалмошенное, неврастеничное, истеричное общество. Одновременно волна хулиганства, которое было большой социальной проблемой в масштабах страны. Огромное количество малообразованных, плохо социализированных людей» [17].

Ю.В. Андропов пытался если не начать, то, по крайней мере, хотя бы сформулировать подходы к назревшим реформам. Но состояние здоровья оставило ему для этого слишком мало времени. Наиболее известным доказательством необходимости изменений считается одно из его выражений. Это «слова Юрия Владимировича Андропова, сказанные им в 1982 году на торжественном заседании в юбилей Ленина: “мы до сих пор не

знаем общества, в котором живем”» [18].

Сменил Ю.В. Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко. Будучи тяжело больным человеком, он не успел даже сформулировать какие-то важные политические предложения. Изучая его биографию, можно добавить также, что и не имел для этого необходимых интеллектуально-политических способностей. Его краткое тринадцатилетнее правление в свое время остроумно именовали «рецидивом застоя». Один из его достаточно информированных современников так отмечал впоследствии. «Встав во главе партии и государства, Черненко честно пытался выполнять роль лидера страны. Но это ему было не дано – и в силу отсутствия соответствующего таланта, широты знаний и взглядов, и в силу его характера. Но самое главное – это был тяжелобольной человек» [19]. В целом же, период от смерти Брежнева до марта 1985 года остряками именовался «гонки на катафалках».

Избрание в марте 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева ознаменовало собой вступление СССР в финальную стадию существования. Хотя, глядя на нового Генсека, почти никто в нашей стране об этом еще не догадывался.

Трещала по швам перенапряженная экономика страны. Постоянные попытки решать экономические проблемы методами внеэкономического воздействия ни к чему хорошему не приводили. Один из авторов, Б. Соколов, так объяснил причины хронических провалов в сельском хозяйстве. «...экономическая эффективность кибуцев, где все было обобществлено, основывалась на внеэкономической мотивации к производительному труду, в данном случае – на приверженности сионистской идее; по этой же причине эффективными в условиях рынка оказались коллективные хо-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

зьяства, созданные приверженцами некоторых протестантских сект в США; но сталинские колхозы обернулись трагедией для миллионов крестьян — **схемы, рассчитанные на фанатиков идеи, не работают, когда применяются к массе обыкновенных людей**» [выделено мной. — В. Петров] [20].

Параллельно, таким же образом трещала по швам «нерушимая дружба народов СССР». Ярким примером могут служить воспоминания В.Д. Улыбина, бывшего в те времена одним из многих командиров дивизий Советской армии. «Командир полка доложил, что во время ужина личный состав артиллерийского дивизиона, укомплектованный в основном русскими, поссорился с узбеками. Узбеки, таджики, армяне, азербайджанцы и другие несли службу очень плохо, как правило, стремились устроиться поварами, хлеборезами, кладовщиками, на подсобное хозяйство — лишь бы не быть ни в строю, ни на занятиях по стрельбе и тактической подготовке. ... Несмотря на то, что первопричиной конфликта была взаимная ненависть русских и узбеков, всем захотелось объяснить происшедшее бытовой неустроенностью, что и было сделано» [21]. Этот же автор вспоминает об одном стихийном бедствии, которое в прошлом широко освещалось средствами массовой информации. Но касается в основном последствий практического воплощения в жизнь социалистической экономики в ее национальном варианте. «В декабре 1988 года в Армении произошло тяжелейшее землетрясение (так называемый Спитакский разлом), погибло двадцать пять тысяч человек, из них пять тысяч сельских жителей. ... Почему новые здания (построенные в 1975-1985 гг.) развалились? Как показала экспертиза, потому что, в прямом смысле слова, они были построены на песке, без фундамента, без сварки (это касалось

даже точечных девятиэтажек), с нарушением элементарных строительных норм и правил. Видимо, воровали много и все. К примеру, содержание цемента в разрушенных новостройках оказалось в 4-5 раз ниже нормы! В то же время ленинканские казармы, построенные в начале XIX века, сохранились. Все это наводило на грустные размышления. Особенно сильно пострадал Спитак, причем не только от стихии, но и от мародеров, к которым приходилось применять очень крутые меры» [22]. Вот автором приводится еще одна подобного рода яркая картинка социалистической экономики. «Хочется сказать несколько слов и об уборке урожая. Вот где была клоака! Выгребали, в полном смысле этого слова, все машины. Будучи командиром дивизии, я снаряжал для этого, как минимум, автомобильный батальон и отдельную автомобильную роту, это 600 машин, а, как правило, два автомобильных батальона. Отправляли всю технику исправной, а через полгода она возвращалась к нам наполовину негодной. Всегда возвращалась с долгами. А ведь и офицерский состав был оторван от семьи. Это в пограничной дивизии, а что во внутренних округах творилось, я не знаю» [23]. И снова вернемся к отношениям между жителями союзных республик, судя по официальным данным таким предельно благополучным и безоблачным. Автор сообщает о состоянии отношений между армянами и азербайджанцами на Кавказе. «Нельзя было не учитывать и межнациональные особенности в этом регионе. Так, состояние армяно-азербайджанских отношений может быть проиллюстрировано следующим фактом: сформированный в соседнем Азербайджане для помощи армянам полк гражданской обороны ... разбежался, так и не приступив к работе!» [24]. А вот данные уже совсем другого автора, также касающиеся отношений между армя-

нами и азербайджанцами в тогда еще едином Союзе ССР. «Видел в ереванском аэропорту яростную драку у только что раскрывшегося грузового люка шведского самолета с одеждой и медикаментами. Дрались шоферы – кто повезет... Машины с гуманитарной помощью исчезали бесследно. Потом еще долго, спустя месяцы, дубленки, одежда, лекарства наводняли черный рынок... Было и другое. Вагоны с гуманитарной помощью, присланные со всех концов планеты и прошедшие через территорию Азербайджана, приходили в республику разграбленными: коробки и мешки были выпотрошены и разворованы. Составы с продовольствием простаивали так долго, что продукты успевали испортиться и их приходилось выбрасывать. На вагонах от руки мелом написано: «Поздравляем с землетрясением!» Поезд Москва – Ереван, который шел через Азербайджан, прибыл с той же надписью на вагонах. Сводная колонна техники и специалистов, сформированная в НКАО [Нагорно-Карабахская автономная область. – В. Петров] для помощи пострадавшим уже к утру 8 декабря, смогла проехать через АзССР только в сопровождении военных и добралась до места трагедии лишь спустя три дня» [25].

Автор считает, что для читателей нашего журнала будет интересной не столько личная точка зрения автора статьи, сколько ссылки как на свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий тех лет, так и на мнения авторов, изучавших эпоху распада СССР.

После прихода к власти М. С. Горбачева страна стала сначала потихоньку, а затем ощутимее, деградировать. Вот свидетельство бывшего министра здравоохранения СССР. В то время это знали немногие. «Мне пришлось принимать участие в заседаниях Совета Министров в разные времена. С ужасом вспоминаю многочасовые

дискуссии на заседаниях Совета Министров в последние годы, когда их вел Н. И. Рыжков. Вопросы, которые выносились на обсуждение, хотя и готовились месяцами, оказывались в конце концов плохо подготовленными, непродуманными. Находившийся под влиянием своих помощников Рыжков высказывал вначале одни мнения, которые через 6 месяцев или год представлялись уже в совершенно другом виде. Честный, опытный и знающий инженер, Рыжков, не разбирающийся в тонкостях экономики, своими колебаниями, своей верой в истину, которую ему навязывало его окружение, упустил многое в жизни страны. Стоит только вспомнить работу его экономического отдела во главе с П. М. Кацурой, который в первую очередь отвечает за развал экономики» [26]. По меркам тех лет молодой Генеральный секретарь ЦК КПСС вначале своей карьеры был встречен народом с огромным энтузиазмом. Но постепенно энтузиазм стал угасать. Как бы это помягче выразиться, излишняя говорливость Горбачева на фоне проблем с повседневной пищей оказывали свое влияние. «Отношение к партии в стране менялось, люди смотрели на Горбачева, который не сходил с экранов телевизоров, слушали его речи – поначалу с интересом, но постепенно понимали, что во главе страны стоит человек, утопивший в словах реальные дела. Постепенно накапливалось раздражение, а потом и неприятие. Плюс ко всему затеянная не вовремя антиалкогольная кампания, пробившая в бюджете страны огромную дыру, плюс очереди в магазинах, колбаса по талонам. Колбасу, выкинутую в обычную продажу, есть нельзя было совсем: это была не колбаса, а мокрый картон, размешанный с вареным салом...» [27].

«Досталось мне однажды редактировать и речь Михаила Сергеевича. Человек он, как известно, эмоцио-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

нальный, за речью своей никогда не следил, что в голове у него возникало, то он и озвучивал. А стенографистки, как и положено, это дело старательно фиксировали. Все до последнего словечка, до последней запятой. Вот такая эмоциональная — с бухты-баракты — речь Горбачева попала и ко мне. Из этого набора слов предстояло сделать что-нибудь более-менее удобоваримое. Когда в речи есть стержень, есть мысли, из нее всегда можно слепить что-нибудь приличное, но когда, кроме потока слов, нет ничего, то что тут можно сделать? Из ничего и получается ничего. Часа два с половиной я промаялся с речью нашего генерального, прежде чем из нее что-то получилось. Потом долго возмущался: разве можно так говорить?» [28]. Что называется, картина маслом. Живой и официально самый авторитетный «классик марксизма-ленинизма» выступает «с бухты-баракты», произнося речь, в которой «кроме потока слов, нет ничего». А редактор о достоинствах речи, очевидно, знает заранее, так как имеет изначальное задание сделать «что-нибудь более-менее удобоваримое» из малопонятного набора слов. Итогом является длительная редакторская работа над речью, «прежде чем из нее что-то получилось». Естественно, что люди, сначала непосредственно слушающие Горбачева, а потом читающие в газетах во многом иное, делали свои выводы.

А какие же были у товарища М. С. Горбачева соратники, неутомимые борцы за торжество социализма? «Разные люди работали в ЦК, но мое глубокое личное убеждение — в Политбюро не было ни одного человека, равного по интеллекту Яковлеву Александру Николаевичу. Я видел кое-какие документы с его пометками — это очень умный человек. Правда, на судьбу партии он имел радикальный взгляд: он считал, что ее надо разрушить. Горбачев был буквально подмят

им, сам он с Яковлевым не мог соперничать ни в чем» [29]. Еще одна картина, но тоже маслом. Один из высших руководителей КПСС, который ни от других руководителей, ни от подчиненных не скрывает своих взглядов о необходимости оную партию извести под самый корень. И окружающие Яковлева люди, члены той же самой партии, не видят в таком поведении абсолютно ничего странного. И ни один из соратников по Политбюро не ставит вопрос о том, чтобы его из КПСС за такие взгляды выгнать. На этом примере можно поставить вопрос. А во что же превратилась к описываемому моменту КПСС, если на самом ее верху были такие нравы?

Отсутствие твердых и ясных целеуказаний губительным образом действовало на основные институты государственной власти. Вот свидетельство человека, в конце 1980-х — начале 1990-х годов занимавшего высокий пост в центральном аппарате Комитета государственной безопасности СССР. Вот, например, описание участника беседы в руководстве КГБ СССР. Эта беседа состоялась после выборов в народные депутаты различных уровней. «Разговор идет о результатах выборов. Разговаривают руководители одного из самых политизированных и информированных ведомств страны — КГБ. Каковы же выводы? Вывод первый. Средства массовой информации оболгали народ! Вопрос: «Почему же не удалось оболганить народ партийным средствам массовой информации?» — повисает в неловкой тишине... Взглянуть беспристрастным оком на настроение народа страшно. Комитет пытается укрыться в частностях, чтобы не увидеть целого» [30]. 1990 год. В 1990 году Л. В. Шенбаршин был направлен руководством КГБ СССР в три прибалтийские республики, а также во Владивосток и в Краснодар для инспектирования подразделений КГБ на местах. «В сырой и

холодной Прибалтике, в закрытом густым туманом Владивостоке, в знойном Краснодарском крае я видел одно и то же. Огромные штаты местных подразделений КГБ не знали, ради чего они работают, какие проблемы должны решаться ими или с их помощью, какую информацию собирать и кому докладывать. Совершалось множество суетливых механических движений (так бегают и хлопают крыльями обезглавленная курица), создавалась видимость активной работы. Люди обслуживали сами себя, успокаивали видимостью работы совесть, пытались быть чем-то кому-то полезными. Пустота, выморочность, обреченность и в зданиях КГБ, и в зданиях партийных инстанций. Молчащие телефоны, томительное предчувствие надвигающейся беды и полная беспомощность всех должностных лиц, совсем недавно бывших полноправными и абсолютными властителями своих территорий» [31].

А вот свидетельство уже другого автора, но тоже с яркой характеристикой состояния дел в одном из важнейших элементов государства. «Между различными структурами в центральном аппарате [КГБ СССР. – В. Петров], между центром и подразделениями на местах шли информационные потоки, это естественно, и на каком-то сразу не уловимом этапе тревожные нотки стали доминирующими: империя разваливается, а те, кому поручена ее целостность, реагируют в довольно мягких формах» [32]. Особенно тяжелая ситуация в стране возникла к началу 1990-х годов. 1990 год. В течение только одного 1990 года написали рапорта и уволились из органов КГБ СССР по мотивам, которые обозначены как «принципиальные», около тысячи сотрудников. А на таком фоне, в конце того же года в Намангане сугубо конспиративно прошел съезд ваххабитов, на котором было принято решение начать борьбу за захват власти в Средней

Азии. При этом Россия объявлялась врагом ислама [33].

К 1991 году обстановка в СССР накалилась до предела. «Парады суверенитетов» на фоне стремительно распадающейся экономики и явной неспособности государственных структур обеспечить население продуктами даже сугубо первой необходимости вели общество напрямик к бунтам. СССР стремительно распался де-факто. А Горбачев ради сохранения прежде всего своей власти затеял так называемый «ново-огаревский процесс» по выработке нового союзного договора. «Подмосковная усадьба Ново-Огарево с 24 мая 1991 г. становится центром политической жизни. Там идут жаркие дебаты по бесчисленным вариантам Союзного договора, выработкой которого занята узкая группа лиц, вошедших в подготовительный комитет. Председательствует Президент СССР. ...Но Ново-Огаревский документ в процессе работы над ним все дальше уходил от требований, высказанных народом на референдуме [в марте 1991 г. о сохранении Союза ССР. – В. Петров]. Опубликованный проект предлагал создание Союза Суверенных Государств, что принципиально меняло не просто название государства, но и его характер. Исчезло определение власти как советской и общественно-экономической системы как социалистической, а государство представало союзом самостоятельных государств» [34]. Но этот процесс, как показало ближайшее будущее, был совершенно непродуктивным. Нынешний вице-премьер Правительства Российской Федерации Д. О. Рогозин вспоминал об этом периоде истории нашей страны так: «Регулярные, но малопродуктивные ново-огаревские посиделки Горбачева с Ельциным и другими руководителями республик Союза ССР подходили к логическому концу – пора было подписывать Союзный договор. Его

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

текст измусолили настолько, что непонятно было вообще, на чем будет держаться хрупкое единство «обновленного Советского союза». Тем не менее, мы надеялись, что это «хоть что-то» даст временной выигрыш сторонникам сохранения единой государственности» [35].

А события развивались далее. И никто из руководителей СССР не смог продемонстрировать должных способностей по управлению страной. «В первой половине июня 1991 года состоялся предпоследний Пленум ЦК КПСС. ...На меня Пленум произвел невыразимо тягостное впечатление. Дело было не в том, что вскрылась вся сложность положения в стране и в партии. Это давно не было секретом. Поражала атмосфера безысходности, полного отсутствия представления о будущем, стараниями фразой подменить мысль» [36]. По окончании этого Пленума начальник встретился с секретарями первичных партийных организаций подчиненных ему подразделений центрального аппарата КГБ СССР. В ходе встречи «последовал вопрос: “Что будет с партией? Что будет со страной? Что нужно делать и что собираются делать наши руководители?” Мне пришлось в нарушение всех традиций, предполагающих всеведение начальства, ответить просто: “Не знаю!”» [37].

Стремительно развивающиеся события дали яркую вспышку в виде ГКЧП СССР, существовавшего всего три дня, с 19 по 21 августа 1991 года. Об этих днях в уже цитированном выше учебном пособии по истории нашей страны написано: «Происходящее на улицах [Москвы. — В. Петров] смахивало на театрализованную постановку с грозной атрибутикой, декорациями, в числе коих и танки, и бутылки с бензином, и арматурные прутья воспринимались как спектакль из забытого исторического прошлого» [38]. 1991. Широко известный

блогер А. Навальный вспоминал свою беседу с офицером одного из подмосковных гарнизонов. Беседа происходила в первый день ГКЧП, 19 августа 1991 года. Собеседник А. Навального готовился вместе со своим полком совершить марш на Москву. «Он говорил, что ни у кого вокруг не было ни капли страха. Все понимали, что офицеры Таманской и Кантемировской дивизии съезжают в Москву, постоят и вернутся. Советская власть была уже не способна заставить их стрелять в народ. Ее не уважали и не боялись. Достаточно было посмотреть на смеющихся над гэкачепистами во время той пресс-конференции журналистов, чтобы предсказать очень скорое будущее всей авантюры. Он хорошо помнит “трясущиеся руки Янаева” и чувство, что наблюдает агонию режима» [39].

Характерно, что демонстрации против ГКЧП были. А вот противоположно направленных демонстраций не наблюдалось. Г-н Черняев, в 1991 году бывший помощником Генсека ЦК КПСС Горбачева, отметил в декабре 2011 года, что никто не вышел на площадь для того, чтобы защитить СССР [40]. К этому наблюдению г-на Черняева можно добавить следующее. Как представляется, его нынешние слова и тогдашние действия вполне укладываются в известный английский анекдот. «Один лорд приходит из аристократического клуба и говорит своей жене: “Ты знаешь, дорогая. Сегодня председатель нашего клуба сказал: «Господа, поднимите руки те, кто ни разу не поцеловал иной женщины, кроме своей жены. Каждому поднявшему руку я подарю замечательный шелковый цилиндр в цветочек!» И ты представь себе, дорогая, что ни один лорд из нашего собрания руки не поднял». Жена удивленно спрашивает: “Дорогой. Я понимаю мотивы других. Но ты-то почему не поднял руки?” Лорд ответил так: “Дорогая.

Я совсем уж было собрался поднять руку, но вовремя сообразил, что мне очень не пойдет шелковый цилиндр в цветочек!»». Очевидно, сам Черняев, будучи высокопоставленным функционером СССР, не вышел на площадь руководствуясь примерно такими же соображениями.

В СССР августа 1991 года с обеих сторон баррикад наличествовали те еще деятели. У нас в стране давным-давно не было Сталина, но был неиссякаемый говорун М. С. Горбачев. У нас не было Черчилля, но был Ельцин. У нас не было Ф. Д. Рузвельта, но был Е. К. Лигачев. У нас не было генерала Эйзенхауэра, но был генерал, в дальнейшем получивший прозвище «Паша-мерседес». У нас не было Маргарет Тетчер, но была Галина Старовойтова. У нас не было маршала Бертье, но был маршал Язов. У нас не было Муссолини, но был Жириновский. У нас не было принца Савойского, но был генерал Лебедь. У нас не было И. Ньютона, но был академик Сахаров. У нас не было английской палаты лордов, но были Верховный Совет СССР (по меткому выражению одного остряка, «Палата мордов») вкуче с Верховным Советом РСФСР, причем последний спустя два года пришлось расстреливать из танковых орудий. И так далее, без остановки до распада страны.

Считается, что ГКЧП был остановлен Ельциным путем героического махания кулаками с танка вкуче с демонстрацией, организованной в Москве неким попом-расстригой. На самом деле события развивались по сценарию, который не украсил обе стороны конфликта. ГКЧПистов – так как они не просчитали простейшего варианта развития сложившейся 19 августа 1991 года ситуации, Ельцина – потому что его вклад «в победу демократии» значительно обесценился. Посмотрим, какие события послужили результатом этих событий.

На первые же действия ГКЧП дал асимметричный, но зубодробительный для этого «государственного комитета» ответ тогдашний президент США Дж. Буш-старший. Он незамедлительно распорядился, чтобы наряды полиции по всем портовым городам США прекратили бы погрузку на корабли зерна, адресованного СССР. Разумеется, что об этом событии было быстро доложено руководству СССР по линиям КГБ и ГРУ. Так и напрашивается следующая реконструкция событий. Министр обороны Маршал Советского Союза Язов спрашивает у начальника ГРУ: «Чем такое может грозить?» Начальник ГРУ отвечает: «Без этих поставок зерна в СССР хватит до начала января следующего, 1992 года». Маршал Язов: «А потом что?» Начальник ГРУ: «А потом...», продолжив и завершив фразу не словами, а неприличным звуком и еще менее приличным жестом. Маршал попросил уточнить, что сие означает. Начальник ГРУ, очевидно, ответил в том смысле, что начнутся очереди за хлебом, да такие, что на их фоне недавние очереди за водкой покажутся детским садом или заседанием какого-нибудь человеколюбивого общества в Европе. После чего, очень быстро, дело дойдет и до прямых хлебных бунтов, которые сметут всех и вся. А, параллельно с этим, армия выдвинет из своих рядов десятки батеков Махно, сильно оголодавших, но зато с невероятным количеством разнообразного оружия на руках у подчиненных. После этого Язов очевидно и принял решение о спешном выводе военной техники из Москвы и начал публично каяться, судя по свидетельствам прессы, называя себя во всеулышание «старым дураком». Но, глядя на лица остальных членов ГКЧП, вряд ли хоть кто-нибудь рискнул бы назвать их молодыми дураками.

Так или иначе, уже к середине дня 21 августа 1991 года ГКЧП бесславно

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

закончил свое существование. На советский народ этот путч (переворот, бунт и т. п.) произвел неизгладимое впечатление. Событиям вокруг ГКЧП посвящены много книг и статей. Внешние наблюдатели тоже не остались равнодушными. Важным представляется свидетельство В. Ярузельского. Этого человека можно в определенной степени считать экспертом по чрезвычайным положениям. Именно он в декабре 1981 года руководил введением военного управления в своей стране. «За 10 лет до распада СССР генерал Войцех Ярузельский смог сделать в Польше то, чего не удалось ГКЧП. ...Через десять лет генерал говорил, что был поражен действиями советского ГКЧП, отсутствием решительных мер по отношению к лидерам оппозиции: никого не интернировали, телефонную связь не отключили, СМИ продолжали работать, причем как государственные, так и оппозиционные. Войцех Ярузельский говорил, что наблюдал за происходящим в Москве очень внимательно и его не покидало ощущение какого-то спектакля: «Все выглядело дилетантски, опереточно». Его поразила беспомощность Советской армии, боевые возможности которой он знал хорошо. Ярузельский полагал, что ГКЧП переоценивал свои возможности, считая народ по-прежнему боязливым и запуганным» [41]. Создание ГКЧП и его быстрый провал наглядно показали всем, что правящие круги СССР не могли управлять страной ни в «обычном» порядке, ни в порядке «чрезвычайном».

И вот с падением ГКЧП распад СССР в его существующем виде, к сожалению, стал необратимым. «С 21 августа по 1 сентября 1991 года провозгласили “независимость” Эстония, Латвия, Украина, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия. Что это означало, вряд ли кто-то понимал даже в самих республиках. Ведь

Эстония уже провозглашала “суверенитет” 26 ноября 1988(!) года, Латвия – 28 июля 1989 года, Азербайджан – 23 сентября 1989 года. В стране давно творилось черт знает что... Почти все республики провозглашали то “суверенитет”, то “независимость” начиная с 1988 года, по несколько раз. Армения, например, начав вместе с Литвой в мае 1989 года с провозглашения “суверенитета”, в августе 1990 года заявила уже о “независимости”, и т. п. Однако от поставок сырья и прочего по союзной кооперации никто не отказывался. Москве достаточно было отрезать, например, Эстонию, давшую первый импульс этой вакханалии “суверенитетов” в ноябре 1988 года, на недельку от поставок энергоносителей и сырья (при, естественно, исключении “воздушных мостов” Запада с нарушением государственной границы СССР), чтобы все стало на свои места» [42]. Но Горбачев и до августа 1991 года и после предпочитал вместо целенаправленной и вдумчивой государственной деятельности эффектные, хотя и малосодержательные, выступления на митингах, собраниях, конференциях и съездах. И до сих пор для историков остается недостаточно ясной роль Горбачева в подготовке и реализации планов ГКЧП. А многие документы, проливающие свет на деятельность ГКЧП были заинтересованными лицами уничтожены «по горячим следам» уже буквально в следующие дни. Вот что вспоминал о тех днях один из уже процитированных выше генералов. «После освобождения “узника” М. С. Горбачева нам приказали все документы, которые приходили из вышестоящих штабов и ГРУ, сжечь, что мы и сделали. После выступления труса Горбачева М. С. нас вызвали к следователям по особо важным делам, но, естественно, мы никаких документов не дали» [43].

Основными результатами ГКЧП и его бесславного конца стали исчез-

новение КПСС и фактический конец процесса реорганизации СССР. «Итогом августовских событий стало устранение с политической сцены КПСС. Указом российского Президента ее деятельность была приостановлена на территории России. Генсек призвал ее ЦК к самороспуску, что тот безропотно выполнил. Многомиллионная партия исчезла, не оказав, в сущности, никакого сопротивления» [44]. 2 сентября 1991 года в Москве, по горячим следам, начал «работу» Пятый Внеочередной съезд «народных» депутатов СССР. Он попытался сделать что-то, в плане спасения хоть в какой-либо форме СССР, но, не достигнув никаких внятных результатов, бесславно и сумбурно свернул свою деятельность уже меньше чем через неделю, 6 сентября [45]. По инерции Горбачев продолжал что-то делать, изображая деятельность «лидера великой страны», пытался реанимировать ново-огаревский процесс, но на него уже никто не обращал особого внимания. Признанным лидером России, пока еще называвшейся РСФСР, стал Б. Н. Ельцин. Отсюда он стал и де-факто лидером среди глав тех «независимых государств», которые пока еще чисто формально входили в состав СССР.

И наконец, в декабре 1991 года, произошло увы, уже в тех условиях неизбежное. «Руководители России, Украины и Белоруссии объявили о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». В их Заявлении мир оповещался об образовании Содружества Независимых Государств, присоединиться к которым приглашались все бывшие республики Союза, а также иные государства, разделяющие цели и принципы Беловежского соглашения» [46]. Заметим, что за 20 прошедших с тех пор лет ни одно из «иных государств» в СНГ так и не вступило. В его состав

входят только те государства, причем, далеко не все, которые ранее в виде союзных республик находились в составе СССР.

В конце декабря 1991 года М. С. Горбачев выступил в прямом эфире телеканалов и сообщил, что он слагает с себя полномочия Президента СССР. Он передал «ядерный чемоданчик» Верховного главнокомандующего своему соратнику-врагу Б. Н. Ельцину и отбыл на пенсию в политический нафталин, из которого теперь время от времени высовывается с поучениями на темы, как нужно правильно руководить страной. Напоследок, перед тем, как объявить о своей отставке, Горбачев не смог удержаться от эффектного жеста в стиле «король умирает» и завершил свою деятельность на посту Президента СССР, присвоив звание «Народный артист СССР» знаменитой примадонне А. Б. Пугачевой.

В процессе изучения поставленной проблемы, мне пришлось встретиться со многими точками зрения. Мнения о причинах распада СССР настолько разнообразны, что трудно их отразить в рамках одной относительно небольшой по объему статьи. Могу предложить вниманию уважаемых читателей некоторые из них.

Вот несколько мнений, которые приводит известный писатель, автор нескольких книг по истории нашего государства, Сергей Кремлев. «СССР, то есть — историческая Россия, включающая в себя Киев, Одессу, Тбилиси, Алма-Ату, Ригу, Севастополь и т. д., пал жертвой заказного убийства, заказанного внешними силами. Но СССР пал жертвой и бездумного сепаратизма, раздувавшегося “национальной интеллигенцией” в республиках СССР» [47]. «СССР не распался, а был развален внутренними предателями и внешними провокаторами. ...Обманутый “интеллигенцией” народ не смог организовать и

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

противостоять предательству вначале советской номенклатурной “элиты”, а затем новой “ельциноидной” “элиты”. Советская интеллигенция СССР оболгала. Советское руководство СССР предало. А вот народ СССР проср...л» [48]. «... Можно задаваться вопросами: “Кто, как и почему разрушил СССР?” – и находить на них верные ответы. Но в конечном счете СССР пал потому, что нас еще в СССР постепенно, год за годом, отучали жить в обществе как люди, отбивали к этому вкус... [Отточие в тексте книги. – В. Петров]. Нас отучали и во многом отучили *хотеть* [курсив в тексте книги. – В. Петров] быть людьми» [49].

Генерал-майор В. Д. Улыбин проводит вектор причин распада СССР, в частности, от неблагоприятной деятельности высших офицеров Вооруженных Сил СССР. А также добавляет слова о наемной армии, над которыми, очевидно, необходимо серьезно задуматься. «Все эти деяния высшего офицерского состава длились не один год. Например, после смерти члена Политбюро ЦК КПСС, Министра обороны СССР маршала Советского Союза Гречко А. В. его сейф оказался забит не русскими рублями, а фунтами стерлингов, долларами и т. д. Рыба гниет с головы и все это разъедало армию изнутри подобно ржавчине и привело нас к печальному финишу. Модно сейчас говорить о наемной, или профессиональной армии. Мой опыт говорит о том, что важные и опасные задания необходимо поручать только добровольцам. Совершенно очевидно, что искренний энтузиазм и готовность рисковать жизнью за правое дело, за честь Родины – основные слагаемые элементов успеха, при отсутствии которых он вряд ли достижим. От наемника, подсчитывающего стоимость своей шкуры, нельзя ждать нерушимой преданности, а редкие исключения, известные мне,

скорее подтверждают это правило, чем опровергают его» [50].

Вице-премьер Правительства Российской Федерации Д. О. Рогозин приводит несколько причин распада СССР, впрочем, не ограничиваясь только приведенными ниже. «Все лето 1991 года между Горбачевым и Ельциным шли препирательства по поводу Союзного договора, а точнее – неприкрытая борьба за власть. Ради того, чтобы убрать с дороги президента СССР, Ельцин был готов убрать и сам СССР. И в поделниках в этом гнусном деле недостатка у него не было» [51]. «Да, общество желало как можно скорее избавиться от власти коммунистов, наивно полагая, что на смену им придет народная демократия, порядок и достаток. Тем не менее, против уверенной в себе власти никому бы в голову не пришло дергаться и бузить. Но, как пел Владимир Высоцкий, «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Вместо того, чтобы просчитать возможные и необходимые действия по наведению порядка, исправлению прежних ошибок, которые поставили СССР на край пропасти распада, ни на что не годные партийно-государственные трусы испугались собственной же тени» [52]. «...В рядах руководства КПСС настоящих мужчин уже давно не было. Тех идейных коммунистов, кто своим примером поднимал солдат в атаку, кто действительно искренне верил в коммунистическую утопию и был готов отдать жизнь ради спасения своей Родины, в партийной номенклатуре Ельциных, Горбачевых, Яковлевых и Шеварднадзе не значилось. А те, кто значился, предпочитали дорожить своей шкурой, цеплялись за власть и подворовывали» [53]. Д. О. Рогозин не стесняется оценивать роль И. В. Сталина в создании и укреплении Союза ССР и значение его отсутствия после 1953 года. «Я часто задавал себе вопрос, почему Советский

Союз стал великой страной именно при Сталине, а после его смерти стал терять одну позицию за другой. ...Так в чем же секрет успеха Сталина? Секрет один — Иосиф Сталин не давал коммунистической номенклатуре воровать. Поэтому наделенная Господом Богом несметными природными богатствами Россия стала быстро экономически расцветать и вскоре — по многим показателям — доминировать в мире. Не стало Сталина, — расцветать стала не страна, а партийная “малина”, и ее густыми побегами зарос фундамент советской морали и государственности» [54].

Известный политолог С. Кургинян имеет свое видение причин исчезновения СССР. «Я считаю, что все произошедшее с Россией, в двух словах, связано с тем, что наш народ оказался в ситуации очень наивного человека, обыгранного мошенниками. Человека, которого провели на мякине. Я предупреждал об этом двадцать лет назад, но никто не хотел слышать. Страна тогда находилась в состоянии некоего безумия» [55]. «Уже не действовал разум вообще, было состояние безумия, и в нем народ совершил ошибку, к которой его подтолкнули. Огромная вина интеллигенции, как мне кажется. После этого страна лишилась своего лица, как говорят китайцы, произошла потеря лица, потеря первородства» [56].

Немалую роль сыграли официально исповедуемые доктрины, в правильность и справедливость которых уже давно мало кто верил. Блогер А. Навальный вспоминал. «Потом я ездил в пионерские лагеря. Каких-то воспоминаний, как мы бодро там маршировали, у меня нет. В мое время над этим уже все смеялись. Выродилось все к тому времени. ...Мое поколение застало Советский Союз в том виде, когда это уже была абсолютная игра и обман. Даже дети это все понимали. “Взвейтесь кострами, бочки с бензи-

ном, мы пионеры, дети грузинов...”» [57]. Тут же было декларируемое всеобщее равенство граждан СССР при существующем фактическом неравенстве, которое все видели. «Во всех военных городках, где я жил, все люди были одинаковые, никто никогда не был за границей. А в последнем городке, где родители и сейчас живут, там уже были дети, чьи отцы служили в Германии, Венгрии, Афганистане. И то, что они привозили, это был шок — настоящие жвачки с настоящими вкладышами; дома у них были японские телевизоры; они рассказывали “про за границу”. Это был другой мир. А у нас ничего не было. И стала заметна разница. Эти люди были, вроде, такие же советские офицеры. Но те советские офицеры, которые послужили в Германии, они были совсем другие советские офицеры. Я не чувствовал социального неравенства, и они не были богаче нас. Но они там были, а мы нет. И поэтому было понятно, что мы разные люди. Было понятно, что вся эта поганая система построена на обмане, и все эти агитаторы и пропагандисты, которые здесь живут и рассказывают сказку про свою партию, мечтают только о том, чтобы получить путевку в Болгарию, купить здесь часы, там их обменять на какие-то духи и два магнитофона, чтобы один здесь сдать в комиссионку. Все хотели поехать за границу. А за границу ездили только те, кто больше всего полоскал нам мозги — какой распрекрасный Советский Союз, советский строй. Осознание этого, плюс программа “Взгляд”, рок-музыка — все это сформировало из меня отъявленного, адского демократа и либерала» [58].

О. М. Попцов, по относительно еще горячим следам, в 1995 году дал следующую малоприятную характеристику М. С. Горбачеву как руководителю, потерявшему политическую власть в СССР. «...Сделал шаги

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

в сторону демократических реформ, но не рискнул возглавить демократическое движение. Разговоры об экономических реформах трактовал как сами реформы. Оказался меньше масштаба начатых им перемен. Обнаружившееся несоответствие признать отказался. Сделал попытку реанимации социализма. Автор термина “социализм с человеческим лицом”. ...Последние годы власти был более популярен за рубежом, нежели в собственной стране. Недоучел очевидной истины: враги изобретательны в борьбе, рабы — в предательстве. Страдает синдромом повышенной самозначимости. Утратив политическую власть, критического анализа собственных просчетов делать не стал. Выдержал паузу, ожидая ошибок Ельцина. ...В мыслях и снах видит низвержение Бориса Ельцина, более болезненное и драматическое, нежели свое собственное» [59]. Из приведенной характеристики вполне можно косвенным путем вывести многие обстоятельства, которые если и не были прямыми причинами гибели СССР, то сильно ей поспособствовали.

В пособии для средних школ предложен такой вариант. «Вопреки ожиданиям итоги референдума [17 марта 1991 года о судьбе СССР. — В. Петров] не оказали положительного влияния на судьбу Союза. Высшее политическое руководство страны и суверенных республик проигнорировало народное волеизъявление» [60]. И в этом же пособии: «Бюрократический партаппарат, пораженный карьеризмом и корыстолюбием, давно оторвался от рядовых коммунистов и значительная его часть была уже готова воспринять либеральные ценности, включиться в процесс гигантского передела власти и собственности в стране» [61].

А. П. Шевякин написал интересную книгу, в которой основную

вину за распад СССР возлагает на... Комитет государственной безопасности страны. Эта книга интересна для чтения, хотя и является достаточно спорной. Но ряд причин распада СССР, указываемых автором книги, является достаточно любопытными. «КГБ СССР в целом оказался методологически не готовым к явлениям типа перестройки. При этом, конечно, стоит сказать, что как раз та часть, что пошла на погром Советской Родины, была готова и даже использовала все в свою пользу; и при этом применялась практически вся сумма знаний, которой владел Комитет» [62]. «Мы понимаем, что операция “Перестройка” — это грандиозный успех КГБ! Он слишком долго работал на СССР. Настал момент, после которого можно было поработать и на себя. Дальше пути разошлись» [63]. «Когда Ю. В. Андропов говорил, что “...мы в должной мере не изучили и не знаем общества, в котором живем...”, то он лукавил. Знал он и то общество, которым давно уже тайно правил, и то, что другие знатоки сделают с этим обществом» [64]. «...При разрушении СССР нашлась некая до конца не определенная точка, или, даже точнее, группа точек на некоей плоскости, пройдя которую и удаляясь от которой Советский Союз должен был быть гарантированно разрушен. В силу чрезвычайно низкой как общей политической культуры, так и по вопросам национальной безопасности, в СССР это не замечали. Говоря объективно, на сегодня мы не способны вычислить тот переломный момент (час, день или более протяженное время), на который можно указать, что именно с этого момента “процесс зашел” столь далеко, что альтернативы развалу СССР уже не было» [65]. «Комитетчики-антисоветчики сами маскировали свои намерения и прикрывались М. С. Горбачевым, как проститутка пытается прикрыть оде-

ялом блуд, а тому, в свою очередь, не хотелось, чтоб его использовали» [66].

Иммануил Валлерстайн и Георгий Дерлугьян указывают на существовавшие, по их мнению, геополитические причины распада СССР. «Советский успех посеял семена своего собственного краха. Геополитически СССР после 1945 года вместе с США оказался ответственным за умиротворение Европы и до некоторой степени части Азии. Из-за этого достижения (о котором цари и их министры не могли и мечтать) огромные механизированные армии советского блока застряли в позиционном тупике» [67]. Они же предлагают некие «бюрократические патологии», которые «быстро размножились» в послехрущевский период. Согласно воззрениям этих авторов, после отстранения гиперактивного и «очевидно идеологически верующего» Хрущева от власти, «... номенклатура обрела свой тихий рай. Результат, однако, оказался иррациональным. Командная экономика требовала верховного командира. В его отсутствие бюрократические патологии всех видов быстро размножились. Государственный аппарат стал коррумпированным, фрагментированным системой покровительства, слепо инерционным и расточительным» [68]. И, как окончательный итог, в 1990-1992 годах номенклатура в основном демонтировала СССР на части — республики и провинции или промышленные сектора и предприятия [69].

Согласно Александру Механику, во всем виновата «элита», которая в угоду своим интересам подорвала стабильность общества. «Брежневу удалось успокоить, умиротворить общество. Большинству общества застой был вполне в кайф. Беда в том, что именно это гораздо более образованное, гораздо более мирное, гораздо более социализированное, стабильное общество оказалось абсолютно бес-

сильным против собственной элиты в тот момент, когда элита решила, что пора развиваться. И решила принести это общество в жертву своим собственным планам» [70]. Но ведь и общество было тоже далеко не ах. В известном художественном фильме конца 1970-х годов умно и зло, на примере некоего зоологического института, были показаны типичные представители интеллигенции того времени. И особенно запоминаются самокритичные слова, сказанные одним из героев фильма, пожилым участником Великой Отечественной войны: «С собой сегодняшним я бы в разведку не пошел!» Далее этот же автор, А. Механик, логически развивает схему, согласно которой распался СССР. «Мы оказались в ловушке: были запущены процессы формирования локальных элит, которые оказались носителями сепаратизма, а вот процессы формирования демократического гражданского общества, которые тоже шли в Советском Союзе, но существенно отставали, были подавлены в ходе распада СССР этими же самыми элитами. Распад СССР был в значительной мере поражением демократии» [71].

Сергей Журавлев представил поэтическое видение причин распада СССР, не обременяя себя уточнениями. «В сущности, социализм представлял собой лампочку, которая светила ярко, но недолго. Сегодня, оглядываясь назад, многие все еще думают, что это дворовые хулиганы, Горбачев и Гайдар, лампочку разбили. А она просто перегорела» [72].

Недостатки в системе политического контроля видятся Александру Кокшарову в качестве одной из основных причин распада СССР. «Одной из фундаментальных причин деградации советской системы было ослабление политического контроля» [73]. Далее он приводит доказательства выдвинутого им тезиса. «Мне кажется, как

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

только централизованный контроль в СССР стал ослабляться, люди во власти — скажем, партийное руководство республик — увидели для себя возможность получить “свою маленькую империю”. Их в первую очередь интересовало не превращение в независимые государства, их занимали собственные экономические интересы. Националистические идеи же использовались лишь в качестве метода достижения цели — получить большую экономическую независимость от центра» [74].

Виктор Ивантер ссылается на существовавшее в СССР «всеобщее недовольство», которое в конечном счете и погубило страну. «В Советском Союзе довольных не было: рабочие были недовольны, крестьяне недовольны, интеллигенция как гуманитарная, так и техническая недовольна. Бюрократия вся была недовольна. Руководство предприятий, партаппарат и даже власть были недовольны — собственным народом. Всеобщее недовольство лишало систему защиты» [75].

А вот слова, написанные в том 1991 году. Напомним читателю, что данная книга была сдана ее автором в печать еще до событий августа 1991 года. А сам автор длительное время занимал пост Министра здравоохранения СССР, то есть, был лицом весьма и весьма информированным. «Сколько карьеристов, да и просто проходимцев, пригреблись у КПСС. Именно они не только оттолкнули от партии миллионы простых людей, но и способствовали ее разрушению. Как ни парадоксально, но именно внесение в Конституцию нашей страны статьи о руководящей роли партии способствовало ее деградации. Сегодня, когда видишь, как с экрана телевизора или со страниц газет люди, клявшиеся в прошлом в верности партии и строившие на этом карьере, поносят все, что несколько лет назад утверждали

и превозносили, появляется чувство гадливости. Эти карьеристы сегодня предали КПСС, а завтра предадут кого угодно. Сегодня на волне общественно-политической активности, используя промахи и недостатки коммунистов, растут как грибы различного рода демократические движения и партии. Лозунги демократии, экономической свободы, несущей процветание, наиболее популярны в народе. И сколько же политических карьеристов, в том числе и бывших коммунистов, эксплуатируют в своих амбициозных целях эти, близкие широким массам лозунги. Здесь уже идет борьба за руководство партиями и политическое лидерство. И где гарантия того, что получи они власть, карьеризм не будет разъедать и эти партии?» [76]. Из сказанного можно почерпнуть многое...

Вот сведения Алексея Виноградова, которые перекликаются с цитатами из книги о виновности КГБ в распаде СССР. «...Один из отставников разговорился уже сейчас. Речь идет о мемуарах Михаила Любимова — бывшего советского резидента в Лондоне, а в начале 80-х — главного аналитика Первого управления Лубянки. По его словам, еще Андропов в 1983 г. задумал операцию “Голгофа”, суть которой — через кратковременное “возвращение в капитализм” обновить страну и прийти к “истинному социализму”» [77]. Здесь так и напрашивается ставшее крылатым выражение В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Сам же М. П. Любимов сообщает следующее: «...обобщая и окончательно выписывая цэрэушной кистью образ отца перестройки, Гейтс пишет: “Михаил Горбачев имел три уязвимых места, обеспечивших его фиаско в стране и ускоривших распад Советского Союза: 1. Он верил, что коммунистическое правление в Советском Союзе можно реформировать, сле-

лать более компетентным, удержаться у власти. 2. Он считал, что советская экономика может быть оживлена при централизованном контроле, социалистической промышленности и коллективном сельском хозяйстве. 3. Он верил, что восточные европейцы и нерусские национальности в СССР останутся частью реформированной и более демократической Советской империи» [78]. Отсюда видны три основные причины распада, согласно данным сотрудника ЦРУ США.

Во всем виноват высший, но неумелый, руководитель страны, имеется утверждение Ю.И. Скуратова. «Вместо того чтобы затормозить распад Союза, Горбачев ускорил его, не продумав до конца идею нового союзного договора» [79]. И у другого автора Горбачев со товарищи именинники. «В конечном итоге, Горбачев и его сподвижники повторили роль сил, свергнувших в 1917 году монархию, за несколько месяцев правления которых словно открылся ящик Пандоры с несчастьями для России. Горбачев же стал, по сути, отечественным Геростратом» [80].

И, наконец, цитата, свидетельствующая о том, что разговор о причинах распада СССР можно начать издалека, еще с «благополучных» брежневских времен или даже несколько ранее. «Как рассказывают, Андропов любил слушать песни Владимира Высоцкого. (Уже один тот факт, что председатель КГБ мог с удовольствием слушать официально не признанного барда, служил симптомом обреченности СССР)» [81].

В заключительной части статьи следует остановиться на том, что же мы потеряли, а что приобрели в результате распада великой страны СССР.

Ожидания многих, что стоит только ликвидировать КПСС, развалить СССР и ввести капитализм, как сразу мы заживем в стране молочных рек,

текущих среди кисельных берегов, не оправдались. «Радужные надежды, связанные с созданием СНГ, однако с первых дней [1992 года. — В. Петров] стали заметно таять. Украина поставила под сомнение целый ряд согласованных позиций. “Прозрачные границы” обрастали таможенными, трещало по швам экономическое пространство, растаскивались “по национальным квартирам” единые вооруженные силы. Каждое из вновь образовавшихся государств стремилось изолироваться. Рвались все некогда связующие нити экономического, социально-политического и военного характера» [82].

Николай Иванов дает краткую и убедительную трактовку. «Ужасающий трагизм распада СССР до сих пор не признан всем российским обществом, консенсусная оценка тех событий не выработана» [83]. В литературе можно встретить и другие оценки со сходных позиций психологии, например, у Веры Красновой. «Советский Союз вызывал сложные чувства. С одной стороны, явно не жилец, с другой — это как часть тебя самого, и боль от ее иссечения трудно заболтать рациональными доводами» [84].

Можно также за основу оценки принять потери населения. Николай Иванов пишет по поводу людей, погибших в различных конфликтах, причинами которых послужили события, связанные с распадом СССР следующее: «Оценки простираются в огромном диапазоне — примерно от 100 тыс. до 600 тыс. погибших» [85].

Сергей Журавлев и Александр Ивантер в своей статье приводят описание новых государств. Образовавшиеся на территории бывшего СССР, в результате распада последнего, государства, авторы делят на четыре группы. Первая группа — «Петрореспублики», от слова петролеум, то есть, нефть. К ним авторы относят Азер-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

байджан, Казахстан, Туркменистан и Россию. Во вторую группу, обозначенную авторами статьи как «импортеры капитала», входят Армения, Грузия, Латвия, Литва, Эстония. В третью группу, названную «диктатуры», входят Узбекистан и Белоруссия. К четвертой, именуемой «несостоявшиеся государства», авторы статьи относят Киргизию, Таджикистан, Молдавию и Украину [86]. Из их статьи следует, что во многих бывших союзных республиках элиты выиграли, но многие государства и проживающие в них народы в целом, как представляется, от распада СССР более проиграли, нежели выиграли. Но многие, если не все без исключения, вновь образованные страны проиграли с точки зрения государственных интересов. «Результат восстания номенклатуры оказался чрезвычайно разрушительным. Значительно более слабые государства-преемники, на которые распался СССР, не могли поддерживать прежний уровень промышленной координации, инвестиций, науки, образовательного и социального обеспечения, а также военного и дипломатического влияния, достигнутого СССР» [87]. Особо следует рассмотреть то, что в результате распада СССР потеряла Россия, прежде всего, территориально и с точки зрения ее безопасности. Сошлемся на данные генерала В. Н. Удилова. «Если в начале прихода к государственному рулю Горбачева границы нашего социалистического лагеря проходили в двух часах езды от Италии, то сейчас государственная граница проходит в районе Смоленска и Ростова-на-Дону на западе, а на юго-востоке — по Волге. И не надо было воевать!!! Так просто, основываясь на законе об образовании СССР, республикам были в 1922 году переданы [здесь автор не прав. Передача состоялась позднее, в конце 1920-х и в начале 1930-х годов. — В. Петров] под их подчинение

ряд российских территорий, которые, после Беловежского развала Союза, никто не подумал возвратить. Так мы потеряли Нарву, Одессу, Крым, Донбасс, Семипалатинскую, Уральскую, Петропавловскую области в Казахстане. Бывшие российские территории, такие как Абхазия с Ново-Афонским православным центром, Приднестровье, часть земель Восточной Пруссии, вошедших к нам по Потсдамским соглашениям, — все это стало не нужным новым правителям России, и они либо отказываются от них, либо раздаривают» [88]. Справедливости ради заметим, что эти строки увидели свет в 1998 году, еще в период президентства Б. Н. Ельцина.

Виктор Ивантер пишет о возможностях, которые наша страна упустила в результате всех происшедших событий. «Если бы мы смогли наработанный потенциал мобилизационной экономики путем постепенных реформ перевести, не разрушая, на рыночные рельсы, мы бы имели сейчас другую экономику. Но я все-таки думаю, что китайский путь реформ возможен был только в Китае. Для этого все мы должны быть китайцами» [89]. Но он указывает и положительные аспекты случившегося с нами. «Есть две фундаментальные вещи, которые советская система в принципе не могла обеспечить: свобода потребительского выбора и свобода перемещения, как внутри страны, так и вне ее. Сейчас обе эти базовые свободы обеспечены — и это главные завоевания российской рыночной экономики при всех издержках перехода» [90]. Правда, какой ценой «две фундаментальные вещи» были достигнуты, об этом уже говорилось.

Имеется мнение Павла Быкова, согласно которому вопрос о положительности или отрицательности результатов распада СССР предстоит решать как-нибудь потом. «Вопрос, как оценивать распад Советского Союза,

не имеет ответа в прошлом. Его можно найти только в будущем — не [в] виде отвлеченного вердикта историков, но в виде конкретного исторического факта. То, чего добьется или же не добьется наша страна, и определит, каким будет ответ» [91].

Можно в конце привести несколько ернические строки Сергея Мостовщикова о значении распада Союза ССР. «... Я до сих пор искренне считаю, что, если люди и не врут о распаде СССР, это событие, безусловно, следует считать грандиозным санитарно-гигиеническим актом, избавлением от попрапия эстетических, гуманитарных, общечеловеческих норм, победой разума над здравым смыслом» [92].

И уж совсем в завершении разберем, как же теперь видится нам наша страна и нынешние российские, бывшие когда-то советскими, люди в ней.

К. Воронков утверждает, что за двадцать лет не произошло заметных изменений в поведении наших граждан. И это результат длительной привычки к окружающей советской действительности. «Нужно быть ребенком, чтобы чувствовать всю ненормальность окружающей действительности — вокруг царило “совковое” лицемерие, которого взрослые почти уже не замечали. Трудно сказать, удалось ли нам от него освободиться, но внешние проявления “совковости” точно живут до сих пор. Я могу зайти в ресторан за границей и сразу вижу, где сидят наши русские-советские люди: шныряют испуганно глазами и пытаются произвести впечатление. ...Советские люди всегда ищут подвоха» [93]. И далее продолжает. «То, что мы презрительно называем “совковостью”, это наш культурный код. Вот такой он и есть» [94].

Сергей Мостовщиков иронически сообщает о прежней и нынешней устройствах мыслей в нашей стра-

не. «Если раньше советская география мысли состояла в основном из атомной бомбы, кольца врагов, сапог-чулок, нерушимого блока коммунистов и беспартийных, тещи и мужа, вернувшегося из командировки, то теперь все то же самое состоит из системы ГЛОНАСС, пиндосов, гастарбайтеров, сумки “Биркин”, взаимовыгодного сотрудничества жуликов и воров, а также пидоров и суши с икрой летучего ежа. Как говорится, мы по-прежнему русские! С нами “Майбох”!» [95]. К выказанному им следовало бы добавить еще кое-что. Прошло 20 лет, а мы все такие же.

Александр Генис в юмористической форме пишет о явлениях, которых раньше не было, и которые возникли на территории нашей страны только после распада СССР. Среди их довольно длинного списка есть и такие:

«— Пограничница в мини-юбке...

— Подмосковные дачи с домовою церковью и сторожевыми вышками...

— 250 культурологов, бывших раньше экскурсоводами по ленинским местам...

— Бездомный негр, подбирающий окурки у памятника Марксу.

— Реклама: “Покупайте кондитерские изделия фабрики «Большевичка». На рынке — с 1899 года”» [96].

Итак, мы привели большое количество различных точек зрения. И перед нами должна встать весьма нелегкая задача. Каким же образом привести их к единому знаменателю? Может быть, подытоживая статью о значении распада СССР, привести ответ по аналогии со словами, приписываемыми У. Черчиллю: «Кто после 30 лет является коммунистом — у того нет ума. А кто в 20 лет не был коммунистом — у того нет сердца!» Но все же остается вопрос. Будем мы радоваться распаду СССР или печалиться об утраченной великой стране?

1. См.: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954, с. 140 – 141.
2. Там же, с. 138.
3. Там же, с. 139.
4. Там же, с. 144.
5. *Белади Л., Краус Т.* Сталин. – М.: Издательство политической литературы, 1989, с. 87 – 88.
6. История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. *В. С. Нерсисянца*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая литература, 1988, с. 686.
7. Там же, с. 687 – 688.
8. См.: *Механик А.* Плавильный котел государственности // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 22 – 31, с. 28.
9. История России. Советское общество. 1917 – 1991. Экспериментальное учебное пособие для средних школ / Под общей редакцией *В. Журавлева*. – М.: ТЕРРА, 1997, с. 159.
10. *Ленин В. И.* Сочинения. Издание третье. Том XXVII. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, с. 378.
11. *В. И. Ленин.* Сочинения. Издание третье. Том XXVII. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, с. 558.
12. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. ..., с. 155.
13. Там же, с. 158.
14. Большая Советская Энциклопедия. [1-е издание]. Союз Советских Социалистических Республик. – М.: ОГИЗ СССР, Государственный научный институт «Советская энциклопедия», 1947, ст. 21 – 22.
15. См.: Там же, ст. 22.
16. *Механик А.* Двадцать лет кайфа // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 34 – 38, с. 37.
17. Там же, с. 37.
18. *Колпакиди А. И., Серяков М. Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2002, с. 513.
19. *Чазов Е.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». – М.: Новости, 1992, с. 200.
20. *Соколов Б.* Убийство Берии, или Фальшивые допросы Лаврентия Павловича. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011, с. 62 – 63.
21. *Улыбин В. Д.* «Во мне всегда жила любовь к России...» (автобиографические заметки). – СПб.: «Пожарный трест - полиграфия», 2004, с. 29.
22. Там же, с. 67 – 68.
23. Там же, с. 79.
24. Там же, с. 68.
25. *Кючарьянц В.* Фантомная боль Большой страны // Совершенно секретно. № 12/271. Декабрь 2011. С. 20 – 21, с. 21.
26. *Чазов Е.* Здоровье и власть. ..., с. 76.
27. *Скуратов Ю. И.* Вариант дракона. – М.: Детектив – Пресс, 2000, с. 45.
28. Там же, с. 47.
29. Там же, с. 49.
30. *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. – М.: Центр-100, 1992, с. 270.
31. Там же, с. 274.
32. *Шевякин А. П.* КГБ против СССР. 17 мгновений измены. – М.: Яуза: Эксмо, 2011, с. 366.
33. См.: Там же, с. 359 – 360.
34. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 439.

35. *Рогозин Д. О.* Враг народа. – М.: Алгоритм, 2006, с. 81.
36. *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы. ..., с. 273.
37. Там же.
38. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 441.
39. *Воронков К.* Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров. – М.: Эксмо, 2012, с. 20.
40. Документальный фильм «СССР. Крушение». Телевизионный канал «Россия». 14.12.2011 г.
41. *Черемушкин П.* Как Ярузельский не стал Пиночетом // Совершенно секретно. № 12/271. Декабрь 2011. С. 22 – 24, с. 22.
42. *Кремлев С.* Как проср.ли СССР. – М.: Яуза-пресс, 2011, с. 220.
43. *Улыбин В. Д.* «Во мне всегда жила любовь к России...», ..., с. 73.
44. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 446.
45. См.: *Кремлев С.* Как проср.ли СССР. ..., с. 221.
46. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 448.
47. *Кремлев С.* Как проср.ли СССР. ..., с. 238.
48. Там же, с. 250 – 251.
49. Там же, с. 252 – 253.
50. *Улыбин В. Д.* «Во мне всегда жила любовь к России...» ..., с. 82.
51. *Рогозин Д. О.* Враг народа. ..., с. 81.
52. Там же, с. 82 – 83.
53. Там же, с. 83.
54. Там же, с. 83 – 84.
55. *Садчиков М.* Сергей Кургинян: Навальный никто, но сотрудничать с ним нельзя! // Версия на Неве. 12 – 18.12.2011. № 48 (206). С. 22.
56. Там же.
57. *Воронков К.* Алексей Навальный. ..., с. 16.
58. Там же, с. 16 – 17.
59. *Попцов О. М.* Хроника времен «царя Бориса». – Edition Q Verlags-GmbH; Совершенно секретно, 1995, с. 493.
60. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 438.
61. Там же, с. 446.
62. *Шевякин А. П.* КГБ против СССР. ..., с. 94 – 95.
63. Там же, с. 116.
64. Там же, с. 190.
65. Там же, с. 361.
66. Там же, с. 373.
67. *Валлерстайн И, Дерлугьян Г.* История одного падения // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 12 – 20, с. 14.
68. Там же, с. 16.
69. Там же, с. 20.
70. *Механик А.* Двадцать лет кайфа. ..., с. 37.
71. Там же.
72. *Журавлев С.* Вековой переход из капитализма в капитализм // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 40 – 47, с. 47.
73. *Кокшаров А.* «Коллапс империи – не приятные спортивные состязания» // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 60 – 63, с. 61.
74. Там же.
75. *Ивантер В.* Это была бы другая страна // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 70 – 73, с. 71.

76. *Чазов Е.* Здоровье и власть. ..., с. 56 – 57.
77. *Виноградов А.* Тайные битвы XX столетия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, с. 307.
78. *Любимов М. П.* Шпионы, которых я люблю и ненавижу. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998, с. 103.
79. *Скуратов Ю. И.* Вариант дракона. ..., с. 46.
80. *Стригин Е.* Жертвоприношение Коржакова. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005, с. 65.
81. *Ванюков Д. А.* Эпоха застоя. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008, с. 188.
82. История России. Советское общество. 1917 – 1991. ..., с. 450.
83. *Иванов Н.* Цена поражения // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 7 – 11, с. 7.
84. *Краснова В.* Заблудшее воинство // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 50 – 55, с. 51.
85. *Иванов Н.* Цена поражения. ..., с. 7.
86. См.: *Журавлев С., Ивантер А.* Нефть, капитал и диктатура // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 74 – 77, с. 76.
87. *Валлерстайн И., Дерлугьян Г.* История одного падения. ..., с. 20.
88. *Удилов В. Н.* Назад к истине. – М.: Издательство «ЯГУАР», 1998, с. 250.
89. *Ивантер В.* Это была бы другая страна. ..., с. 73.
90. Там же, с. 71.
91. *Быков П.* Несколько затянувшаяся пауза // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 94 – 96, с. 94.
92. *Мостовщиков С.* Боюсь, нерушимый // Эксперт. Специальный номер. 26 декабря 2011 – 15 января 2012. № 1 (784). С. 92 – 93, с. 92.
93. *Воронков К.* Алексей Навальный. ..., с. 17.
94. Там же, с. 18.
95. *Мостовщиков С.* Боюсь, нерушимый. ..., с. 92.
96. *Генис А.* Парад аттракционов // Новая газета. 26.12.2011 г. № 98 (1848). С. 14.

Е. С. Роговер

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

(Литературный портрет)

Мне хочется рассказать читателям о самом популярном писателе периода Великой Отечественной войны, о верном и преданном авторе военной темы; о человеке, объехавшем всю планету; о художнике, работавшем во всех родах и жанрах — в поэзии, прозе, драматургии, в журналистике, театре, кино и телевидении; о писателе, удостоенном звания Героя Социалистического Труда, Ленинской и шести Государственных премий страны; о личности, горячо любимой людьми нескольких поколений.

Константин Симонов родился в 1915 году в нашем городе, когда он назывался ещё Петроградом. Его мать, окончившая Смольный институт благородных девиц, была не просто дворянкой, а княжной. Звали её Александра Леонидовна Оболенская-Шаховская, и обе части двойной фамилии её говорили о знатности происхождения. Отец писателя был генералом, погибшим в Первую мировую войну, и воспитывать Кирилла (таково подлинное имя будущего поэта) довелось отчиму, полковнику А. Г. Иванишеву, который привил пасынку высокое чувство долга и редкостную организованность. Столь "немодному" по тем суровым временам происхождению следовало что-то противопоставить, и юный Симонов, окончив в 1930 году семилетнюю школу, вместо очередного восьмого класса, решил предпочесть фабзавуч и учёбу на токаря. Тридцать семь рублей в поллучку, которые стал зарабатывать под-

росток, серьёзно улучшили тогдашнее скромное материальное положение семьи, жившей в эту пору в Рязани и затем в Саратове. По случаю перевода отчима в Москву, юный Симонов поступил на работу в столице токарем сначала на завод, а потом в цех на киностудии "Мосфильм".

Тяга к поэзии привела юношу в литературный институт, куда он поступил в 1934 году и где учился у В. Луговского, П. Антокольского и Л. И. Тимофеева. Здесь он познакомился с Натальей Типот, дочерью драматурга и переводчика комедии "Свадьба в Малиновке", и в 1935 году женился на ней. Осенью 1938 года Симонов закончил Литературный институт, получивший к тому времени имя М. Горького, и поступил в аспирантуру прославленного Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ), где вскоре сдал экзамены кандидатского минимума и готовился написать диссертацию о творчестве А. Блока.

В эту пору Константин Симонов (такой псевдоним он избрал) уже активно печатался. Он опубликовал поэму "Павел Чёрный" о строительстве Беломорско-Балтийского канала и "перековке" её тружеников. В поисках соответствующего материала он дважды ездил на этот канал, после чего издал свою поэму отдельной книгой, которой позже справедливо стыдился за её конъюнктурность. Иной характер носили стихи о лётчиках и моряках сурового Заполярья, об Амундсене

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

("Старик"), о мужественном враче и художнике ("Всю жизнь любил он рисовать войну..."), о дерзких подвигах и страстях (поэма "Мурманские дневники"), о людях мужества и подлинной героики ("Стихи тридцать девятого года"). Особое место в лирике молодого поэта заняла испанская тема, отразившаяся в цикле великолепных стихов, ставших откликом на тревожные события, которые происходили на Пиренейском полуострове. Таковы баллады "Рассказ о спрятанном оружии", "Рассказ о глотке воды" и дивное стихотворение "Генерал", посвящённое венгерскому писателю Матэ Залке, командиру героической интернациональной бригады, отдавшему жизнь за свободу другого народа. Центральный образ героя овеян романтикой, а всё произведение дышит влюблённостью в подвиг и мужественное деяние, уверенностью в бессмертии борца за людское счастье:

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжёлой листвою шелестят.

К. Симонов пишет в те же годы волнующую читателя поэму "Победитель" (1937) о Николае Островском, о его писательском, гражданском и человеческом подвиге. Обратившись к отечественной истории, поэт создаёт поэму "Ледовое побоище" (1937), проникнутую предощущением новых военных схваток, причём с потомками именно псов-рыцарей, нынешними распространителями германского фашизма. Автор воспринимал эту свою историческую поэму как антифашистский памфлет. Примечательно, что когда молодой поэт читал "Ледовое побоище" в клубе войск московского гарнизона, при первых строфах солдаты встали и слушали до конца произведение стоя.

Ещё одним опытом обращения к русской истории стала у Симонова

поэма "Суворов" (1938-1939). Поэту удалось нарисовать запоминающийся самобытный характер полководца, показанного в резком конфликте с павловским режимом. Три главы передают мучительную для Суворова опалу и воспроизводят его героический поход через Сен-Готард. Найденные поэтом ритмы, звучные ямбы, весомые и точные характеристики подчинены обрисовке живого, остроумного, деятельного человека, наделённого полководческим гением и чувством преданности Отечеству. Эту поэму автор читал в Политехническом музее, и Сергею Наровчатову запомнилась внешность тогдашнего Симонова: броская смуглость, каштановая шевелюра, располагающие черты лица, твёрдость жестов, раскатистый голос, лёгкая картавость.

Тогда же двадцатитрёхлетний поэт был принят в члены Союза писателей. В это время произошли перемены в личной жизни Симонова. Он разошёлся с Натальей Типот и женился на Евгении Ласкиной, которая в 1939 году родила ему сына — Алексея. Изменения коснулись и учёбы. Поэт неожиданно оставляет аспирантуру. Это было связано с длительной командировкой, полученной в Политуправлении Красной Армии: в качестве военного корреспондента газеты "Героическая Красноармейская" Симонов уехал в Монголию, на Халхин-Гол. Давнее стремление самому участвовать в военных сражениях и быть свидетелем творящейся истории получило, наконец, для себя выход. Впечатления от дальневосточных событий получили отражение в цикле стихов "Соседи по юрте" (1939), в поэме "Далеко на Востоке" (1939-1941) и пьесе "Парень из нашего города" (1941). Поэт рисует участников боёв с японскими захватчиками, передаёт переживания солдат ("Механик"), славит величие нашей нелёгкой победы ("Танк"). Журнал "Литературное обозрение" отмечал:

"Стихи К. Симонова о Монголии — одно из самых заметных явлений в нашей поэзии за последние годы" [1].

Пьеса "Парень из нашего города" стала вторым драматургическим произведением писателя. Первым была пьеса "История одной любви" (1940), обнаружившая умение автора передавать сложность интимных переживаний личности. Пьеса была не слишком крупным достижением начинающего драматурга, но она передавала носившееся в воздухе предощущение войны и была тогда же поставлена Московским театром имени Ленинского комсомола.

Вторая драма — "Парень из нашего города" — появилась перед самой Великой Отечественной войной, в ещё мирные дни апреля 1941 года. Несколько её сцен воспроизводят тихие, спокойные будни, ещё не омрачённые всполохами взрывов и пожаров, но уже в них, и тем более в последующих картинах, исполненных напряжённого драматизма, живёт ощущение близких сражений. В особенности это предчувствие возникает в эпизодах войны в Испании и на Халхин-Голе. Будучи показанными непосредственно на сцене и прерываемые словами германского диктора о том, что немцы вступили в Краков и фашисты маршируют по Европе, эти картины предвещают близость военных событий на нашей земле. Пьеса свидетельствовала о возросшей художественной зрелости молодого драматурга. К. Симонов своеобразно выстроил временную конструкцию своей драмы. Каждая из трёх картин первого действия соотносится с определённым отрезком в жизни страны, причём интервалы между ними каждый раз оказываются равными двум годам. Картина четвёртая и пятая, составляющие второе действие, относятся к 1937 году, а шестая картина того же действия вновь возникает через два года, т. е. в 1939 году. Все три сцены третьего действия относятся к тому же 1939 году, при

этом время здесь "сжимается", и интервалы между картинами становятся равными сначала месяцу, а затем одним суткам, что отзвучивает напряжённости заключительного акта. Одновременно сменяются и места действия: сначала квартира в провинциальном волжском городе, затем танковая школа под Омском, потом квартира в военном городке в Средней Азии, далее — комната в полуразрушенном доме Мадрида и, наконец, место близ Халхин-Гола. Этой пространственно-временной организации пьесы соответствует её жанр хроники и развёртываемая героическая биография её центрального героя — Сергея Луконина, каждый решающий жизненный шаг которого обусловлен потребностями времени и страны. Вчерашний юноша, проявлявший мальчишество, он сегодня обнаруживает дерзкую рискованность, смелость, настойчивость и самоотверженность, и автор великолепно выявляет неповторимую индивидуальность "парня из нашего города", готового к подвигам и совершающего их.

Пьесу принял к постановке Московский театр имени Ленинского комсомола, осуществил спектакль по этому произведению в 1941 году, и драма с огромным успехом шла в военные годы [2]. 11 апреля 1942 года автор её был удостоен Государственной премии первой степени.

Всё больше вырисовывалась основная направленность творчества К. Симонова как "военного писателя". Так называл себя он сам. А поэт П. Антокольский определил эту особенность по-своему: "Когда говоришь о Симонове, война вспоминается прежде всего" [3]. Писатель мог сказать о себе и словами своего героя — Сергея Луконина: "Армия для меня — это всё. Вся жизнь". Поэтому совсем не случайно во время финской войны Симонов закончил двухмесячные курсы военных корреспондентов (1939), и с осени

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

1940 года по июнь 1941 года он учился на курсах военных корреспондентов при Военно-политической академии и закончил их, получив воинское звание интенданта второго ранга.

24 июня 1941 года писатель был направлен в район Гродно, но из-за сложившейся на фронте обстановки он туда не попал и был послан в редакцию газеты Западного фронта, в связи с чем под Могилёвом принял участие в кровавом сражении на Буйницком поле. С конца июля поэт был переведён военным корреспондентом в газету "Красная звезда", где служил до осени 1946 года. В этой должности он побывал в годы войны почти на всех участках фронта: на Западном, Южном, Карельском, в Крыму, Сталинграде, на Брянском, Северо-Кавказском... Очерк "У берегов Румынии" Симонов писал на подводной лодке, где ему довелось пробыть десять дней с риском погибнуть вместе с матросами. Он высаживался в тыл противника за Полярным кругом, попал под бомбёжку в Феодосии, был среди бойцов Сталинградского фронта. Он сам ходил в атаку и в разведку, был на волжской переправе под обстрелом. Так вёл себя поэт в годы войны. По словам его товарищей по оружию, Симонов сделал для нашей великой победы невероятно много.

Главная заслуга К. Симонова в годы войны — его оперативное, очень разнообразное и всегда мобилизующее людей творчество.

Прежде всего он проявил себя как поэт. Сергей Баруздин вспоминал, что всех на фронте и в тылу потрясла баллада "Сын артиллериста". Афоризмом бойцов стала любимая поговорка майора Деева из этого стихотворения: "Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!" В "Морской пехоте", написанной в 1941 году в Одессе, поэт запечатлевал военное многоцветье: ("Белый свет, да сине море, да багровый стяг") и показывал, как "вперёд

идут ребята, не боясь огня". В призывной "Атаке" Симонов изобразил солдат, отрывающихся от стылой земли и бегущих в отчаянную схватку с противником под звуки снежной метели. И перед атакующими остаются "те последних тридцать метров, где жизнь со смертью наравне!" Пластичен образ погибшего товарища, при падении широко разбросавшего руки, словно разом обнявшие свою многострадальную землю. Его мать будет долго плакать, но "сыну было — пусть узнает мать — лицом на Запад легче умирать" ("Товарищ"). А вот ещё одна смерть — близкого друга, который отныне не споёт застольной песни в занесённой снегом землянке, не ляжет рядом под одной шинелью у жестяной печки.

Но и здесь у поэта нет безысходности, потому что друг оставил в наследство своё упрямство, терпенье и гнев, потому что "по земле, войной сожжённой, идти завещано друзьям" ("Смерть друга").

Величественной и бескрайней предстаёт наша воюющая страна в стихотворении "Родина". Раскинув свои многочисленные города, она лежит, касаясь одновременно трёх великих океанов, "непобедима, широка, горда". Первая строфа своей медленной распевностью очень напоминает гимническую поэзию в духе Лебедева-Кумача с его прославленными строками: "Широка страна моя родная..." Но Симонов создаёт свой вариант песни о Родине. От масштабной картины он переходит к совершенно конкретному ряду образов, передающих очень индивидуальное восприятие и интимное переживание малой родины. В краткий миг сражения боец припоминает самое сокровенное, что у него осталось вдалеке и прочными узами связано с образами детства:

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

В этой строфе всё преуменьшено и построено на литотах: не земля, а "клочок земли", не лес, а "лесок", не берёзник, а только три берёзы, не речка, а "речонка". Здесь предстаёт уже не возвышенное видение, а намеренно сниженные образы: родной перевоз оказывается прозаически "скрипучим", а ивняк — "низким". Тем не менее от этого преуменьшения и этой прозаизации чувство родины не становится смутным или приглушённым, а, напротив, приобретает особую, щемящую трогательность и сокровенность. За этот бесконечно дорогой клочок земли можно и должно идти на смерть, чтобы "эти три берёзы" не были безжалостно срублены озверелым врагом.

Памятными остались и суровые инвективы, произнесённые К. Симоновым.

Это написанное в традиции лермонтовского "Беглеца" стихотворение "Я знаю, ты бежал в бою...", это "Открытое письмо", обращённое к женщине, изменившей воину, а значит — предавшей его. Это пламенное стихотворение "Если дорог тебе твой дом...", проникнутое жгучей ненавистью к врагу, оскверняющему нашу землю. Оно заканчивалось мощно звучащим призывом к отмщению: "Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!" Такие строки в 42-м году отнюдь не казались проповедью человеконенавистничества, они воспринимались как выражение суровой необходимости, ибо, если ты не убьёшь фашиста, он изгадит твою избу, сорвёт со стены портрет твоего отца и наступит на его лицо, возьмёт силой твою подружку и надругается над ней, обнажённой на твоём полу. Сила этих стихов, их эмоциональный накал были необыкновенными. Не случайно вырезки из газет с такими строками солдаты и офицеры носили на своей груди. Это стихотворение расклеивалось на улицах осаждённого Ленинграда, его сбрасывали с самолётов в виде листо-

вок. Поэт М. Львов рассказал, что его друг-танкист говорил на Сандомирском плацдарме, что он присвоил бы этому стихотворению звание Героя Советского Союза, ибо оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер [4].

Особую популярность приобрело симоновское стихотворение "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...". Написанное ещё в первый год войны в жанре лирического послания (к поэту А. Суркову), оно не ограничилось мотивом дружбы и стало признанием любви к родине.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами из русских могил.

Стихотворение соткано из многочисленных вещных деталей, очень зримых, осязаемых и предметных, совокупность которых создаёт скорбную картину многострадальной Отчизны. Трудно забыть эти глиняные кринки, прижатые к груди, словно малые дети; этих усталых женщин с горячими слезами, вытираемыми украдкой; седую старуху в салопчике плисовом и старика, одетого в белое, будто приготовленного к смерти. Трудно не сохранить в памяти девичий крик и плач по мёртвому; тракт с пригорками, скрывающимися вдаль; трижды повторённый образ деревень с погостами.

Троекратные повторы, пришедшие из отечественного фольклора, композиционно и ритмически организуют текст этого шедевра, трижды передаются слова старухи "мы вас подождем", подхваченные пажитями и лесами; многократно повторяется выражение "по-русски".

В этом стихотворении удивительно гармонично соединились исповедальность лирических интонаций и эпически переданная панорамность картины Смоленской земли с её "дорожной

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

тоской от села до села". Пейзаж Родины, открывающийся взору поэта, отличается такой выразительностью, что он поневоле побуждает к деянию, защите этих деревень, просёлков и погостов. Подобно женщине, провожающей в бой русского солдата, само стихотворение зовёт отстоять эту "горькую землю" и провожает воина на ратный подвиг.

В полный голос во время войны заговорила лирическая Муза Симонова. Кроме "Фронтовых стихов" (1942), в эту пору он выпускает "Лирический дневник" (1942) и сборник "С тобой и без тебя" (1942). Некоторое время оправданно сдерживаемая лирическая стихия, присущая этому поэту, теперь мощно вырвалась на простор. Хотя, казалось бы, она противостояла контрастной военной теме, но, по существу, она была тесно сращена с последней и закономерно вызревала из неё. Не случайно в любовной лирике поэта жило то же мужество, какое звучало в стихах на военную тему.

Центральным и особо значимым в произведениях о любви стало стихотворение "Жди меня". Написанное в июле 1941 года и опубликованное в 1942 году в газете "Правда", оно стало крупным событием в истории нашей лирики. Прежде всего этот лирический шедевр запечатлевает историю души и самого автора. При своём рождении стихотворение предназначалось быть посланием возлюбленной поэта. Об этом свидетельствуют некоторые признаки: под тремя звёздочками, заменившими название, стоят инициалы адресата; поэт обращается к женщине на "ты". Индивидуальное начало стихотворения, его интимные интонации обнаруживаются в упоминании сына, матери, общих друзей и особенно проявляется в концовке, сокровенной, интимной, обращённой к конкретной женщине, знающей некую тайну: "Как я выжил, будем знать/ Только мы с тобой..."

Поэт молит любимую женщину ждать, потерпеть, быть уверенной в его возвращении. Ждать – это значит, по Симонову, быть верной в любви, стойкой, верящей в торжество жизни. Одновременно это означает для автора послания быть самому уверенному в любви подруги, в прочности тыла, в надёжности дома.

Поэт не просто просит ждать, не просто молит об этом, а призывает. Для этого он многократно, настойчиво, 12 раз повторяет слово "жди", часто ставит это слово в начале строк, используя анафоры. Столь же настойчиво поэт варьирует глагол "ждать" и образует от него разные формы: "ждут", "ждёт", "ждать", "ждавшим", "ожиданием". Неоднократно слово "жди" становится эпифорой, будучи вынесенным на конец стихотворных строк. Благодаря этим приёмам выражение "жди" получает характер заклинания, передавая это свойство всему стихотворению. Только терпеливое ожидание и верность любимой может принести любящему покой, даровать ему надежду, вселить огромную силу. Мы ощущаем энергию, напор, недюжинный темперамент автора этого послания, его страсть, его силу.

Но стихотворение говорит не только о любви. Уже в первой строфе появляются пейзажные вкрапления: "жёлтые дожди", "снега метут", "жара". Это приметы самых разных времён года: дождливой осени, снежной зимы, жаркого лета. В любую погоду необходимо ждать. Дожди – "жёлтые", потому что связаны с тоской, а вино друзей, упомянутых в стихотворении, – "горькое", ибо его распитие означает прощание с близким товарищем, его пьют на "помин души". Послание напоминает и о других жизненных реалиях: о родственных отношениях, о семейных привязанностях, о маловерах. Симонов использует систему контрастов, противопоставляя подругу друзьям, "уставшим ждать", людям, которым

ждать надоело, и другим женщинам, "не ждавшим" и не ждущим.

В стихотворении отражено и время: оно упоминает о "дальних местах" (т. е. фронте), говорит о смерти, неизбежной в боях, вводит в текст образ огня, полыхающего на просторах Родины. Здесь нарисован и образ воина, который сражается "всем смертям назло". Такую же решимость поэт вселяет в подругу, применяя повелительные формы глаголов. Так "история души" поэта оказалась соединённой с "историей всего времени". Война введена в стихотворение на равных с любовью и верностью, и потому оно стало таким злободневным и понятным миллионам сражающихся мужчин и миллионам трудившихся женщин.

Три строфы стихотворения сопровождаются трижды повторяющимся рефреном, которым они открываются. Стихи четырёх- и трёхстопного хоря завершаются мужскими рифмами, придающими шедевр удивительную крепость и волевою твёрдость.

"Жди меня" сразу приковало к себе внимание этих миллионов воюющих людей. Его переписывали в заветные тетради и посылали в треугольных конвертах писем. Знаменитый снайпер Наташа Ковшова писала накануне своей героической гибели: "Со мной ничего не случится. Я счастливая и вернусь к вам жива и здорова. А потому, как сказал поэт: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...»" [5].

Сила, звучание и красота этого стихотворения были столь притягательными, что 17 композиторов написали к "Жди меня" свою музыку, и среди них В. Соловьёв-Седой, А. Новиков, М. Блантер, И. Держинский и другие.

А теперь упомянем имя адресата этого шедевра. Им была актриса театра и кино Валентина Серова, которой увлёкся Симонов накануне войны и которая стала женою поэта позже, летом 1943 года. Она уже играла в пьесе "Парень из нашего города" в Театре имени

Ленинского комсомола. Теперь на основе стихотворения поэт написал пьесу "Жди меня" (1942), которая ставилась на сцене этого и других театров, а затем и сценарий одноимённого фильма, в которых тоже снималась В. Серова.

Но жанр лирического стихотворения не был подходящей основой для перевода его в пьесу и киносценарий, и оба произведения не стали удачей К. Симонова. То, что в стихотворении было проявлением страстного душевного порыва, в спектакле и фильме стало дидактикой, сухой схемой и бесконфликтной ситуацией, хотя В. Серова в этих произведениях пыталась донести до зрителей сильные и чистые чувства любви и верности Лизы к своему мужу, лётчику Николаю Ермолаеву. Не слишком счастливой была и судьба симоновских текстов, претворённых в музыку, хотя ряд композиторов пытался донести до слушателей лиризм и мелодичность стихотворений поэта. Так, были созданы вокальные пьесы М. Блантером ("Песня о Ленинграде", "Старая солдатская"), Д. Толстым, М. Табачниковым. Стихотворение "Ты помнишь, Алёша..." стало текстом одной из частей оратории Ю. Шапорина "Сказание о битве за Русскую землю".

В годы войны К. Симонов ярко проявил себя и как драматург, став автором значительного произведения — "Русские люди" (1942). Напечатанная в газете "Правда", пьеса запечатлела ход напряжённой войны перед переломной битвой под Москвой, разнообразные впечатления её автора во время фронтовых поездок. В центре драмы оказался героический поединок небольшой группы наших бойцов с озверелым и численно превосходящим противником. События происходят осенью 1941 года на Южном фронте, где отряд капитана Сафонова оказался отсечённым от армии, но, несмотря на эту изолированность, проявляет стой-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

кость и мужество в борьбе с врагом.

В центре пьесы изображён капитан Сафонов (когда-то этот персонаж действовал в драме "Парень из нашего города"), жизнелюбивый человек, наделённый большой внутренней энергией. Сильное чувство испытывает он к Вале Анощенко, но в трудную минуту он вынужденно посылает возлюбленную вместе с фельдшером Глобой на самый решающий и опасный участок фронта, где их ждёт верная смерть. Иначе в этой ситуации Сафонов поступить не может. Валя второй раз отправляется в тыл к немцам и переплывает ледяной лиман. Девушка-шофёр, она стала отважной разведчицей, готовой в самых сложных обстоятельствах совершить свой человеческий подвиг. Попав в руки немцев, она мужественно ведёт себя в фашистском застенке, хотя ей приходится испытать физические и нравственные мучения. К. Симонову удалось создать женский образ, наделённый редкостной скромностью, застенчивой влюблённостью и мужеством. Именно Вале доверил автор пьесы произнести слова об Отчизне, по мотивам и интонации перекликающиеся с приведёнными выше строками симоновского стихотворения "Родина": "Родина, Родина... наверное, что-то большое представляют, когда говорят. А я – нет. У нас изба на краю села стоит, и около речка и две берёзки. Я качели на них вешала. Мне про Родину говорят, а я всё эти две берёзки вспоминаю". Перед нами пример заметной преемственности между поэзией и драматургией писателя, монолог, красно-речиво раскрывающий красивую душу девятнадцатилетней девушки.

Душевным богатством наделён и военфельдшер Глоба. Когда гитлеровцы, отступая, расстреливают томящихся в их плену, этот весёлый человек заслоняет своим телом Валу и мужественно погибает с мелодией и со словами песни. Пожилой Васин, инвалид, воевав-

ший ещё в русско-японской войне, разоблачает предателя и в ответственную минуту ведёт в атаку бойцов. Он гибнет, "сделав всё, что мог, и даже больше, чем мог". Мать Сафонова Марфа Петровна отважно говорит врагам о своей ненависти к фашизму и погибает, исполнив свой гражданский долг. Мария Николаевна Харитоновна отравляет одного из фашистских истязателей и произносит слова презрения в адрес топчущих её землю мерзавцев, мужественно жертвуя своей жизнью. Из поступков этих персонажей пьесы слагается массовый подвиг советских бойцов, вырисовывается исключительная красота русских людей, которых славит Симонов в своей пьесе.

Этим персонажам противопоставлены враги, садисты и изверги, не пренебрегающие сложной психологической игрой, выматывающей нервы и растрavляющей души простых людей, на чью землю они явились. Это сильный, умный, коварный враг, и, одолевая его, умерщвляя таких садистов, как Розенберг, герои пьесы показывают своё нравственное и духовное превосходство. Победа над таким изощренным противником делает честь изображённому в пьесе русским людям.

Острый конфликт, поразительное сочетание героического и лирического начал, выразительность речевых характеристик, ёмкость ударных концовок всех актов, контрапункт реплик, умелое сплетение нескольких сюжетных линий, высокий патриотический пафос монологов и пьесы в целом – таковы идейно-художественные достоинства этого произведения. Не случайно все действующие во время войны театры поставили эту превосходную драму, в том числе МХАТ (где роль Сафонова исполнял талантливейший Б. Добронравов).

Эту пьесу сумели издать даже в блокадном Ленинграде. И совершенно естественными актами стали присуждение автору в 1943 году Государственной пре-

мии и экранизация пьесы под названием "Во имя Родины".

Менее удачной, но тоже по-своему интересной стала пьеса Симонова "Так и будет", написанная в 1944 году. В ней предстала Россия, возмужавшая в ходе войны, и выразалась уверенность в победе над фашизмом.

Значительными были достижения писателя и в области художественной прозы.

Сначала это были рассказы и военные очерки, печатавшиеся в "Красной звезде", "Правде" и "Известиях" и составившие четыре книги, вышедшие в 1942, 1943, 1944 и 1945 годах под общим названием "От Баренцева до Чёрного моря". Среди рассказов писателя выделяются "Третий адъютант", "Перед атакой" и "Бессмертная фамилия".

Затем к читателям явилась повесть "Дни и ночи" (1943-1944), первое крупное произведение о героической сталинградской битве и первое большое прозаическое произведение К. Симонова. Напечатанная в журнале "Знамя", повесть воспроизводила великий подвиг нашего народа на Волге. В центре произведения была судьба пехотного батальона, сражающегося у разрушенных стен Сталинграда в течение двух месяцев — с момента прибытия в этот район и до решающего наступления наших войск. Писатель передаёт сверхчеловеческое напряжение, с которым ведёт ночной бой выдвинутый на передовой рубеж батальон Сабурова. Бесперывное четырёхдневное сражение обеспечивает поставленную задачу — прорыв к отрезанному немцами полку, но при этом погибает большая часть солдат — ветеранов и команди-

ров. Симонову великолепно удаётся художественное со- вмещение героики, проявленной в эти сменяющиеся дни и ночи, с подробно описанным осадным бытом и будничностью, поражающей читателя своим спокойствием.

Писатель сумел также, отталкиваясь от документального материала, воссоздать ряд колоритных характеров: замкнутого Сабурова, совершающего троекратное ночное "путешествие" в окружённый немцами полк; генерала Проценко, редко спокойно, умелого командира дивизии; наделённого душевным теплом юного Масленникова; молчаливого, но выразительного политрука Парфенова, мужественного командира роты Гордиенко.

Сюжетно сосредоточенная на жизни одного батальона и на изображении маленького пространственного "пятачка", повесть отличалась психологизмом при всей пунктуальности в передаче человеческих судеб, продолжением традиций прозы Л. Н. Толстого, своеобразной репортажностью и лаконизмом стиля. Повесть вызвала большой читательский интерес, получила широкий международный резонанс и была удостоена в 1946 году Государственной премии СССР.

Годы войны — ярчайшая страница в творческой биографии К. Симонова. В 1943-м году ему было присвоено звание подполковника; первым из писателей он был награждён орденом боевого Красного Знамени, позже — двумя орденами Отечественной войны I-й степени, Чехословацким военным крестом и орденом Белого Льва (1945).

(Окончание литературного очерка-портрета см. в следующем выпуске журнала)

Примечания

1. "Литературное обозрение" — 1940-№ 24 — С. 14.
2. Более подробно см.: Роговер Е. С. "Парень из нашего города", предвоенная пьеса К. Симонова/"Если завтра война..."/Сб. под ред. Т. К. Донской и О. В. Черновой. — СПб. — Пенза, 2011. — С. 96-99.
3. Литературная Россия. — 1965 — № 48 — С. 9.
4. Львов Михаил. Стихи-герои//Муса Джалиль. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1974. — С. 4-5.
5. Комсомольская правда. — 1943. — 23 мая.

Андрей Каратыгин

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФИЛЬМ О НАС

Эх, Звягинцев, Звягинцев, простота ты колхозная! Командиры бывают разные по уму и по характеру, бывают среди них и серьезные, и веселые, и умные, и с дуршой, а вот уж начальники штабов все на одну колодку деланные, все они — праведные умницы. В прошедшие времена, доложу я тебе, были такие случаи: командир глуп, как бутылочная пробка, но по характеру человек отважный, напористый, на горло ближнему своему умеет наступить, кое-что в военном деле смыслит, ну, и, конечно, грудь у него, как у старого воробья, колесом, усы в струнку, голос для команды зычный, матерными словами он, браток, владеет в совершенстве, словом, орел-командир, и больше ничего не скажешь. Но в войне на одной бравой выправке далеко не уедешь, ты согласен с этим?

М. Шолохов «Они сражались за Родину»

В свое время, после бомбежки баскского города, Пикассо написал картину "Герника". Есть такая легенда, что, когда Пикассо жил в оккупированном Париже, к нему в мастерскую пришли гестаповцы и сказали, показывая на картину: "Это вы сделали?". На что Пикассо им ответил: "Нет, это сделали вы". Так вот теперь, история - совершенно обратная. Глядя вокруг, на все то, что произошло с Россией, да и в целом - с миром, люди должны вернуться к искусству и сказать: "На этот раз это сделали вы!"

Максим Кантор, художник, писатель

Показанный каналом «Россия» тринадцатисерийный фильм Н.С. Михалкова «Утомлённые солнцем» не смог оставить равнодушными многих — достаточно заглянуть в Интернет, чтобы понять, что тема Великой войны является и сейчас основополагающей и, по сути, мировоззренческой. Основная мысль некоторых интернет-комментариев на картину заключается в том, что этот фильм, по сути — золотой унитаз. Или, по иной версии — омаж гитлеровцам и нынешним правителям мира (слово «омаж» я заимствовал у П.И. Чайковского. *Homage* — оказание почтения, вплоть до принесения присяги). Запомним это, но попробуем сами разобраться подробнее. Не будем присоединяться ни к одному из мнений и постараемся абстрагироваться от лич-

ности автора картины, насколько это возможно. Кстати, все нижеизложенное составляет сугубо личную позицию автора настоящего текста в связи с затронутой темой разговора.

Скажу сразу, что картина сделана безусловно одарённым человеком и по внешнему оформлению, да и по актёрским работам она выгодно выделяется на фоне бесконечного картофельного поля отечественной киноблекотни. Старое русское слово «блекотать» имеет несколько значений: блять, пустословить, одурманивать (блётот — одно из названий белены, которой, по поговорке, некоторые объедаются). Автор привлек лучших отечественных актёров, использовал хорошего художника и оператора картины, обеспечил отличное материальное оснащение фильма, за исключением авиатехники

и современных штампованных авто-деталей в кадрах руин, но это, пожалуй, придирки. Автор фильма обращается к сермяге войны, уходит в окопы, в грязь, кровь и пот самого трудного на земле дела — убивать людей. Фильм на самом деле мощный и в нём большая доля правды. Другое дело, для чего он все-таки сделан? Ради ли той самой правды или «настал момент такой...». Согласен, что судить легко, а попробуй-ка сделать что-то подобное обсуждаемому фильму, да, это удел избранных и Михалков в их числе — бесспорно!

Фильм подкупает добротным следованием техническим и историческим деталям того времени и это вызывает уважение. Другое дело, для чего эта пунктуальность и добротность?

На мой взгляд, под этой добротностью гораздо легче разместить анекдотичные допущения, которыми пестрит картина. То есть достоверные детали экипировки и технического оснащения маскируют натяжки, которые потребовались сценаристам для обеспечения эффектности и убедительности работы. Они кажутся мелкими, но ведь сам автор рефреном твердит, что мелочей на войне не бывает. Упомянем хотя бы некоторые из них: полёт и приводнение немецкого солдата после подрыва катера на mine (что за мина, откуда она взялась?), солдат вынырнул в полном порядке и, главное, в идеально сидящей на голове каске, да и катера-то, куда или откуда плыли — мост-то взорван, куда или откуда плыть? Поднырнули они под мост, что ли? А попробуйте представить многометровый полёт человека от взрывной волны с последующим ударом о воду при том, что у него на голове стальная шапочка! Вспомним «Они сражались за Родину», там описан подобный случай без удара о воду с гораздо более реалистичными последствиями. Далее сцена «бомбометания» на корабль с пионерами и ранеными. Переводчик

сообщает нам, что немцы отработывают учебный заход на цель, допустим. Самолёт в кадре вполне реалистичный Ju — 87 — всем известный «Лаптёжник», правда, с удлинённой авторами кабиной, ну да ладно. Так вот это пикирующий бомбардировщик и в этом его огромное преимущество, так как он может работать ювелирно по любой цели. С горизонтального полёта этот самолёт сбросил бомбы только в самом конце войны после его переоборудования под другие цели. Поэтому учебное бомбометание имело смысл только в режиме пикирования, что, собственно, и показывает нам режиссёр. Скорость «Юнкерса» в пикировании достигает 500 км/час, а перегрузка на выходе из пикирования достигает 6g. То есть тот парень, который решил бы «отбомбиться» на русского капитана, был бы обречён погибнуть и без ракетницы, так как при выходе из пикирования на него «легли» бы 350-400 кг, а свесившись за борт и держась руками за шпангоуты кабины, выдержать такую нагрузку просто нереально. Но допустим, такой самоубийца нашёлся, возможно ли попасть в столь малую мишень из ракетницы? Даже теоретически нет, объясню почему: по техническим данным выход из пикирования «Юнкерсом» производится при достижении им 450 метров от поверхности земли, причём, даже если пилот без сознания, самолёт это сделает автоматически, а сигнальная ракета может достигать максимумом лишь 200 метровой высоты. Но допустим, что пилот, находящийся в состоянии аффекта от потери друга, пошел на опасное сближение (нам даже показывают нечто похожее на это, когда самолёт умудряется сорвать с помощью шасси корабельный тент и «убить» актёра Золотухина), допустим. Но можно ли попасть из ракетницы в летящую со скоростью 300-500 км/час малоразмерную цель? Только теоретически — да, так как даже если

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

рассчитать потребное упреждение (есть специальные таблицы у артиллеристов, но и они требуют большого количества вводных), то целиться-то фактически нечем, да и незачем, так как сигнальный пистолет (ракетница) стреляет весьма приблизительно, так как совсем не предназначен для прицельной стрельбы. Температура горения магния, из которого сделан сам сигнал – 2200 градусов Цельсия, поэтому – это страшное оружие ближнего боя – при попадании шансов уцелеть нет, но и шансы попасть также не велики – реально попасть в цель можно только с малого расстояния. Поэтому и этот кадр имеет только вероятностную достоверность. Мне скажут, что вьетнамец-то сбил американский вертолёт из лука, но то вертолёт (и скорость не та и высота) и то лук (оружие для прицельной стрельбы). Поэтому то, что показано в фильме, было возможно только по чудесному стечению обстоятельств, но кто организовал такое «чудо» и главное – зачем? Ведь попадание ракетой по немецкому пилоту вызвало гибель детей и раненых? Или авторы считают этот случай показательным для истории войны? Сравним это с подобной сценой из «Они сражались за Родину», когда Лопухин только с третьего выстрела и по удаляющейся цели (минимальные относительные скорости) над горизонтом (минимальное возвышение) сбил самолёт оружием с высочайшими стрелковыми характеристиками! Да и моральный урок шолоховской версии сцены куда более патриотичен.

Дальше сцена спасения на мине дочки Котова, сцена красивая, особенно обряд крещения, но откуда мина? Судя по всему водоём-то внутренний, против кого морские якорные мины во внутреннем водоёме? Ладно, допустим, что водоём не внутренний и мина там могла быть и что корабль с партархивом и люди на нём

не самые лучшие, ну и что же, их надо уничтожать? Да и зачем девушке было отпускать мину на чистую воду, а если бы там был наш военный корабль или ещё один корабль с детьми? Ведь во второй серии Котов, объясняя дочке цель построения социализма круглостью пяток, говорит, что её задача только хорошо учиться и любить Родину, ну вот и зафиксировала бы мину ради людей! В чём смысл этой сцены или чему она учит? Или это продолжение того же безумия, которое демонстрирует контуженый боец, в отчаянии палящий из ракетницы по самолёту? Но дочка-то пока не контужена – вон как ласково с миной рассталась! Помните, у В. Пикуля описана сцена возвращения с войны военного моряка в глухую беломорскую деревню, когда он застал отца, рихтующего молотком гвозди меж рогов плавучей мины – наковальня-то отменная – хорошо, что ни разу не промазал – вот это жизненная и, главное, добрая сцена!

Продолжать список можно и дальше, но мне скажут, что это художественное произведение и вымысел здесь допустим, согласен, когда это касается деталей и когда это помогает полнее понять послание художника. Но в нашем случае, мне кажется, использовалось избыточное количество квазисказочных моментов, да и тема-то больно серьёзная, чтобы ставить на ней сюрреалистические эксперименты.

Отвлечемся от досадных мелочей и спросим, а что значит название картины? Думаю, что название фильма должно бы нести ясный смысл и без комментариев. Но название обсуждаемого фильма – это название танго, являющегося лейтмотивом всей картины, но с перенаправленным действием (залогом), проще говоря – вывернутое наизнанку или, короче – инверсия. Напомню:

«Утомлённое солнце» (на пластинке 1937 года вышло под на-

званием «Расставание») — песня со словами Иосифа Альвека на музыку танго Ежи Петербургского «Последнее воскресенье» («То ostatnia niedziela»). Впервые исполнена в 1937 году джазовым оркестром Александра Цфасмана и его постоянным солистом певцом Павлом Михайловым. В дальнейшем песню пели Георгий Виноградов, Леонид Утёсов, Иосиф Кобзон и другие известные исполнители. «Последнее воскресенье» — танго Ежи Петербургского на слова Зенона Фридвальда (1935 год), одно из наиболее известных произведений польской межвоенной эстрады. Впервые исполнено Мечиславом Фоггом, в дальнейшем пользовалось особой известностью в Польше в исполнении Петра Фрончевского. В некоторых источниках называется «танго самоубийц» — это цитата из Википедии. Не буду развивать мысль о «Последнем воскресеньи», хотя 22 июня 1941 года приходит в голову тут же, да и тема самоубийства в фильме звучит неоднократно. Но автор фильма не берёт название танго в свою картину впрямую, а принципиально разворачивает действие с виду тех же слов. И возникает вопрос, а кто Солнцем утомлён? И что или кто есть Солнце? Может быть, и история войны в фильме подверглась подобной же интерпретации или инверсии?

Я слышал, что на подобные претензии автор отвечает, что не следует пенять ему на детали, а лучше оценить находки вроде судьбоносных насекомых. Да, соглашусь, что сцены сильные, и многие творцы, наверное, позавидовали бы такому обилию творческих находок в одной картине, я имею в виду не столько насекомых, так как ещё А.С. Пушкин использовал образ насекомого, как носителя серьёзной вести или миссии («Сказка о царе Салтане»), но и вообще, обилие сильных сцен и образов впечатляет. Вернёмся к картине, в одном из

интернеткомментариев его автор увидел в кинофильме «перекошенные хари, уголовные рожи и т.д.», изображающие наших бойцов. Я такого не заметил, возможно, автор картины и переусердствовал с «достоверностью», но трудно представить себе всех персонажей с лицом Олега Меньшикова, с той красотой и обаянием, с которыми вряд ли кто может сравниться в современном кино. Я бы, наоборот, отметил, как замечательную находку — образ солдата, принимающего роды у дочки Михалкова — образ достоин кисти Репина или Верещагина. Я только соглашусь с критикой языка картины — совсем не русского языка, а современной фени, к сожалению. Русский язык — он у Шолохова в «Они сражались за Родину», и в одноимённом фильме Сергея Фёдоровича Бондарчука этот язык ещё больше обогащён украинскими вставками повара Лисиченко и небольшими дополнениями, сделанными Сергеем Фёдоровичем. Вообще, я вижу некую переключку этих двух картин, но это скорее образ «Анжелюс» Милле, долго не дававший покоя Сальвадору Дали, так и оставшийся непорочным. Не в обиду будь сказано.

В «Утомлённых» утомляет не только мат, а эрзац-язык, свойственный как раз нынешнему времени, да и мимика персонажей вполне нынешняя — узнаваемая! А сколько же богатства языка в Шолоховской работе! И это не фантазии автора, большинство из нас имело счастье общаться с людьми того поколения, да и сейчас простые люди сохраняют и русский и белорусский и украинский языки в их многообразии и взаимопользовании. Михалков лишает нас исторического языка, он говорит, что фильм не о том, не отвлекайтесь на мелочи, а вонмите правды! Возможно, что и это входило в творческий замысел автора. Условно говоря, все вышеперечисленные претензии входили

в изначальный план фильма, а я лично просто не смог понять скрытого смысла всех перетяжек. Но, даже допустив, что это художественный ход, который никакого отношения не имеет к реальным событиям и людям, тогда о чём же фильм? Есть ли там герой, есть ли там русский народ, вынесший на своих плечах войну, оккупацию, ГУЛАГ? Мне кажется, что получился некий коллаж из сценок, нанизанных на историю одной «семьи», неотрывной от истории страны. И всеми этими сценами нам показывают действие Провидения через людей, насекомых, события, правда показывают довольно менторски и весьма спорно. Идея сюиты (в нашем случае киносюиты) аналогична «Картинкам с выставки» Модеста Петровича Мусоргского — даже некоторые персонажи узнаваемы — послушайте сами! Более того, и в «Картинках» автор присутствует в произведении в виде различных по оттенкам настроений «Променадов» — то есть всё произведение нанизано на персональное отношение автора к событиям. Кстати, «модест» — и в латинском и в английском языках значит — скромный, ну да не будем слишком уж строгими. Я не буду перечислять дальше натяжки, использованные в фильме — их немало, речь не о том. Понятно, что историческая достоверность была отодвинута в угоду другим целям, каким же? Мне кажется, что одна из задач фильма — показать человека в тяжелейших ситуациях и добиться актерского слияния с образами, я думаю, что здесь Михалков и его актёры, как всегда — на высоте. Про оснащение и внешние эффекты мы уже говорили. Историчность фильма весьма проблематична, тем более, что автор вводит обобщающие образы Цитадели, немецкого снайпера — то есть что-то из жанра фэнтези или даже комиксов типа «Бетмена». Да и образ Сталина — ходульный. Он что-то странное наго-

ворил про необходимость принесения 15-тысячной жертвы для острастки своих граждан и Европы. Только непонятно, чего должна была испугаться Европа? Наших жертв? Ну, отшатнутся, ну соболезнавать будут — да, но то, что вкладывает автор Сталину в уста — явный пропагандистский ход, дабы не было сомнений — перед вами тиран и садист — и баста, разговор окончен! Про разговор я не случайно. Аггестованный Сталиным как друг, Котов не проронил ни одного содержательного слова в сцене разговора с ним, за исключением: «Товарищ Сталин, я...». А ведь в такой сцене-то и надо раскрыть характеры персонажей, но я отдаю себе отчёт, что «Сталин», как и все без исключения персонажи — статисты, и работают только на Котова — даже конь, похищенный им у советского гражданина и то — белый, как у Георгия Победоносца и как у маршала Жукова на Параде Победы. А гаджеты и поступки Котова иной раз вообще напоминают Джеймса Бонда.

Главный же вопрос у меня в том, а кто, собственно, победил фашизм в трактовке Михалкова? Комбриг Котов, прошедший ГУЛАГ, пытки, унижения и к ногам которого пала фашистская Цитадель без единого выстрела? Вышло прямо, по словам выступления Сталина на ноябрьском параде 1941 года: «... гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений». Как личное искупление — это работает, но сводить общую Победу к такой версии — неправильно. Кроме того, хотелось бы увидеть Преображение главного героя, а я ничего не увидел, кроме его страданий, страстного стремления быть всегда в центре, как боя, так и торжества. То есть ничего иного этот персонаж не являет. Опять хочется вернуться к «Они сражались за Родину» — там показан советский солдат, победивший фашизм, там есть перспектива, там есть любовь.

В «Утомлённых» размах, конечно, шире — от штрафбата, до Кремля, но фильм-то не о нашей Победе и не о нашей Великой державе, а о коллизиях жизненного пути некоего собирательного персонажа в таких же собирательных исторических событиях и условиях, которые весьма талантливо выдаются за исчерпывающие реалии нашей страны. Теперь немного о личной победе комбрига Котова, о его личной привлекательности и востребованности. А где все другие персонажи картины? А все они старательно и талантливо работают на единственного героя. Невольно вспоминаются завихрения Хлестакова о том, как его просят возглавить департамент и 35 тысяч одних только курьеров по его команде разлетаются во все концы, а директор-то департамента и неизвестно где, и некому-то кроме Хлестакова возглавить дело, и вхож-то он аж в императорский дворец, и будет он вскоре пожалован настоящим званием!!! Всё это присутствует и в «Утомлённых». Понятно, что Котов и не должен быть ангелом, и автор кинокартины показывает свой персонаж и с хорошей, и с плохой стороны, но тогда кто и что даёт надежду на будущее нашей страны в этом фильме? Котов, не желающий жить и собирающийся застрелиться после Победы, так как думал, что лишился всего, Митя, вскрывавший вены и провоцировавший Котова на расправу над собой и добившийся, наконец, расстрельной статьи, или вся массовка, работающая исключительно на главного героя: Юрок, Кирик, Мохова-Берримор, пожилые дамы — дачницы, бойцы — бессловесные герои? Мне кажется, что и этот фильм является неким упрёком русским людям, как и в «Неоконченной пьесе для механического пианино» да и в «Родне», показывается некое топтание на месте, некое рабское смирение и отсутствие воли и способности хотя бы понять, что происходит

вокруг. Но автор не помогает мне понять то, что произошло с нашей страной тогда, я вижу лишь высокохудожественные надуманные вариации на тему войны.

Касаясь темы репрессий, автор пытается обсуждать и её — в разговоре с Митей звучат взаимные претензии: а кто баржи с белыми офицерами топил, а кто красных командиров под нож пустил? Сталин, в свою очередь, объясняет Котову, что он был репрессирован не «за что?», а «для чего?», дальше этого ничего не следует, а тема-то непременно требует своего развития. Ведь, судя по началу фильма, мы видим, что репрессии в отношении Котова были применены строго по личным мотивам (мечь) и полностью объяснить феномен репрессий такая история совсем не может. То есть фильм есть набор ряда частных, слобренных изрядной долей чудес, но с большим запросом на обобщение, на назидание.

Повторюсь, что фильм Н. Михалкова мощный и талантливый, и тем более обидно, что он непатриотический в своей сути, что огромный творческий потенциал художника использован на создание некоей фальшивой версии подлинных исторических событий, которая вылилась в смесь экстремальных ситуаций и подлинных событий с большим замахом на шедевр. Понятно, что это не ошибка, а плод труда равнодушного художника. Но мне кажется, что Великая война явилась только декорацией для фильма, а основная мысль картины в том, что наш народ — средоточие бестолковости и достоин лишь жалости, умиления и покровительства, в лучшем случае. Юрок спиртику нальёт по движению брови «Бати», но ни шагу не сделает самостоятельно, Мохова и большинство других статистов — милые, но потешные образы, нуждающиеся в барине, а барин и решит, кому жить, а кому умирать, хотя и барин-то,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

по сути — временщик. Поэтому, этот фильм, используя бесспорные и качественно воспроизведённые условия и подробности войны, никуда кроме этих подробностей и не идет, а, напротив, разрушает нечто более важное, что показала нам война. Мы победили не от страха, не благодаря заградительным отрядам, не благодаря массовым жертвам, но и не вопреки им. Да, всё это было, но нельзя вкатываться в крайности и сводить историю войны к броуновскому движению человеческих масс задавленных (или «утомлённых») тиранией и всеми сопутствующими издержками. Михалков, конечно, очень ярко показал, как он представляет себе это время.

Но, слава Богу, что есть ещё «Живые и мёртвые», «Они сражались за Родину», «Освобождение», «Баллада о солдате» и многие другие скромные, в высшем понимании этого слова картины — земной поклон создателям этих шедевров! А ведь есть также и феномен советской песни и, в частности военной, а попробуйте-ка смонтировать хотя бы одну песню тех военных лет с картиной Михалкова — правильно, они совсем из разных времён и, главное — измерений! И это одно

из испытаний, показывающее, что фильм совсем не про то время, несмотря на достоверную картинку. Вспомните сцену пьянки из фильма Михалкова, которая резко диссонирует со стихами К. Симонова — «...без глотка, товарищ, песню не заваришь, так давай за дружеским столом — выпьем за снимавших, выпьем за писавших, выпьем за шагавших под огнём! Выпить есть нам повод за военный провод, за У-2, за Эмку, за успех. Как пешком шагали, как плечом толкали, как мы попевали раньше всех...» — совсем другое отношение и к войне, и к застолию. Наивно полагать, что сцены показанной Михалковым не было в действительности — была, но здесь вопрос выбора и акцента. И я признаю приоритет Симонова, а не Михалкова на этот выбор по вполне понятным причинам. Фильм Михалкова, несмотря на попытки внести религиозную подоплёку в сюжет, вносит только раскол, сомнение и пытается разрушить идеалы и ту любовь русских людей к своей стране и к товарищу в соседнем окопе, благодаря которым и была выиграна страшная война, и которых в меру своих сил описывали М. Шолохов, С. Бондарчук, К. Симонов, В. Пикуль и многие другие авторы.